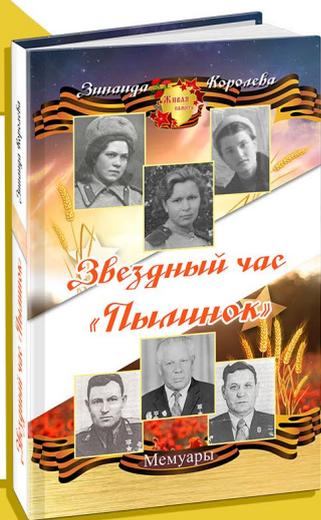

5/2018

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ

Литературно-художественный журнал

Герой номера Зинаида Королёва

«...Главное – не падать духом, а искать противоядие против зла и бездушия. А оно в доброте. Чаще улыбайтесь, и вас никто не обидит. И Муза всегда будет рядом с вами».

с. 12

Из вчерашних студентов
в завтрашние врачи

с. 16

«Стражи Пандемониума»:
Фэнтези-приключения в столице будущего

с. 17

Психология творчества: Я в себе
сомневаюсь, или Синдром самозванца

с. 20

Редколлегия:

Главный редактор: **Д. А. Суховейко**

Ответственный секретарь: **С. А. Чалый**

Литературный консультант:
член Союза писателей России
И. И. Суховейко (Малкова)

Вёрстка: **С. А. Чалый**
Корректор: **Г. В. Донина**

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации средства
массовой информации
ПИ № ФС77-44356
от 21 марта 2011 г.
Учредитель и издатель:
Индивидуальный предприниматель
Суховейко Денис Александрович

Адрес редакции:
654063, Россия, Кемеровская область,
г. Новокузнецк, ул. Рудокопровая, 30, корп. 4.

Адрес издателя:
653033, Кемеровская область,
г. Прокопьевск, ул. Яворского, 24-44

Для писем:
654079, Россия, Кемеровская область,
г. Новокузнецк, а/я 170.
Тел: 8-800-301-2620
E-mail: sp@izdat-kniga.ru

soyuz-pisatelei.ru
vk.com/journal_sp
knigi-market.ru

Все произведения и материалы, опубликованные в журнале, охраняются законодательством РФ об авторских и смежных правах. Воспроизведение публикаций журнала в каком-либо виде без письменного согласия редакции не допускается. При перепечатке ссылка на журнал обязательна. За достоверность фактов несут ответственность авторы опубликованных материалов. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов. Редакция оставляет за собой право на литературную правку рукописей, не вступая в переписку с авторами. Рукописи, присланные в редакцию, не рецензируются и не возвращаются.

Отпечатано в типографии издательства
«Союз писателей»,
Россия, Кемеровская обл.,
г. Новокузнецк, ул. Рудокопровая, 30/4.
Подписано в печать 03.05.2018
Журнал вышел в свет 10.05.2018
Формат 60x841/8. Бумага офсетная № 1.
Гарнитура «Times New Roman».
126 стр. Тираж 3000 экз.
Цена договорная.

Литературно-художественный
журнал

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ

№ 5/2018

Издаётся с 2011 года

Содержание номера

Победный май..... 3

Литературный календарь

Литературный календарь..... 4
Литературные события 8
Литературные конкурсы 9

Герой номера

«А жизнь продолжается»:
Интервью с Зинаидой Королёвой 12

Книжный обзор

Из вчерашних студентов
в завтрашние врачи 16
«Стражи Пандемониума»:
Фэнтези-приключения в столице
будущего 17

Гоголевский вестник

С «Красной машиной»
на «Кузнецкие встречи»: Гарий Немченко
в Новокузнецке 18

Психология творчества

Я в себе сомневаюсь,
или Синдром самозванца 20

Тема номера

Поэтическим словом о той войне 22
Надежда Гаврилина
День Победы 25
Людмила Денисова
Стихотворения 26
Виктор Казаев
Под Курском 30

Зинаида Королёва <i>Стихотворения</i>	36	Татьяна Печерская <i>Стихотворения</i>	80
Валерий Лепов <i>Стихотворения</i>	37	Проза и публицистика	
Натэлла Пак <i>Стихотворения</i>	38	Инна Андрианова <i>Куба – любовь моя</i>	81
Елена Пеньковская <i>«Спасибо за Победу...»</i>	39	<i>Преткновение</i>	82
Владимир Черноусов <i>Стихотворения</i>	42	Эйшель Антонов <i>Сказка о Тя Сиуре и Лене Ми.</i>	
Татьяна Эдел <i>Пройти сквозь смерть</i>	43	<i>Часть 3</i>	83
«Родники Сибири» <i>Вести из литературной студии</i>		Кристина Волчецкая <i>Она живая. Её зовут Катя</i>	91
«Родники Сибири»	51	<i>Аркашка</i>	92
<i>Литературный Обелиск Героям</i>	52	Александр Коломийцев <i>Четвёртая</i>	94
<i>С рождением вностудийного</i>		Наталия Мосина <i>Мой розарий</i>	99
<i>журнала!</i>	62	Александр Онищенко <i>Рыбалка</i>	100
Поэзия		Николай Погребняк <i>Смерть, смерть</i>	106
Лариса Агафонова <i>Стихотворения</i>	63	Нина РоманоVa <i>Снежный ангел</i>	112
Инна Андрианова <i>Стихотворения</i>	64	Сергей Тулупов <i>Важнее рыбалки</i>	115
Александр Арзуманов <i>Стихотворения</i>	65	Цветные зонтики	
Александр Белкин <i>Стихотворения</i>	67	Наталия Мосина <i>Танец бабочек</i>	119
Николай Ивлеев <i>Короткий роман</i>	69	Детский клуб «Озарёнок»	
Наталия Колотилина <i>Стихотворения</i>	74	Лучшие работы I Всероссийского литературного конкурса «Теремок юных сказочников»	120
Роман Куприков <i>Стихотворения</i>	76	Письма читателей	124
Виктория Никитина <i>Стихотворения</i>	79		

Победный май

Май традиционно начинается с торжественных аккордов. В этом году мы отмечаем 73-й юбилей Великой Победы, которую одержали наши отцы, деды и прадеды, чтобы мы могли жить под мирным небом над головой. Конечно же, в центре внимания нового номера «Союза писателей» – подвиги бессмертных героев, чьи имена навсегда остались в сердцах потомков, а деяния никогда не будут забыты.

Начинается выпуск с «Литературного календаря». Из него читатели узнают о значимых датах месяца, литературных праздниках и конкурсах, подать заявки на участие в которых можно уже сегодня. Книголюбы познакомятся с популярными книжными новинками месяца. «Книжный обзор» предлагает попутешествовать во времени: сперва отправиться на несколько десятилетий назад вместе с ироничной повестью Андрея Женина «Из жизни врачей в эпоху перестройки», а затем перенестись в будущее, чтобы встретиться с героями фэнтезийного романа Сьюзен Да Сильвы «Стражи Пандемониума».

В разделе «Психология творчества» людей, которые сомневаются в себе и своём таланте, ждёт совет настоящего профессионала. Статья «Я в себе сомневаюсь, или Синдром самозванца» расскажет, как стать увереннее и успешнее. А в «Гоголевском вестнике» читатели получают подробный отчёт об интересном мероприятии, прошедшем в Новокузнецке совсем недавно. «С “Красной машиной” на “Кузнецкие встречи”» приезжал Гарий Немченко.

Поклонникам хорошей литературы будет интересно ближе познакомиться с писательницей Зинаидой Королёвой, автором таких книг как «Мир глазами обнимаю», «Душа в корсете», «Вслед за мечтой», «Путь жизни продолжая», «Звёздный час пылинок», «Судьбы сплетая нить», «Унеси печали прочь». О страшных годах войны

писательница знает не понаслышке. Будучи ребёнком, она испытала страх, нужду и понесла тяжёлые потери.

«Поэтическим словом о той войне» в рамках «Темы номера» с читателями поговорят наши современники: Наталья Агуф, Зинаида Королёва, Людмила Денисова, Валерий Лепов, Рената Юрьева, Татьяна Печерская, Натэлла Пак и Владимир Черноусов. Не остались в стороне и прозаики, посвятившие свои рассказы Великой Отечественной и её героям. Среди них: Надежда Гаврилина, Виктор Казаев, Елена Пеньковская и Татьяна Эдел. Затем эстафету принимает литературная студия «Родники Сибири» из Кемерово, представившая тематические новости и стихотворения участников объединения.

Журнал «Союз писателей» из месяца в месяц доносит до читателей лучшие стихотворения современных поэтов. Майский поэтический раздел представлен произведениями Ларисы Агафоновой, Инны Андриановой, Александра Арзуманова, Александра Белкина, Николая Ивлеева, Наталии Колотилиной, Романа Куприкова, Виктории Никитиной и Татьяны Печерской. Рубрика «Проза и публицистика» в свою очередь вобрала в себя удивительные рассказы, открывающие разные грани бытия и оставляющие яркие впечатления. Их авторами являются Инна Андрианова, Эйшель Антонов, Кристина Волчецкая, Александр Коломийцев, Наталия Мосина, Александр Онищенко, Николай Погребняк, Нина Романова и Сергей Тулупов.

«На сладкое» остались произведения начинающих свой творческий путь участников детского литературного клуба «Озарёнок» и любимая рубрика редакции – «Письма читателей».

Прислушайтесь к победному маршу, вспомните павших и почтите живых вместе с журналом «Союз писателей»!

Литературный календарь

12 мая – 140 лет назад родился итальянский писатель, драматург, музыкальный критик, композитор **Массимо Бонтемпелли** (1878–1960). На счету автора несколько сборников рассказов и стихотворений, ряд романов и пьес, а также несколько музыкальных произведений. В 1953 году роман Бонтемпелли под названием «L'amante fedele» был удостоен самой престижной литературной награды в Италии – Премии Стрега.

85 лет назад в Москве родился советский российский поэт **Андрей Андреевич Вознесенский** (1933–2010), признанный одним из самых известных поэтов-шестидесятников.

Первые стихи автора появились в печати в 1958 году. Уже тогда выделялся необычный стиль, который использовал автор. Ему были присущи экстравагантные метафоры, сложная ритмическая система, неожиданные звуковые эффекты. Но главное, Вознесенский стремился «измерить» человека своего времени, используя для этого категории и образы мировой цивилизации. В 1960 году поэт издал свой первый авторский сборник. Он вышел во Владимирском издательстве и был назван «Мозаика». Второй сборник – «Парабола» – был опубликован практически без перерыва, но уже в столице.

80 лет назад родился советский писатель, диссидент **Андрей Алексеевич Амальрик** (1938–1980). Из-за своих взглядов на жизнь он был исключён из МГУ, где учился на историческом факультете, следуя по стопам

родителей. Тогда, вопреки рекомендациям, он принялся отстаивать «норманскую теорию». В 1965 году привлёк внимание властей. Молодого человека обвинили в тунеядстве и на два с половиной года отправили в Сибирь. Впрочем, пробыл он там меньше означенного срока. Уже через год Андрея Алексеевича освободили и позволили ему вернуться в Москву.

В 1976 году Амальрик вместе с командой единомышленников выдвинул идею о создании специальных неправительственных групп для сбора информации о нарушении прав человека в различных странах (прежде всего в СССР) и информировании правительств стран-участниц Хельсинкских соглашений. В 1976 году писателю пришлось покинуть Родину и перебраться в Европу. Первые произведения автора были написаны в семидесятых годах. Наибольшую известность приобрели работы «Просуществует ли СССР до 1984 года?», «Нежеланное путешествие в Сибирь». Из знаковых трудов, созданных в эмиграции, можно выделить основанные на воспоминаниях «Записки диссидента».

Умер Андрей Амальрик в Испании. Его жена вплоть до 2014 года жила во Франции.

65 лет исполняется русскому поэту и барду **Борису Бостону** (1953). Является автором ряда научно-технических и художественных книг на русском и английском языках. Песни Бориса Бостона впервые были записаны на диск в Торонто в 2004 году. Тот альбом носил название «Мать и мачеха Россия».

13 мая – 55 лет назад в Сарове родился русский писатель-фантаст Роман Злотников (1963). Среди знаковых произведений автора – романы «Шпаги над звёздами», «Виват, император!», «Грон», «Генерал-адмирал» и другие. В 2013 году Злотников стал лауреатом литературной премии в области фантастики «Аэлита».

15 мая – 220 лет назад в Москве родился поэт, мемуарист декабрист **Иван Иванович Пущин** (1798–1859), лицейский друг А. С. Пушкина. Он стал автором «Записок о Пушкине», которые обрели широкую известность.

115 лет назад родился русский поэт и журналист **Иосиф Павлович Уткин** (1903–1944). Участник Гражданской и Великой Отечественной войн. Первая книга автора – «Повесть о рыжем Мотэле...» (1925), поэма о переменах, внесённых революцией в жизнь еврейского местечка.

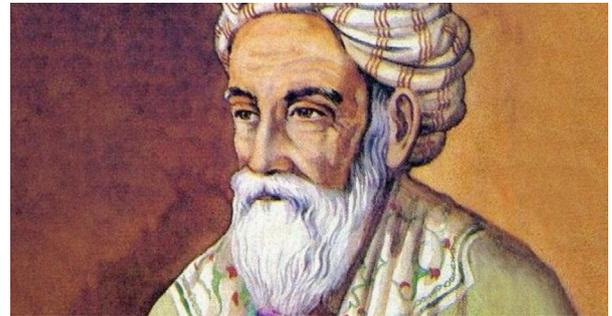
70 лет исполняется советской и российской поэтессе, автору текстов песен, переводчику прибалтийских поэтов **Татьяне Александровне Калининой** (1948). Является автором многочисленных стихов, текстов песен для фильмов, спектаклей и эстрадных композиций. Песни на стихи Калининой входят в репертуар таких известных артистов, как Людмила Сенчина, Михаил Боярский, Александр Хочинский. Наиболее известны из них: «Грёза о мире», «Сталинград», «Старые друзья», «Материнская любовь», «Дорога без конца».

16 мая – 120 лет назад родилась сербская писательница, член Сербской академии наук и искусств **Десанка Максимович** (1898–1993). Писала любовные и патриотические стихи. Среди её сборников – «Зелёный витязь», «Запах земли», «Пленник снов», «У меня больше нет времени», «Слово о любви», «Я буду помнить обо всём», а также поэмы «Отчизна на первомайской демонстрации», «Я здесь, отчизна» и другие. Владела русским, французским и польским языками. Делала поэтические переводы. В Ташмайданском парке Белграда с 2007 года стоит памятник Десанке.

17 мая – 145 лет назад в Аньер-сюр-Сене родился французский писатель **Анри Барбюс** (1873–1935), автор популярного рассказа «Нежность», пьесу по которому ставят в ведущих театрах всего мира. Лауреат престижной во Франции Гонкуровской премии.

110 лет назад в Константинограде родился украинский прозаик, переводчик и поэт

Леонид Первомайский (1908–1973). Настоящее имя – Илья Гуревич. Лауреат Сталинской премии второй степени (1946), за стихотворные сборники «Земля» (1943) и «День рождения» (1943). Философский роман автора «Дикий мёд» о героике и буднях войны был экранизирован.

18 мая – 970 лет назад в Нишапуре родился персидский поэт, философ, математик и астроном **Омар Хайям** (1048–1131). Является создателем одного из самых точных календарей. Создал до сих пор используемую в алгебре классификацию кубических уравнений и их решения с помощью конических сечений. Наибольшую известность приобрёл как поэт и философ, хотя при жизни прежде всего считался учёным. Многие его фразы стали крылатыми.

20 мая – 95 лет назад родилась южноафриканская англоязычная писательница **Надин Гордимер** (1923–2014). Романы, рассказы и статьи Надин Гордимер, обладательницы многих почётных званий и наград, переведены на 40 языков мира. Лауреат Нобелевской премии по литературе 1991 года.

21 мая – 175 лет назад родился швейцарский писатель, юрист и политик **Шарль Альбер Гоба** (1843–1914). В 1902 году совместно с Эли Дюкомменом стал лауреатом Нобелевской премии мира за усилия в деле международного арбитража.

22 мая – 210 лет назад в Париже родился французский поэт-романтик, прозаик, переводчик **Жерар де Нерваль** (1808–1855). Во многих чертах своего творчества Нерваль является предшественником французских символистов, его сновидческое творчество высоко ценили сюрреалисты. Для русского читателя Нерваля открыл Павел Муратов.

Его стихи переводили В. Брюсов, В. Козовой, А. Ревич, А. Гелескул и другие.

24 мая – 115 лет назад в Москве родился поэт и прозаик **Борис Юлианович Поплавский** (1903–1935). Основная тема поэзии автора – смерть, а мотив – наслаждение смертью, умиранием. Поплавский известен тем, что разработал этот мотив на основе знаменитого пятистопного хоря, за что М. Л. Гаспаров назвал его «виртуозом хорической смерти».

25 мая – 215 лет назад родился американский поэт, эссеист и философ, создатель теории трансцендентализма **Ральф Уолдо Эмерсон** (1803–1882). Поэмы автора «Брама», «Дни», «Снежная буря» и «Конкордский гимн» стали классикой американской литературы.

26 мая – 110 лет назад в Москве родился писатель и драматург **Алексей Николаевич Арбузов** (1908–1986). Настоящую известность автору принесла пьеса «Таня», спектакли по которой ставились почти во всех театрах страны. Большой и продолжительный успех (в том числе на зарубежной сцене) выпал и на долю пьесы «Иркутская история».

80 лет исполняется российской писательнице и драматургу **Людмиле Стефановне Петрушевской** (1938). Среди работ автора – цикл «Песни восточных славян» (1990), повесть «Время ночь» (1992), сказки «Маленькая волшебница» и «Кукольный роман» (1995). По сценариям Людмилы Петрушевской выпущен ряд мультфильмов.

28 мая – 110 лет назад в Лондоне родился английский писатель **Ян Флеминг** (1908–1964), автор детективных романов о Джеймсе Бонде. Первая книга об агенте 007 – «Казино “Рояль”» была написана в 1952 году. Специфическими деталями и глубиной романы Флеминга обязаны службе автора в разведке, а также работе журналистом.

Почти все произведения английского писателя были экранизированы современными режиссёрами и принесли славу не только автору, но и многим актёрам, которые сыграли знаменитого Джеймса Бонда. Сам

Флеминг своим лучшим творением считал роман «Из России с любовью» (1957).

145 лет назад родилась русская писательница **Ольга Дмитриевна Форш** (1873–1961). Известна в первую очередь как автор исторических романов, рисующих революционно-демократическую борьбу в России на примерах выдающихся личностей. Главные черты героев Форш – неудовлетворённость действительностью и духовные поиски.

31 мая – 245 лет назад родился немецкий поэт, писатель, драматург, переводчик **Людвиг Тик** (1773–1853). К знаковым работам писателя можно отнести роман в письмах «Вильям Ловель», сборник «Народные сказки Петера Лебрехта», «Странствования Франца Штернбальда». Известны его пьесы-сказки «Кот в сапогах» (1797, перевод на русский – 1916), «Принц Цербино» (1799), «Мир наизнанку» (1799), «Синяя Борода»; сказки-новеллы «Абрахам Тонелли» (1798), «Шильдбюргеры» (1796) и другие.

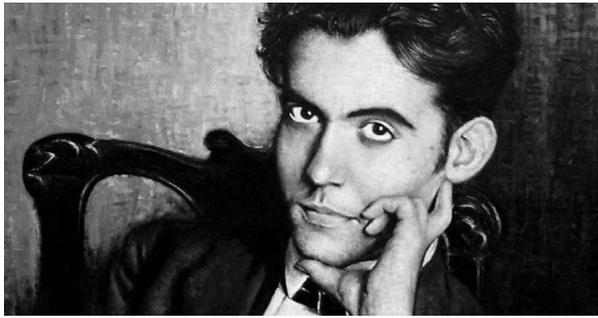
1 июня – 105 лет назад в селе Пителине Рязанской губернии родился русский писатель **Борис Андреевич Можаяев** (1923–1996). Самое известное произведение автора – роман-хроника «Мужики и бабы» (1976), повествующий о судьбах русских крестьян в годы раскулачивания и коллективизации.

85 лет назад родился писатель-сатирик **Владимир Влади́н** (1933–2016). Один из создателей «Клуба 12 стульев», автор многочисленных пародий. Вёл рубрику «Рога и копыта» в «Литературной газете».

2 июня – 105 лет назад родилась английская писательница **Барбара Пим** (1913–1980), автор книг «Осенний квартет», «Несколько зелёных листьев» и других. После смерти писательницы свет увидели её дневники «Очень личный взгляд».

5 июня – 120 лет назад родился испанский поэт и драматург **Федерико Гарсиа Лорка** (1898–1936). Родным городом писателя является Фуэнте-Вакерос, расположенный в провинции Гранада. Учёба в школе давалась мальчику нелегко из-за неусидчивости. С ранних лет в нём прояви-

лись склонности к творчеству, которые особенно раскрылись, когда в 1909 году семья переехала в Гранаду. Начиная с 1910 года Лорка участвовал в деятельности местного художественного сообщества. Несмотря на посредственные успехи в школе, Федерико в 1914 году поступил в местный университет. Там он выбрал в качестве специализации право, философию и литературу.

В 1918 году к Федерико пришла первая известность. Сборник «Впечатления и пейзажи» не был коммерчески успешен, но сделал своему создателю имя. Переезд в Мадрид открыл перед молодым человеком новые возможности. Он познакомился с видными деятелями культуры своего времени, среди которых были Сальвадор Дали и Луис Буньюэль, а также Грегорио Мартинес Сьерра, директор театра «Эслава». Это сподвигло автора на написание первой в жизни пьесы «Колдовство бабочки», которая была поставлена в 1919–1920 годах. Самым известным сборником этого периода является изданный в 1928 году «Цыганское романсеро».

В 1929 году Лорка отправился за океан и некоторое время жил в Нью-Йорке, где написал сборники «Поэт в Нью-Йорке», «Публика», «Когда пройдет пять лет». Федерико решил вернуться в Испанию, но там происходило множество политических событий, ознаменованных падением режима Primo de Rivera. В частности, была провозглашена Вторая испанская республика. Поэт получил предложение работать в театре La Vagasa, которое с радостью принял. Этот период оказался очень плодотворным. Именно в тридцатых годах Лорка создал свои культовые пьесы «Кровавые свадьбы», «Йерма», «Дом Бернарды Альбы».

Федерико Лорка по своим политическим убеждениям был республиканцем и никогда не скрывал своего сочувствия левым, что и стало причиной его гибели в 1936 году. За несколько дней до военного мятежа, послужившего поводом развязать гражданскую войну, прежде чем отправиться в Мексику, писатель решил посетить родную Гранаду, которая в то время была во власти правых. Его схватили в гостях у друга, отправили в тюрьму и уже на следующий день казнили.

7 июня – 85 лет назад в Киеве родился русский писатель-сатирик, драматург, поэт-песенник, актёр и телеведущий **Аркадий Михайлович Арканов** (1933–2015). Настоящее имя – Аркадий Штейнбок.

80 лет исполняется русскому поэту, композитору, барду **Александрю Александровичу Дольскому** (1938). На его счету множество дисков и песен для кинофильмов. Снимался в ряде картин во второстепенных ролях, а также был героем документального фильма. На счету автора литературные произведения «Синий автопортрет», «Четыре ангела», «Свет небес», «Беседы с Иисусом», роман в стихах «Анна» и другие.

65 лет исполняется чешскому поэту, композитору, автору и исполнителю песен **Яромиру Ногавице** (1953). В репертуаре Ногавицы, кроме песен собственного сочинения, присутствуют песни Владимира Высоцкого, Булата Окуджавы, Карела Крыла и других известных авторов.

8 июня – 105 лет назад родился американский драматург, сценарист и романист **Н. Ричард Нэш** (1913–2000). Является двукратным лауреатом премии Гильдии сценаристов США: в 1957 он одержал победу в номинации Лучшая американская драма («Продавец дождя»), а в 1960-м – в номинации Лучший американский мюзикл («Порги и Бесс»). Написал сценарии к фильмам «Энн Шеридан» (1947), «Святые Сёстры» (1948), «Дорогая жена» (1949), «Мара Мару» (1952), «Елена Троянская» (1956), рассказы «Восточный ветер, дождь», «Сияние», «Последнее волшебство», «Лесная чаша». Иногда использовал псевдоним

Джон Рок, под которым выпустил пьесу «Огонь!» и рассказ «Зимняя кровь».

9 июня – 510 лет назад родился словенский первопечатник Примож Трубар (1508–1586). Стоит у истоков словенской протестантской литературы, является одним из основателей словенской культуры.

175 лет назад в Праге родилась австрийская писательница **Берта фон Зутнер** (1843–1914). Первая женщина – лауреат Нобелевской премии мира (1905). Среди самых известных книг автора «Эпоха машин» (1889), «Долой оружие!» (1889) и «Помыслы человечества» (1911).

90 лет назад родилась американская писательница-фантаст **Кейт Вильгельм** (1928–2018). Начала творческую деятельность с научно-фантастического рассказа «Звездолёт длиной с милю». Написала серию детективных романов «Барбара Холлоуэй». Автор серии «Констанс и Чарли», романов «Коробка с бесконечностью», «Где допоздна так сладко пели птицы», «Время можжевеловника», повестей «Девушка, которая упала в небо», сборника «Дети ветра» и других литературных произведений в разных жанрах. Неоднократно номинировалась на самые престижные премии.

Литературные события

10 мая – День книги в Германии, ежегодно напоминающий немцам о варварской акции сожжения национал-социалистами книг, негодных гитлеровскому режиму, которая прошла 10 мая 1933 года в Берлине и ряде других немецких городов.

Также 10 мая отмечается День основания Российской книжной палаты (Петроград, 1917), первого в мире государственного учреждения, созданного специально для регистрации произведений печати. В настоящее время на неё возложены функции центра государственной библиографии, архивного хранения изданий, статистики печати, международной стандартной нумерации произведений печати и научных исследований в области книжного дела.

11 мая – 1150 лет назад китайский монах Ван Цзе изготовил самый древний из дошедших до наших дней точно датированный печатный документ – «Алмазную сунду» (868 г.).

20 мая – 15 лет назад Ватикан выпустил в свет словарь современного латинского языка. В него были добавлены такие понятия, как *видеотелефон*, *Интерпол*, *ФБР*, *бестселлер* и многие другие слова, о которых древние римляне не имели представления.

23 мая – 145 лет назад в Москве состоялась премьера оперы Н. А. Римского-Корсакова «Снегурочка».

24 мая – День славянской письменности и культуры. Праздник приурочен ко дню памяти святых равноапостольных братьев Мефодия и Кирилла, живших в IX веке.

25 мая – День филолога. Это профессиональный праздник, который отмечается в большинстве стран мира и отражает отношение правительств разных государств к науке, родившейся ещё в Древней Греции и Индии, и к людям, посвятившим ей жизнь.

26 мая – День работников издательств, полиграфии и книгораспространения в Украине. Отмечается ежегодно в последнюю субботу мая.

27 мая – День библиотекаря, или Общероссийский день библиотек. Известно, что первые библиотеки имелись ещё у шумеров. Сначала они располагались при храмах и были доступны лишь ограниченному кругу людей. Первая общественная библиотека появилась в Ассирии по велению царя Ашшурбанипала.

1 июня – Международный день защиты детей. Решение об организации этого праздника было принято в 1949 году на кон-

грессе Международной демократической федерации женщин, который проходил в Париже. В 1950 году праздник отмечался в первый раз. Традиция сохранилась до сих пор и имеет важное значение.

2 июня – 50 лет назад рукопись романа «Архипелаг ГУЛАГ», переправлена Александром Солженицыным за пределы СССР.

6 июня – Пушкинский день, главный литературный праздник в России. Государственный статус день рождения поэта

получил в 1997 году согласно Указу Президента РФ «О 200-летию со дня рождения А. С. Пушкина и установлении Пушкинского дня России». Также в рамках программы поддержки и развития многоязычия и культурного многообразия в мире 6 июня в ООН отмечается День русского языка.

8 июня – 40 лет назад перед Ассамблеей выпускников Гарварда Александр Солженицын произнёс историческую речь «Расколотый мир».

Литературные конкурсы

Конкурс сценариев от «Союзмультфильма»

Актуально до **10 мая**

Киностудия «Союзмультфильм» приглашает к участию совершеннолетних авторов, мечтающих воплотить свой замысел в анимационном фильме.

Принимаются сценарии анимационных сериалов для детей двух возрастных категорий: 0+, 6+; короткометражных анимационных фильмов для детей и подростков трёх возрастных категорий 0+, 6+ и 12+.

Планируемая продолжительность эпизода сериала не должна превышать 6 минут; продолжительность анимационных фильмов для детей возрастной категории 0+ – 3 минуты; короткометражных анимационных фильмов для детей и подростков возрастных категорий 6+ и 12+ – 6 минут. Сценарий должен давать конкретное и исчерпывающее представление о характерах и взаимоотношениях персонажей, происходящих в отдельных эпизодах.

К рассмотрению не принимаются литературные произведения любых видов и жанров, не являющиеся кинодраматургическими произведениями.

Призы: Один или несколько лучших сценариев по решению жюри будут включены в «портфель» запланированных к реализации на студии проектов.

Подробнее: vk.com/wall-73154028_4336

IV Международный литературный Тютчевский конкурс «Мыслящий тростник»

Актуально до **15 мая**

Принимаются стихотворения, эссе и оригинальные статьи на философские темы в лирике Ф. И. Тютчева, о преемственности философских традиций Тютчевской лирики в зеркале современной поэзии. К участию приглашаются: профессиональные литераторы России, ближнего и дальнего зарубежья, члены Союза российских писателей, члены Союза писателей России и других литературных объединений, студенты творческих вузов.

Номинации:

- «**Лучшее философское стихотворение**» (объём – до 100 строк);
- «**Лучшее философское эссе**» (эссе и статьи объёмом до 20 тыс. знаков).

Призы:

Один лауреат в каждой из двух номинаций награждается денежной премией. Ценными подарками награждаются два дипломанта конкурса в каждой из номинаций. Лучшие про-

изведения по результатам конкурса будут опубликованы в литературных альманахах СРП «Лёд и пламень», «Паровозъ», а также в журнале «Юность» и альманахе «День Поэзии». Лауреаты и дипломанты смогут побывать в Музее-усадьбе Ф. И. Тютчева «Овстуг» (Брянская область), где родился великий русский поэт, а также в древнем городище Вщиж.

Подробнее: musovstug.ru/News.aspx?Id=11700

Литературный и художественный конкурс «Реальная помощь»

Актуально до **20 мая**

К участию приглашаются авторы, пишущие на русском языке, в двух возрастных категориях: до 15 лет (включительно), с 16 и старше.

На конкурс принимаются работы в следующих номинациях:

– прозаическое произведение о реальной помощи (принимаются как документальные рассказы о помощи вам или вашей помощи, так и художественные произведения о помощи ближнему, помощи родной стране);

– поэтическое произведение о реальной помощи;

– художественная работа, отражающая тему реальной помощи.

Объём конкурсных работ – не более 150 строк для стихотворных произведений; не более 5000 знаков для прозаических произведений малых форм (рассказ, эссе, очерк).

Призы:

Гран-при конкурса – денежная премия 30 тыс. рублей.

Лауреаты будут награждены дипломами и ценными призами конкурса.

Подробнее: pynomosh.pf/index.php/tvorchestvo/27-polozhenie-vsrossijskogo-konkursa-tvorcheskikh-rabot-realnaya-pomoshch

Всероссийский литературный конкурс «Иван-да-Марья»

Актуально до **31 мая**

К участию приглашаются учащиеся общеобразовательных организаций среднего профессионального образования и профессионального обучения, организаций дополнительного образования, воскресных школ, воспитанники других детских учреждений России в возрасте до 18 лет

Принимаются рассказы или стихи на тему «Папа, мама, я – дружная семья», без ограничения по объёму.

Призы:

1-е место – денежная премия 200 тыс. руб., диплом, подарки, публикация в журнале. 2-е и 3-е места – диплом, денежная премия, подарки, публикация в журнале.

Подробнее: svetoch21.ru/literaturny-konkurs.html

Всероссийский конкурс инсценировок современной русской прозы «Живое слово театра»

Актуально до **1 июня**

На конкурс принимаются инсценировки (пьесы, сценические адаптации) прозаических произведений современных писателей. Оргкомитет Конкурса рекомендует авторам-участникам в поисках материала обращаться к спискам финалистов литературных премий «Большая книга», «Национальный бестселлер», «Ясная Поляна» и другим.

Призы

Отбираются пять финалистов, чьи инсценировки будут опубликованы в сборнике по итогам конкурса. Данные инсценировки будут предложены для работы участникам режиссёрской лаборатории, которая пройдёт с 25 по 31 августа в Архангельском театре драмы

имени М. В. Ломоносова. Кроме того, по инсценировкам будут созданы эскизы, а один из наиболее удачных может быть взят в работу профессиональным театром для постановки спектакля с включением его в репертуар. Финалисты награждаются дипломами.

Подробнее: www.facebook.com/zhivoeslovotheatre

Литературный конкурс «Петроглиф – 2018»

Актуально до 1 июня

К участию приглашаются все желающие в возрасте от 18 лет, независимо от известности, профессиональной подготовки, членства в творческих союзах, проживающие в РФ, ближнем и дальнем зарубежье. Принимаются произведения на русском языке, представленные автором (соавтором). Не принимаются анонимные произведения, подписанные псевдонимом без указания реального имени автора, присланные третьими лицами.

Каждый участник может прислать на конкурс одно прозаическое произведение объёмом до 20 тыс. знаков с пробелами и не более семи произведений в номинации «Поэзия».

Номинации:

- «Поэзия»;
- «Реалистическая проза» (малая художественная проза);
- «Фантастическая проза» (малая художественная проза).

Призы:

Лауреаты конкурса в номинациях «Поэзия», «Реалистическая проза», «Фантастическая проза» награждаются дипломами и памятными подарками.

Денежной премией в размере 10 тыс. рублей награждается лауреат конкурса в номинации «Поэзия» и лауреат конкурса в номинации «Реалистическая проза». Лучшие произведения данных номинаций будут опубликованы в литературных альманахах СРП «Лёд и пламень», «Паровозъ», а также в журнале «Юность» и альманахе «День Поэзии».

Подробнее: petroglyphcon.ru/konkurs-2018

Литературная премия «Наследие»

Актуально до 1 июня

Принимаются исторические произведения на русском языке, отражающие идеи национального единства, всеобщего покаяния, взаимного прощения и примирения, поиска соотечественниками различных верований, политических убеждений и общественных взглядов путей доброжелательного и взаимоуважительного диалога и совместного служения Родине. Произведения могут быть написаны как в прозе, так и в стихах.

Конкурс проводится для авторов старше 16 лет.

Призы:

С победителем заключается контракт на издание книги за счёт оргкомитета конкурса. Лауреатам вручаются статуэтки в форме пера на постаменте из афганского лазурита. Дипломантам вручаются памятные дипломы с подписью Главы Российского Императорского Дома Е. И. В. Великой Княгини Марии Владимировны.

Подробнее: www.premianasledie.ru/polozhenie

«А жизнь продолжается»: Интервью с Зинаидой Королёвой

Красной нитью по страницам истории прошла Вторая мировая война. Миллионы загубленных жизней, миллионы исковерканных судеб, целые государства, погребённые в руинах. Но и в то ужасное, жестокое, безумное время рождались и росли дети, совершались хорошие и плохие поступки, огоньком на горизонте маячила надежда, зовя за собой и помогая героям становиться героями. Многие современники слышали или читали о Великой Отечественной войне и о людях, побывавших на фронте или в тылу. Но только тот, кто сам был очевидцем тех событий, может доподлинно рассказать о них. Сегодня мы предлагаем вам мысленно вернуться в сороковые и вспомнить тех, кому довелось стать частью мировой истории. А расскажет об этом человек, не понаслышке знающий о лишениях, страхах, сомнениях непростых военных лет.

Наш корреспондент встретился с писательницей Зинаидой Королёвой, автором книг «Тресок от лисоньки», «Мир глазами обнимай», «Душа в корсете», «Вслед за мечтой», «Путь жизни продолжая», «Полынь души», «Звёздный час пылинок», «За своей судьбой», «Судьбы сплетая нить», «Унеси печали прочь», «Душа взывала к людям...», «Поворот судьбы». Ребёнок войны, дочь фронтовика, она навсегда сохранила в памяти калейдоскоп кровавых дней, о которых мы сегодня можем лишь узнать с чужих слов.

– Здравствуйте, Зинаида! Поздравляю Вас с праздником Великой Победы! Какими в Вашей памяти запечатлелись дни войны? Где Вашу семью застало известие о начале боевых действий? Куда Вас и Ваших близких забросила судьба?

– Здравствуйте, Екатерина! Спасибо за поздравление! День Победы – это великий день для многих народов. Мне не исполнилось и четырёх лет, когда пришёл этот

долгожданный день. Когда началась война, мы жили на Урале в г. Свердловске. Папа, несмотря на бронь, вместе с сибирскими эшелонами отправился на фронт. А мама в июне 1942 года с двумя детишками поехала на Тамбовщину к родителям. На одной руке я, в другой – чемодан, а четырёхлетняя сестрёнка держится за мамину юбку. Одному Богу известно, что она пережила в дороге.

Родная Дмитриевка бывшего Рудовского района тепло встретила нас. Мама сразу же вышла работать в колхоз – с темна и до темна. А от отца писем не было. Мама тогда не знала, что он ещё в феврале погиб. И только зимой 1947 года родственники отца прислали копию свидетельства о том, что отец пропал без вести.

А тогда, в августе 1942 года, пришло извещение на любимого сына и брата – Калинина Михаила Ивановича, старшего лейтенанта артиллерии. Бабушка не перенесла такой утраты, такого непоправимого горя и слегла, а вскоре ушла вслед за сыном. Мы остались с дедушкой. Он с мамой трудился в колхозе, а сестра Нина нянчила меня.

– **Каким было отношение простых людей к свалившейся на них беде? Терпеливое принятие как неизбежности, злость, страх, желание идти до конца? Как лично Вы и Ваши близкие восприняли начало войны?**

– Простые люди (к ним я причисляю и нашу семью) к началу войны отнеслись как к огромной беде. Был и страх, что немец дойдёт до нас. Ведь до Воронежа рукой подать. В Воронежском котле, когда наши позиции переходили из рук в руки с немцами по несколько раз на день, погиб и наш дядя Миша.

– **Что было сложнее всего для людей, оставшихся в тылу? Было ли в Вашей жизни в тот период хоть что-то светлое, что-то из настоящего детства или военные годы сейчас воспринимаются как сплошная чёрная полоса?**

– Дети всегда остаются детьми и находят занятия себе в любой обстановке. Зимой катались с горки на ледянках, санках, а весной, летом и осенью играли в круги, в лапту, а ребята ещё и в городки.

– **Ваш отец был на фронте. Рассказывал ли он Вам какие-то истории из своих фронтовых будней? Возможно, Вы могли бы поделиться одной из них с нашими читателями?**

– К сожалению, я не видела отца, он не вернулся с фронта. В памяти осталось постоянное ожидание. При виде человека в военной форме мозг как молния пронзала мысль: «А вдруг это отец?!» Я до сих пор вглядываюсь в кадры военных лет и ищу отца или дядю Мишу – он был кумиром у всех племянников.

– **Есть ли у Вас произведения, посвящённые войне? О чём, как Вы думаете, должны говорить авторы, ставшие**

очевидцами тех давних событий, чтобы сформировать у потомков правильное отношение к ситуации, к подвигу отцов и дедов? О чём говорите лично Вы?

– Я очень рада, что смогла написать очерки о своих земляках, своих соседях, о фронтовиках заводчанах. Они вошли в книги «Рядовые войны великой» и «Мы помним! Мы гордимся!». Позже я их объединила, включив и новые очерки в одну – «Звёздный путь пылинок».

Я рада, что соприкоснулась с живыми героями той великой войны. По моему мнению, о подвиге наших отцов и дедов надо было говорить и рассказывать сразу после окончания войны. Тогда не пришлось бы переписывать учебники истории. И мы не потеряли бы целые поколения, и не была бы развалена страна, и не было бы тихой третьей революции, унёсшей миллионы жизней.

Выводы и подведение итогов девяностых и двухтысячных ещё впереди, но они обязательно будут.

Купить книгу
knigi-market.ru/3177

– Изменилось ли, на Ваш взгляд, отношение к событиям войны за последние десятилетия? В какую сторону, и с чем это связано?

– Да, отношение к событиям войны за последние десятилетия полярно изменилось в положительную сторону. И это связано с изменением отношения нашей верховной власти к данному вопросу.

– Давайте теперь поговорим о Вашем творчестве в целом. У Вас есть книги для детей и для взрослых. Все они написаны в разных жанрах – это и драмы, и детективы, и приключения, и мелодрамы. Какой жанр Вам ближе всего? Какая из книг видится наиболее удачной?

– Я когда начинаю писать, то не знаю, что в итоге получится. Просто фиксирую текст, приходящий свыше. Но так бывает не со всеми произведениями.

Удачность книги зависит не только от хорошего текста, но и от дизайна обложки. Так сложился замечательный тандем в книге «Душа в корсете».

Мои книги оформляет прекрасная и ещё совсем юная художница Алиса Дьяченко. Я не перестаю восхищаться её талантом и благодарю Бога, что он послал её мне.

– Откуда Вы черпаете вдохновение? Есть ли у Вас какой-то совет, где искать Музу, который Вы могли бы дать начинающим авторам или писателям, пребывающим в творческом кризисе?

– Вдохновение приходит от желания жить и от любви ко всему земному. К сожалению, мне пришлось испытать подобный творческий кризис, и он ещё полностью не прошёл. Очень важно, чтобы рядом оказался такой верный друг, как Наташа Меркушова, умеющая вовремя поддержать и советом, и делом. И главное – не падать духом, а искать противоядие против зла и бездушия. А оно в доброте. Чаше улыбайтесь, и вас никто не обидит. И Муза всегда будет рядом с вами.

– Кто становится прообразами Ваших персонажей? Есть ли у Вас автобиографичные истории или, может быть, герои, которые в наибольшей степени похожи на Вас?

Купить книгу
knigi-market.ru/dusha-v-korsete-zinaida-korolyova

– Своих героев часто не планируешь, они приходят сами со своими сюжетами. Например, хочешь продолжить произведение, а оно застопорилось и всё. И только через несколько лет вернётся и уведёт тебя совсем в другое русло.

Похожих на меня героев нет. А вот знакомые становились героями моих произведений.

– Для кого писать интереснее – для малышей или для людей взрослых?

– Мне писать для детей труднее, потому что рядом нет прообразов. Или нет большого вдохновения.

– Стихи или проза? Что Вам больше нравится писать, а что читать? Можете назвать Ваших любимых авторов, современников и классиков? Почему именно они?

– Больше пишу прозу. А стихи выходят как боль души, как выстрел.

Из современников я давно открыла для себя Николая Иванова. Я рада, что моё мнение совпало с мнением делегатов съезда и именно его избрали председателем правления Союза писателей России. Именно такие

люди с горячим сердцем, холодным рассудком и доброй душой должны возглавлять флагман литературы.

Из классиков предпочитаю Николая Островского и Бориса Полевого.

– **Есть ли у Вас стихотворение, посвящённое войне? Поделитесь с читателями?**

– Да, есть. И не одно. А вот это – первое, оно ближе всего:

Без отца

*Сама лечу утюг захворавший –
Отвёртка в руки – и он здоров.
Стопан каблук у туфель уставших? –
Резина, гвозди – каблучок нов!*

*Сломался стул, погасла лампочка, –
Смелей, Зинуля, делай одна!
А ночами зову: «Папа! Папочка!..»
Но нет его... отняла война.*

1987 г.

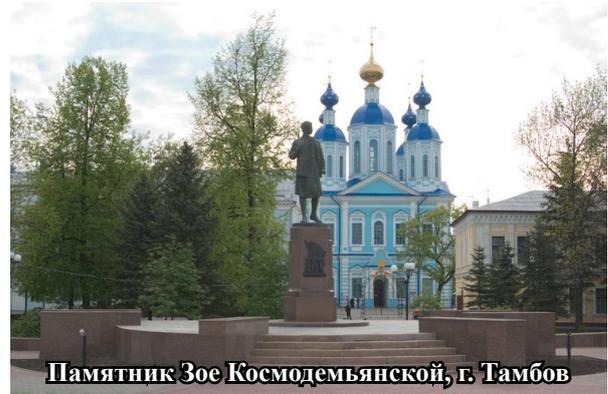
У подвига нет цены

*Вот и осень соткала основу:
То тепло, то ночная прохлада.
Все дороги родного Тамбова
Заметёт золотым листопадом.
Защуршит под ногами котёнком
Акварельно-живой ковёр,
Детский смех неожиданно звонко
Огласит осенний простор.*

*И другими глазами посмотришь
На церквей купола и на Зою.
Защищая правду, поспоришь –
С нами жизнь они вместе строят.
Та девчонка из Осинова Гая,
Из Тамбовских глухих степей,
Муки ада познав и рая,
В бессмертье вошла, став родней.*

*Она среди нас со своей винтовкой,
В фуфайке железной, стрижкой модной
Голосом громким в жизни короткой
Сказала каждому: «Будь свободным!»*

*И кто с завистью, кто восхищаясь,
Смотрит на Зою у реки Цны,
А она, каждый раз прощаясь,
Говорит нам: «У подвига нет цены».*

Памятник Зое Космодемьянской, г. Тамбов

– **Зинаида, многие из Ваших книг вышли в новокузнецком издательстве «Союз писателей». Расскажите о личном опыте сотрудничества с издательством.**

– В издательство меня буквально за руку привела Наташа Меркушова. Она мой поводырь и до сих пор.

Здесь вышло 13 книг, коллективных сборников.

Сотрудничество строится на доверии. Я верю, доверяю издательству, а они доверяют мне. Именно поэтому у нас образовался такой крепкий тандем. И самое важное здесь – не потерять ДОВЕРИЕ.

– **Поделитесь творческими планами? Как скоро мы увидим Ваши новые книги, и о чём они будут?**

– Готовлю к изданию сборник стихотворений «Стихи спасают жизнь». Выходит книжечка прозы «А жизнь продолжается». Надеюсь, что она окажется символичной и жизнь продолжится. Так хочется ещё пожить, написать что-то новое, завершить начатое. Да просто полюбоваться Тамбовским лесом. Розарием вокруг Дома ветеранов.

– **Спасибо, Зинаида, за интересную беседу. Благополучия Вам, здоровья и вдохновения! Будем ждать Ваших новых произведений.**

Екатерина Кузнецова, пиар-менеджер издательства «Союз писателей»,
руководитель московского отделения МСТС «Озарение»

Из вчерашних студентов в завтрашние врачи

Как говорится, хорошенького понемножку. Сколь бы ни были прекрасны студенческие годы, наступает день, когда они остаются позади. Приходит пора взрослой жизни, принятия серьёзных решений. Теперь на свой страх и риск надо делать шаг за шагом в будущее, возможно, светлое, а может, и не очень.

Издательство «Союз писателей» и Андрей Женин предлагают читателям вернуться на несколько десятилетий назад и чуть-чуть пожить в эпоху перестройки. Но не бойтесь! Никакой политики, никаких депрессивных реалий, никаких лозунгов и призывов! Книга «Из жизни врачей в эпоху перестройки» позитивна, иронична, капель-

ку романтична и до определённой степени философична. Новинка является третьей частью серии и может считаться логическим продолжением книг, увидевших свет в 2017 году: «Из жизни студентов эпохи застоя» и «Из жизни советских студентов на военных сборах».

Главный герой этой истории – наш старый знакомый Мартын. Совсем недавно он дал клятву Гиппократу и, наконец, получил диплом. Это событие он славно отметил, но пора и честь знать. Молодой доктор готов получить первое в жизни распределение. В столичной больнице его ждут новые знакомства, друзья и неприятели, завистники и покровители, сложные пациенты и ещё более сложные родственники, неисчерпаемые возможности и трудные дилеммы. А ещё будут вечеринки, романтические (и не очень) свидания и многое другое. И пока неведомо, что принесут с собой лихие девяностые. Но перемены уже витают в воздухе и легко узнаются читателем, знающим новейшую историю.

Андрей Женин проявил изрядное чувство юмора, но так как его герой вырос, теперь он уже не может только развлекаться и смеяться над собой и над другими. Став взрослым, начав медицинскую практику, он должен задавать себе вопросы, которые в более юные годы оставались «за кадром». Эти же вопросы встают перед тем, кто держит в руках книгу, – многие из них остаются актуальными и сегодня, несмотря на десятилетия, прошедшие со времени описываемых событий. Традиционно автор использует термины из восьмидесятых и передаёт атмосферу эпохи. Он не забывает о мелочах и наполняет повествование подробностями, которые пробудят ностальгию в старших читателях и помогут младшим понять своих родителей, дедушек и бабушек, в жизни которых – вы только представьте! – тоже были веселье, романтика и приключения.

Купить книгу
knigi-market.ru/3241

Повесть «Из жизни врачей в эпоху перестройки» – способ почувствовать себя молодым, бесшабашным и развлечься так,

словно завтра не наступит. Не упустите шанс совершить путешествие во времени – загляните в интернет-магазин «#Книга».

«Стражи Пандемониума»: Фэнтези-приключения в столице будущего

Ну какой старшеклассник не хотел бы оказаться в самом центре невероятных событий, узнать, что с его происхождением связана магическая тайна, а будущее предвещает массу опасных приключений (желательно с хорошим концом)? Книга Сьюзен Да Сильвы «Стражи Пандемониума», которая вышла в издательстве «Союз писателей» по гранту «Новые имена», написана специально для подростков, обожающих яркий, динамичный, не перестающий удивлять жанр фэнтези.

Москва. 2023 год. Девушка по имени Эмили собирается на мероприятие в центр. Она хотела приятно провести время вместе с друзьями, а не стать частью невероятной истории, но, увидев на крыше дома девушку с оружием, просто не смогла удержаться. Это же так круто – сделать столь неожиданное фото из эпицентра массовых беспорядков! Это событие становится первым в череде случайностей, казалось бы, не связанных между собой. Дети, погибающие в попытке призыва Пиковой дамы, новый одноклассник и его странные родственнички, неожиданности в гостях у репетитора, люди со странными способностями... Мир будто сошёл с ума и с каждой секундой увлекает её всё дальше в неизвестность! Остаётся понять, что здесь к чему, а затем придумать, как справиться с ситуацией, слишком похожей на снежную лавину, грозящую раздавить всех, кого Эмили знает.

Сьюзен Да Сильва – молодая талантливая писательница. «Стражи Пандемониума» для неё своего рода дебют – первая официально изданная книга. О своём творчестве и планах на будущее автор говорит: «Я бы хотела поведать миру ещё много историй, которые живут в моей голове и

Купить книгу

knigi-market.ru/strazhi-pandemoniuma-syuzen-da-silva

которых, к моему же собственному удивлению, с каждым разом становится всё больше». Поклонники молодёжного фэнтези, проникнувшись интригующей атмосферой литературной вселенной автора, наверняка будут с нетерпением ждать новых историй Сьюзен Да Сильвы. Ну а все желающие могут приобрести роман в интернет-магазине «#Книга», не откладывая приятное в долгий ящик.

Екатерина Кузнецова, пиар-менеджер издательства «Союз писателей»

С «Красной машиной» на «Кузнецкие встречи»: Гарий Немченко в Новокузнецке

3 апреля Центральная городская библиотека имени Н. В. Гоголя стала местом встречи сразу с несколькими героями сайта «400 знаменитых новокузнецчан». Гостей встречали:

- **Гарий Леонтьевич Немченко**, русский советский писатель-прозаик, переводчик, публицист, общественный деятель, член Союза писателей России.

- **Олег Иванович Короленко**, с 1956 года бессменный капитан хоккейной команды «Металлург», лучший бомбардир первенства СССР по хоккею (1963).

- **Николай Фёдорович Медянец**, полковник, экс-начальник новокузнецкой милиции, награждённый орденом Красной Звезды за самоотверженные действия, проявленные при задержании вооруженных преступников, экс-главный судебный пристав Кемеровской области.

- **Валерий Ефимович Каманицын** – единственный в Кузбассе судья всесоюзной категории, первый и единственный хоккейный арбитр Кемеровской области, работавший на матчах чемпионата высшей лиги СССР.

Встреча открыла цикл мероприятий «Кузнецкие встречи», приуроченный к 400-летию Новокузнецка.

Приятно, что в библиотеку, кроме читателей и почитателей творчества писателя,

пришла молодёжь – старшеклассники, объединённые «Российским движением школьников», под руководством **Тамары Николаевны Титовой**. Среди почётных гостей встречи были: председатель Общественного совета по культуре **Александр Волобуев**, журналисты **Валерий Немиров** и **Михаил Гревнев**, фотожурналист **Борис Химич**, спортивный журналист **Виктор Малышев**, спортивный фотожурналист **Михаил Петрик**, заместитель директора музея Ф. М. Достоевского **Елена Трухан**, писатель **Владимир Неунывахин** и многие другие.

Последний раз библиотека встречала почётного гостя из Москвы – российского советского писателя, публициста, переводчика, общественного деятеля Гария Немченко – 28 июля 2014 года. И вот в канун 400-летия города писатель сделал значимый подарок новокузнецким читателям.

Сюжет остросюжетного фантастического романа автора «Красная машина» (2016) объединил тайны военной разведки и закулисы хоккейного мира. В центре повествования – «Красная машина» – легендарная хоккейная команда сборной СССР.

Именно хоккейная тема явилась основанием для приглашения на «Кузнецкие встречи» в гости к писателю выдающегося хоккеиста, хоккейного арбитра и руководителя правоохранительных органов.

Гарий Леонтьевич Немченко родился на Кубани, однако мы считаем его своим земляком. Более 10 лет он жил в Новокузнецке, работал в записибовской многотиражке «Металлургстрой». Именно в нашем городе состоялось профессиональное становление писателя. Он и А. Соболев были первыми новокузнецкими авторами, принятыми в члены Союза писателей СССР.

Гарий Леонтьевич – автор более 50 книг прозы и четырёхтомного собрания сочинений. С библиотекой им. Н. В. Гоголя его связывают долгие дружеские отношения.

Тема хоккея прошла красной нитью через всю встречу. Гарий Немченко вспомнил, что к хоккею его приобщил Геннадий Емельянов – великолепный очеркист, лучше которого никто не знал город и никто так не любил Новокузнецк. Рассказал, как возникла идея написать роман о хоккее, о первых опусах хоккейной тематики в своём творчестве – рассказах «Хоккей в сибирском городе» и «Мальчик и хоккей».

Что же в романе правда, а что – вымысел, почему одним из героев произведения стал Олег Иванович Короленко, насколько точен писатель в изображении хоккейных событий того времени, – всё это нашло отражение в словах Г. Немченко и О. Короленко.

Акцентным стало обсуждение вероятности триумфального возрождения хоккейной темы на сибирской земле не только в спорте, но и в искусстве и литературе.

Н. Ф. Медянецв рассказал о роли хоккея в своей жизни, почему эта спортивная

игра стала решающей в выборе им будущей профессии. Вспомнил он и о том, как в годы, описанные в романе, во время хоккейных матчей снижалась криминальная статистика.

М. Гревнев и В. Малышев поделились впечатлениями о представленной книге, призвав собравшихся непременно прочесть замечательный роман, во многом биографичный, написанный великолепным художественным языком и с огромнейшей любовью к Новокузнецку.

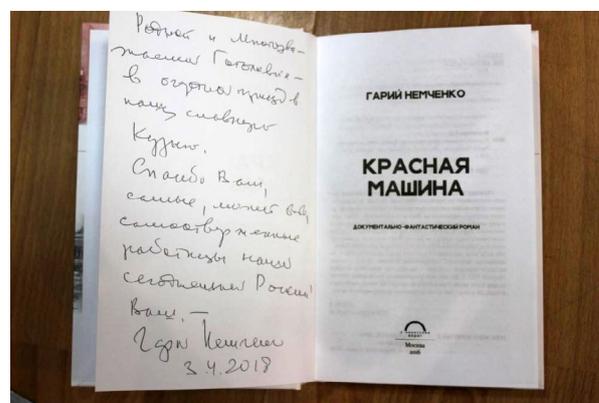
Доброй традицией стало вручение сертификатов героям сайта «400 знаменитых новокузнецчан». В этот раз почётные удостоверения были торжественно вручены Гарию Немченко, Олегу Короленко, Николаю Медянцеву и Валерию Каманицыну.

Гарий Леонтьевич с благодарностью принял подарки от председателя Общественного совета по культуре Александра Алексеевича Волобуева, книги от Отдела краеведения ЦГБ им. Н. В. Гоголя.

Участники первых «Кузнецких встреч» покорили слушателей своей душевной молодостью, любовью к городу и неиссякаемым юмором.

После окончания встречи гости ещё долго не расходились. «Кузнецкие встречи» продолжились неформальным общением, фото- и автограф-сессией.

Е. Э. Протопопова, гл. специалист по библио. маркетингу МБУ «МИБС», член Союза журналистов РФ
Фото: О. Д. Анчочкова, А. Н. Завора

Приходите в библиотеку! «Кузнецкие встречи» обязательно продолжатся!

ПСИХОЛОГИЯ ТВОРЧЕСТВА

с Ларисой Агафоновой

Я в себе сомневаюсь, или Синдром самозванца

Вы смотрите на своё отражение в зеркале, с ужасом осознавая, что вы, именно вы, занимаете не своё место, не своё кресло, не свой пьедестал? С тревогой ожидаете, что не сегодня завтра вас лишат полученных наград, заслуженных званий и восторженных откликов аудитории? Вам хочется пригнуться или уменьшиться в размерах, пока никто не заметил, что вы не тот, за кого себя выдаёте?

Есть вероятность, что вы сгибаетесь под тяжестью синдрома самозванца.

Синдром самозванца (англ. *Impostor syndrome*) – психологическое явление, при котором человек не способен принять свои достижения. *Impostor* в переводе с английского означает «самозванец», «обманщик», «мошенник». Синдром самозванца часто встречается у творческих людей, у тех, кто достиг высот в профессии или хобби, добился признания и успеха, чьи картины признаны шедеврами, стихи разлетелись по всемирной паутине, рассказы читаются взахлёб, а выпущенные книги расходятся огромными тиражами.

Только вдумайтесь: согласно исследованиям, от 30 до 70 % успешных профессионалов в той или иной степени ощущают себя самозванцами.

Кстати, самозванцы бывают «истинные» и «ложные».

«Ложные» самозванцы используют самоуничижение как намеренное социальное поведение. За счёт умаления собственных способностей и возможностей они стремятся снизить требования, предъявляемые к ним работодателем. «Истинные» самозванцы не извлекают никакой пользы из своего синдрома, страдая от страха развенчания успехов.

Почему возникает синдром самозванца, и как с ним бороться?

Лариса Агафонова – кандидат психологических наук, доцент, автор более ста работ в области психологии, филологии и педагогики.

В творческом мире тысячи успешных художников и скульпторов, поэтов и писателей, дизайнеров и мультипликаторов. Почему одни подвержены самокопанию и отрицанию собственных заслуг, а другие с удовольствием слушают фанфары в свою честь?

Все наши взрослые проблемы, как правило, родом из детства. Окружение – семья и другие значимые для подрастающей личности люди – оказывает влияние на формирование наших сильных и слабых сторон. И синдром самозванца не исключение. Проживая опыт взаимодействия с социумом, ребёнок может усвоить две абсолютно противоположные неверные модели, влияющие на его поведение во взрослой жизни:

1. Модель «Я – самый лучший»

Родители захваливают своё ненаглядное чадо, не давая ему сомневаться в том, что он лучше всех поёт, рисует или решает задачи.

Ребёнок идёт в садик, школу, колледж, институт и на каком-то этапе вдруг понимает, что на самом деле он не гений, а обычный человек с весьма скромными (в каком-то виде деятельности) способностями.

Неуверенность в своих силах, страх стать лузером.

2. Модель «Я – ничтожество»

Родители не поддерживают ребёнка, сравнивают с другими, более успешными, талантливыми и умными, всячески принижают его достоинства.

Выйдя из-под опеки взрослых, ребёнок продолжает нести груз своей никчёмности.

Неумение признавать свои реальные успехи, даже подтверждённые другими людьми.

Именно у творческих людей эти модели могут привести к формированию *синдрома самозванца* во вполне успешном будущем.

Итак, вы – творческая личность, вы пишете стихи и выпускаете сборники, публикуете рассказы в популярных журналах, выставляете картины в галереях, получаете восторженные отклики поклонников вашего таланта, но:

- порой считаете, что не заслуживаете достигнутого успеха и боитесь быть разоблачённым;

- пытаетесь объяснить (чаще всего самому себе) свои успехи внешними причинами, а не своим трудом или способностями;
- обесцениваете свои достижения, полагая, что стоящие перед вами задачи были слишком лёгкими, и опасаетесь приниматься за новые проекты, которые могут оказаться более сложными. Это приводит к нездоровому перфекционизму и прокрастинации.

Что делать, если вдруг завёлся этот «червячок», отравляющий вам жизнь и мешающий с честью пожинать заслуженные плоды успеха?

✓ Рассматривайте свой «синдром» как *возможность для роста*: усиливайте ваши компетенции, повышайте квалификацию, наращивайте опыт.

✓ Обязательно *хвалите себя* и помните, что никто никогда не может достичь совершенства.

✓ *Записывайте свои успехи* и перечитывайте их. О них говорят реальные отзывы в социальных сетях, репосты ваших стихов, разбор рассказов на цитаты. Это *ВЫ* получили положительную рецензию от маститого писателя; это *ВАШИ* роман лидирует в списке продаж; это *ВАША* подборка стихов удостоилась победы в конкурсе.

✓ Сформулируйте «*копилку*» *утверждений*, служащих своеобразным «спасательным кругом» в момент приступа самобичевания:

1. Я могу не знать ответа на какой-то вопрос.
2. Я имею право на ошибку.
3. Если я совершил ошибку, я могу её исправить. Все люди ошибаются.
4. Я могу попросить о помощи, если в этом есть необходимость.
5. Необязательно быть лучшим во всём, достаточно одной ниши, где я чувствую себя уверенным и компетентным.

***ВЫ И ТОЛЬКО ВЫ ДОБИЛИСЬ СВОИХ УСПЕХОВ!
ВАШИ ДОСТИЖЕНИЯ – ЭТО ЗАСЛУЖЕННЫЕ ПЛОДЫ
ВАШИХ УСИЛИЙ! ВЫ – ПОБЕДИТЕЛЬ!***

Поэтическим словом О ТОЙ ВОЙНЕ

Наталья Агуф

г. Тверь

Мы помним

Из года в год мы память берем
Тем временем, наполненным слезами.
С рождения мы этот крест храним,
Оплаканный погибшими сынами.

Цена за жизнь – безмерно высока,
Ребята юные, не видевшие жизни,
Остались молодыми навсегда
В закатах цвета переспелой вишни.

Остались, не вернулись к матерям,
На сына похоронку получили.
Такую боль не выплакать глазам,
Когда он мёртв – не важно, где убили.

Но силу духа было не сломить,
За нас деды нещадно воевали,
Ценою жизни – завещали жить,
Хотели, чтобы мы не забывали.

Давайте вновь молчанием почтим
Всех тех, кто стал для родины героем.
Кто пал за нашу жизнь – благодарим
И помним тех, кто не вернулся с боя.

Зинаида Королёва

г. Тамбов

Заблудилась в парке тишина

Заблудилась в парке тишина,
От удара замерла она:
Слышно слово грозное: «Война!» –
Весть была внезапна и страшна.

Мчалась по селеньям она вскачь,
А за нею нёсся стон и плач...
Побросали косы мужики –
На подъём с котомкою легки.

У гармошки растянув меха,
Подступила и беда лиха:
Пять годков рвала она сердца –
Хоронили сына и отца.

В майский день пришёл войне конец,
И Победа обрела венец.
И цветами славили солдат:
Победителям народ был рад.

Возвращались в дом фронтовики,
Там их ждали жёны, старики.
На вокзалах пляски, плач и смех –
Радость одарила, да не всех:

Возрождались семьи, жизнь кипела,
У кого-то свадьба песни пела...
У солдаток – слёзы, тишина,
В их сердцах ещё идёт война.

[Больше произведений автора на с. 36]

Людмила Денисова

г. Гаутинг, Германия

Первый выстрел

(Из воспоминаний женщин-снайперов)

Его лицо во сне я вижу чётко,
Как и тогда в оптический прицел:
Чуть странновато-рыжая борода,
Обычный немец, жив пока и цел.

Пора курок нажать легко, небыстро,
Но жалость что-то бьётся дрожью век.
Как трудно сделать этот первый выстрел,
Убить врага. Ведь тоже человек!

Но я должна. Они нас не жалели,
Когда бомбили наши города,
Сжигали сёла, с целью и без цели.
Им наша жизнь ничуть не дорога.

А у меня на днях убита мама,
Разрушен дом: попал в него снаряд.
Погибли все. На этом месте – яма.
Кто мне вернёт родных моих назад?

За кровь и слёзы неизбежно мщенье.
Сомненья прочь – настал расплаты срок.
И повинуюсь этому решению,
Мой палец жмёт податливый курок.

Войне – конец! В весенние наряды
Победный май подвёл под ней черту.
И грудь мою украсили награды –
Десятки немцев на моём счету.

Остались в прошлом фронтовые сводки,
Отпор достойный дали палачам.
Но то лицо с торчащею бородкой
Мне продолжает сниться по ночам.

[Больше произведений автора на с. 26]

Валерий Лепов

г. Якутск

Бессмертный полк

Бессмертный полк,
бессмертный полк
идёт на смену поколению,
которого и кровь, и пот
в земле растворены нетленной.
И, опалённые войной,
передавая эстафету,
они пожизненной ценой
передают победу эту
на руки тех, кто верит им –
неумолимо, непреклонно, –
кто неуверенных простит
но остановит гегемона,
кто, принимая мир частиц,
единства понимает волны.

Бессмертный полк
восстал в золе
не телом – подвигом былинным,
которым смерть преодолел
и защитил свои долины,
и русла рек и ручейков,
и города, и быт старинный,
в музеях собранный альков
руками ариев и римлян,
культур народов всей земли, –
от беспощадности расизма,
от тех, в кого и сами мы
могли с успехом превратиться.
Могли бы, духом не сумей
в бессмертный полк переродиться.

Бессмертный полк
узрей в себе,
не поднимая вверх портреты,
исполнись волею небес,
не примеряя эполеты, –
тогда почувствуешь, как бес
уходит прочь беспрекословно,
как дед когда-то твой исчез,
подняв бессмертные колонны.

[Больше произведений автора на с. 37]

Рената Юрьева

с. Кочневка, Новосибирская обл.

День Победы

День Победы – память вечных лет,
Вписанных в священные скрижали,
Радости неугасимый свет
И огонь свечи, огонь печали.

Не забыть бои на огневой,
Град стальной, багровые закаты...
Чтоб вернуть родной стране покой,
Шли на смерть бесстрашные солдаты.

Не предать забвенью никогда
Подвиг, что свершили наши деды.
Всей душой всем миром все года
Будем славить этот День Победы!

Наш долг

Когда закончилась война,
Всё так же громко пели птицы,
Дышала радостью весна,
Стирая мрачные страницы.
 Но только больше стало слёз
 От нестихающих страданий,
 Потерь, что каждый перенёс, –
 Мы не забудем их с годами.

Глухое эхо страшных лет
В сердцах живущих не стихает.
Беречь свободный мир от бед –
Для всех обязанность святая.

У Вечного огня

Взлетают к небу искорки огня
(Великий символ вечного признанья!),
И душат слёзы в этот миг меня,
И трепет в сердце от воспоминаний.

Хранимы вечной памятью года,
Вобравшие отвагу, боль и смелость.
Нет, не забыть войну нам никогда
А им, солдатам, очень жить хотелось,

Любить, трудиться, и встречать рассвет,
И радоваться жизни бесконечно...
Но путь их оборвался в цвете лет,
В их честь сейчас огонь пылает Вечный.

У Вечного огня в тиши стою,
Благодарю бойцов за подвиг ратный.
И только об одном всегда молю:
Чтоб канули все войны безвозвратно!

Татьяна Печерская

г. Липецк

Вот закончилась эпоха
Из мазута и свинца.
Вновь клубится суматоха
Возле нашего крыльца.

А в округе запах сена,
Не сожжённого в войну.
Возвращаются из плена
Те, кто выжил в том плену.

И, сетуя на удачу,
Кто-то нежно очень ждёт.
Ну а я всё слёзы прячу,
Знаю ведь, что не придёт.
21 марта 2017 г.

Пули летели быстро.
Резкий разрыв бедра.
Было вино игристо,
То, что с утра пила.

Пули летели точно.
Серая мгла и дым.
Жаль умирать досрочно,
Даже немолодым.
18 января 2014 г.

Когда все закончатся крики,
А после луга зацветут
И смерти тревожные лики
Из памяти юркой уйдут.

Я знаю: тогда, через пламя
И ад этой страшной войны,
Неся в руках русское знамя,
Вернутся к нам наши сыны.
10 марта 2017 г.

[Больше произведений автора на с. 80]

От автора

«День Победы» – рассказ-быль о том, как этот праздник вошёл в семью моего отца.

Спустя годы и годы после окончания войны он стал кавалером ордена «Знак Почёта», был награждён многими медалями. Всегда много работал и любил жизнь. Почти никогда не рассказывал о пережитом в 1941-м, когда в доме разместился немецкий штаб и две недели (до прихода Красной Армии) они не просто соседствовали с врагом, но и укрывали у себя близкого родственника, коммуниста, пришедшего проститься с семьёй перед отправкой на фронт и оказавшегося в западне. Ещё реже вспоминал 9 мая 1945 года: не мог справиться с эмоциями, потому что светлый, счастливый день был омрачён печальным событием.

Наверное, можно было бы и не писать об этом маленьком эпизоде из жизни большой и великой страны, но есть правда, и её должны знать потомки Победителей.

День Победы

*Памяти Василия Михайловича
Платонова*

Хорошие песни не просто стихи и музыка. Они – отражение жизни.

Это произошло 9 мая 1945 года. Шустрый вихрастый мальчишка девяти с половиной лет от роду сидел на крылечке, посматривая по сторонам. Утро было серенькое, неприметное, какое-то даже не очень приветливое. Накрапывал дождик – монотонный и, казалось, бесконечный.

По расхлябанной грунтовой дороге, что хуже бездорожья, спотыкаясь, падая, скользя босыми ногами по глинистому месиву, пытался бежать паренёк. Он что-то кричал, размахивал руками, стараясь привлечь

к себе внимание, да на улице кроме того мальчишки, что сидел на крыльце, никого не было. И паренёк, поравнявшись с ним, прокричал, что было сил: «Победа! Война кончилась!»

Вася так долго ждал этого дня, что, когда он наступил, не сразу в это и поверил. А поверив, побежал в избу, рассказал о том, что услышал, младшему брату и сестре и снова вернулся на крыльцо. Как на самый важный пост, который нельзя ни при каких условиях оставлять надолго. Он сидел на мокрых ступеньках и мечтал о том, как с фронта вернётся отец; видел себя, Виктора, Любу рядом с ним, видел мать, занимавшуюся стряпнёй на кухне. На этих картинках почему-то не было средней сестры Ани.

Белокурая худенькая Аннушка сильно болела в последнее время, ночей не спала и всё плакала, обхватив голову руками. Сельский фельдшер Михаил Евгеньевич частенько захаживал к ним, осматривал сестричку, давал ей какие-то пилюльки, да не помогали лекарства. Мать отвезла девочку в райбольницу неделю назад, а сегодня с раннего утра, попросив накануне у председателя колхоза лошадь, поехала её навестить. И что же она так долго не возвращается?

Не знал Васёк, сколько часов он просидел на крылечке, но в какой-то момент скорее почувствовал, чем увидел, приближение лошади, запряжённой телегой. Вася вскочил на ноги и стремглав помчался навстречу. Он, ослеплённый радостью Победы, не сразу заметил, что мать, Василиса Ефимовна, медленно, скорбно, едва переставляя непослушные ноги, бредёт рядом с телегой, в которой что-то лежало. Обняв мать, мальчуган радостно выпалил: «Победа!» И только тогда увидел, что по её постаревшему в одночасье лицу катятся безудержно слёзы.

...Аня умерла на рассвете от менингита. Это её тельце везла в телеге измождённая лошадёнка.

«День Победы – это праздник со слезами на глазах»... Лучшие песни – правдивые песни.

с. Оленьково, Тульская обл.

Людмила Денисова г. Гаутинг, Германия

Аисты

В этой бедной избушке никто не живёт,
Спит хозяйка давно на погосте.
Только белые птицы сюда каждый год
Прилетают домой, а не в гости.

Здесь у аистов свито большое гнездо
На дырявой рассохшейся крыше.
Старый дом. А когда-то вокруг всё цвело
И мальчишеский смех был тут слышен.

Для хозяйки счастливее не было дней,
Но ударила жизнь, словно розги.
В сорок первом она, проводив сыновей,
Долго слёзы лила у берёзки.

А потом у лампадки, лишённая сна,
В ненавистные длинные ночи
Перед старой иконой молилась она,
Чтоб живыми вернулись сыночки.

Но не ведала мать средь ночной тишины,
Что один из сынов в жутком мраке
Упадёт в васильки уж в начале войны,
Захлебнувшись в кровавой атаке.

А второму, Ивану, чуть-чуть повезло:
Он с победой дойдёт до Берлина,
Но, увы, не вернётся в родное село,
По дороге домой где-то сгинув.

Но от веры своей не уйдя ни на пядь
(Ведь случается, врут похоронки),
Всё ждала и молилась с надеждою мать
И сама угасала тихонько.

Старый дом на краю. У пригорка зажат.
Здесь покой и сейчас не нарушен.
И весной над ним, как и прежде, кружат,
Может, птицы, а может быть... души.

Из бабушкиного детства

День весенний чист и ясен,
Гром войны не слышен тут.
Нас сегодня целым классом
Дружно в госпиталь ведут.
Дали каждому по книжке,
Карандашик и тетрадь.
«Помогите, ребяташки,
Письма раненым писать».

Подошла к кровати робко,
Там солдатик занемог.
Только что-то он короткий.
Боже мой! Да он без ног!
Видно, взгляд мой выдал жалость.
Не смогла её сдержать.
«Что, сестрёнка, растерялась?
Ничего, давай писать».

Напиши: был бой кровавый,
И вокруг снарядов шквал.
Я на ДЗОТ свой танк направил,
Но снаряд в него попал.
Загорелся, думал, крышка,
Что умру я, не пожив.
Но напарник мой, братишка,
Спас меня, а сам погиб.

Что без ног и нет силёнки,
Ты пока что не пиши.
Приходи ещё, сестрёнка,
Завтра что-нибудь решим».
Я пришла, кровать – пустая.
«Где солдат, ну тот, без ног?»
А бойцы мне отвечают:
«Умер ночью твой дружок».

Новый год под Сталинградом

(Из рассказа ветерана)

Тихий вечер. Канонады
Не гремят. Наоборот.
В блиндаже под Сталинградом
Мы встречаем Новый год.

От печурки свет полоской,
От свечей чуть слышный треск.
В гильзе веточка берёзки,
Просто ёлок нет окрест.

Но украшена, как надо,
Из обёрточных чудес.
Дали к празднику «награду» –
Из пайка деликатес:

Колбасу, тушёнку, сахар
И заветные сто грамм.
Ах, какой витал там запах:
Спирта с мясом пополам!

Командир, его мы дедом
Называли, поднял тост.
«За скорейшую победу! –
Он серьёзно произнёс. –

И за то, чтоб были живы
И вернулись все домой,
Чтобы дружбу сохранили,
Закалённую войной».

Разомлели мы не сразу
От тепла речей таких.
Полились рекой рассказы
О любимых и родных.

Каждый знал, что состоится
Бой решительный на днях.
И не каждый возвратится,
Смерть геройскую приняв.

Но об этом все молчали,
Не гадали наперёд.
Просто весело встречали
Сорок третий Новый год.

«Ночные ведьмы»

Ночь не темна совсем под лунным диском,
И воздух тих, прозрачен, недвижим.
Летят девчата над Новороссийском.
Сам город, бухта – непомерно близко,
А вот и цель – скопление машин.

Их самолёт, быть может, неказистый
И тихоход, совсем не высший класс.
Зато над целью будто бы повис он,
Бросая бомбы на объект фашистский,
Предельно точно выпустив запас.

Внизу у немцев полыхнуло алым,
И тут же враг включил прожектора.
От них лучи, как острые кинжалы,
Ища ПО-2, по небу побежали,
И шквал зенитный искрами костра.

Но поздно! Нашим можно возвращаться,
Девчата, сделав резкий разворот,
Летят назад. Им не впервой сражаться,
Хотя юны, ведь им едва за двадцать.
Но здесь в кабине – штурман и пилот.

Под ними моря тёмная равнина,
А сверху небо звёздами манит.
Но кто-то рядом движется незримо.
Чей фюзеляж блеснул полоской длинной?
Откуда взялся этот мессершмитт?

Да, враг хитёр, умён, коварен слишком.
Сейчас чужой некстати самолёт.
И в этот миг в кабине яркой вспышкой
Снаряд взорвался попаданием близким,
И замолчал безжизненно пилот.

Пошёл ПО-2 в неожиданное паденье,
И у девчонки, той, что позади,
Сейчас другого не было решенья,
Чем взять самой впервые управление
И самолёт до дома довести.

Аэродром в тревожном ожиданье,
Неужто сбили наш ПО-2 враги?
Но нет, и он летит уже с заданья,
Но весть сейчас была, увы, печальна:
Пилот геройски в том бою погиб.

Война прошла, но помнят и поныне
 Враги девчонок из большой страны,
 Что ад несли полётами своими.
 Их называли «ведьмами ночными»,
 А «ведьм» боялись пуще сатаны.

Сирень

Тает ночь в рассветной тине,
 Предвещая тихий день.
 Будто нет войны в помине,
 Да ещё цветёт сирень.

Тянет сладким ароматом.
 Видно, сад там за рекой,
 Лёгкой дымкою объятай.
 Через час нам снова в бой.

Нервы словно кровоточат,
 Но мандраж мне ни к чему.
 Я, пожалуй, пару строчек
 Маме быстро черкану.

«Здравствуй, мама! На рассвете
 Снова в бой. Конечно, мне
 Погибать резона нету,
 Ведь почти конец войне.

Знаю, молишься о сыне,
 А со мною образ твой.
 Если счастье не покинет,
 Я вернусь к тебе живой.

Коль паду я, умирая,
 Средь не наших деревень.
 То прошу тебя, родная,
 Посади в саду сирень.

Пусть она в момент цветенья
 Из войны протянет нить.
 Буду запахом весенним
 С ней незримо приходить.

Но прощай, уже ракета
 Ввысь, шипя, взвилась стрелой».

...Он не знал ещё, что это
 Для него последний бой.

Васильки

Как небес просторы широки
 И полны бездонной синевою!
 Отраженье неба – васильки –
 В поле, растревоженном войною.

Жаль, цветы молчат, не говорят,
 Рассказать могли б они немало.
 Сколько ж их, молоденьких солдат,
 В том бою героической смертью пало!

Грудью шли, пощады не моля,
 Защищая подступы к России.
 Но от бомб корёжилась земля,
 Рои пуль безжалостно косили.

До высот чуть-чуть не добежав,
 Где скопились страшные бойницы,
 Гибли парни от смертельных жал,
 Лишь взмахнув руками словно птицы.

Ни на шаг не отступив назад,
 Здесь лежать остались под холмами,
 А навек застывшие глаза
 Отражали небо васильками.

Помнят травы выжженных полей,
 Где война теснила нивы с хлебом,
 Всех убитых наших сыновей,
 Что в земле сейчас под синим небом.

Васильки, простые васильки,
 Много вас в России синеоких.
 Вы растёте мирно вопреки
 Всем смертям, назло боям далёким.

Солдатские вдовы

А в мае звонче птичьи трели
 И в поле зеленеет рожь.
 Уже салюты отгремели,
 Конец войне – ты мужа ждёшь.

Он обещал назад вернуться,
 Когда в июньские дожди
 Ушёл туда, где бомбы рвутся,
 Сказав, прощаясь: «Верь и жди!»

Ты ждёшь, а лето жаром дышит,
 В зените злаки колоса,
 И аист свил гнездо на крыше,
 Дитя тебе не принеся.

Бегут неделя за неделей:
 В полях уже убрали рожь,
 И птицы к югу полетели,
 А ты всё ждёшь, а ты всё ждёшь...

И вот уж белые одежды
Зима надела, правя бал.
А ты ещё жива надеждой:
«Он обещал, он обещал...»
 А старость рвётся понемногу
 Коснуться тела твоего.
 А ты всё смотришь на дорогу
 И ждёшь его, и ждёшь его...

Могильный холмик, незаметно
Смерть и к тебе подобралась.
Ждала ты мужа беззаветно,
Но так его не дождалась.
 Теперь ни зной, ни дождь, ни вьюга
 Не смеют твой тревожить прах.
 Ты на земле ждала супруга,
 А он тебя – на небесах.

Рейхстаг

Над Рейхстагом поверженным стелется дым
От пожаров и взрывов недавних.
А вчера здесь вставала земля на дыбы,
И дрожали и рушились камни.

Это был самый главный, вершающий бой,
Отбивался фашист, как зверюга.
Но я выжить сумел, бережённей судьбой,
Но погибли мои оба друга.

Мы прошли всю войну, дружбу свято храня,
Согревали друг друга в окопе.
Берегла нас она, как стальная броня,
На российской земле и в Европе.

До Берлина дошли и мечтали уже
О победе, казавшейся скорой.
Разве знали друзья на её рубеже,
Что погибнут они как герои.

В бой последний мы шли
 под прицельный накал,
До сражения нас было трое.
Только я до Рейхстага один добежал,
А друзья полегли за стеною.

Бой окончен. Победа. Я слёз не скрывал.
И под шелест пурпурного флага
Я друзей имена и своё написал
На стене обожжённой Рейхстага.

Рассказ ветерана

Немецкий город в выжженных руинах,
Здесь шли бои, дорога на Берлин.
Свистели бомбы, рвались громко мины.
Кромешный ад – страшнее нет картин.

Теперь всё стихло, словно не бывало.
Нам здесь стоять, получен был приказ.
Кругом разруха. Нет домов – подвалы.
Что делать, в них и разместили нас.

Наш командир на площади торговой
Велел столы поставить из щитов,
Чтоб каждый в этой временной столовой
Поест нормально наконец-то смог.

И вот сидим мы: полевые кухни,
Дымится каша, ароматы щей.
Но видим: дети, как на запах мухи,
Вылазят тихо из руин, щелей.

Едва стоят от голода и хвори.
Как у собак побитых, тусклый взгляд.
Враги, конечно, но хлебнули горя.
Ну кто ж из них в войне той виноват?

Да, их отцы в России не жалели
Ни стариков, ни женщин, ни детей.
А сколько павших в огненной метели,
В концлагерях замученных людей!

Но наш Солдат – особое явление.
Назло вражде и мести вопреки,
Мои друзья без всякого сомненья
В карманы прячут хлебные куски.

А хлебец этот – вовсе не излишек,
Но для солдат иного нет пути,
Как накормить голодных ребятишек,
Чтоб их от смерти медленной спасти.

И доброта окупится сторицей:
Запомнят нас надолго и всерьёз.
Пусть никогда война не повторится!
Не надо крови, голода и слёз!

п. Луначарский, Самарская обл.

Под Курском

– Слушай, дядя Витя, давно спросить хотел: у тебя семья есть?

– Знамо дело.

Лейтенант не удержался:

– И детишки, наверное?

Коновалов погрузился:

– Конечно есть. Старший Юрок, средний Валька, потом двойняшки Сашок и Ритка. А самые последки – Альбинка и Нинуля.

Воробьёв удивился:

– Ого-го сколько. И когда только успел? Наверное, детвору любишь? – потом улыбнулся. – Или сам процесс нравится? Что скажешь, дядя Витя?

Механик пожал плечами:

– Детишки – это наше будущее. Я ведь ради них здесь. А вот закончится война, так возвращусь к ним. Юра-то уже совсем взрослый стал, считай, на нём вся семья. Он нынче кормилец. А хочу я на рыбалку сходить с Нинулькой махонькой. Она всё до войны меня просила, да не до того было. Ещё бы, летом все дни в поле, неколи. А мечта у дочурки моей младшой – карпа большущего поймать. На такое дело надо по утрам идти. Но разве дитя разбудишь в такую рань. А вот нынче подросла, так что можно и отпраивляться. Дай Бог только до победы дожить. Наловлю с ней карпов цельную корзину, пускай дитя душу потешит.

Прошло несколько дней. Как-то после обеда донеслась команда «Воздух». Все задрали вверх головы. Действительно, в небе кувыркались самолёты, атакуя и расстреливая друг друга. Большая часть из них – с паукообразными крестами на крыльях, и несколько истребителей с красными звёздами, которые отважно кидались на немцев.

– Всё-таки на земле легче воевать, – заметил лейтенант. – По крайней мере всегда в какой-нибудь ямке укроешься. А в небе ты весь на виду. Ежели погода безоблачная, даже спрятаться негде.

В это время один фашистский самолёт выпустил чёрный шлейф дыма и стал падать. От него отделилась маленькая точка, и вдруг раскрылся белый зонт парашюта. На земле послышались крики «Ура!», это радовались танкисты. Многие бойцы побежали к месту, куда сносило лётчика. Конечно, механик-водитель не удержался, он был в числе первых, кто побежал брать в плен немца. Разъярённый командир закричал на него:

– Коновалов, назад! Случись что с тобой, кто танк вести будет? Для этих дел у нас стрелок. Пускай свой пулемёт хватает и вперёд. Лётчика брать живым. Алмаз, главное, громче ори «Хенде хох!». Ну, это значит по-нашенски «Руки вверх!».

Ясное дело, пилоту было деваться некуда, внизу его ждали только стволы автоматов. Он даже не попытался достать пистолет, настолько были силы неравны. Приземлившись на землю, от удара лётчик упал. Несколько метров его проволокло парашютом, и только потом, бросив стропы, он поднял руки. О том, что лётчик был не новичок, говорили его награды. Несколько железных крестов болталось на мундире.

Пока разбирались с пленным, наши подбили ещё один самолёт. Этому немцу, увы, не повезло, его парашют не раскрылся. Вот что значит – несерьёзно отнёсся к укладке. В таких вещах смерть ошибок не прощает.

Эти два эпизода встряхнули спокойную жизнь танкистов. Считай, до самого вечера они азартно обсуждали все подробности воздушного боя.

На следующий день всё повторилось снова. Опять люфтваффе попытались бомбить позиции наших войск, и снова наши «сталинские соколы» достойно их встречали. Бои продолжались, пилоты, выработав горючее, улетали, на их место прилетали новые эскадрильи. Сбитые самолёты с надрывным

воем падали и взрывались. Именно здесь лейтенант впервые в жизни увидел лобовую атаку. Немецкий ас из люфтваффе, повиснув на хвосте нашего «Яка», изрешетил из пулемёта кабину пилота. Подбитый самолёт закувыркался к земле. Чувствовалось, что за штурвалом профессионал, настолько уверенно немец совершал воздушные фигуры. Вырвавшись из гущи общего боя, он пошёл в лобовую на очередной «Як». Тот не стал отворачивать и принял вызов. В таких случаях побеждает тот, у кого крепче нервы. Наш парень оказался не робкого десятка. Самолёты стремительно сближались лоб в лоб. Никто не хотел уступать. Сильный взрыв от столкновения и горящие останки летательных аппаратов рухнули на землю. Лейтенант не удержавшись, воскликнул:

– Что творят! Смотри, просто зубами грызутся! Дядя Витя, видал такое?

Коновалов вздохнул:

– Нет, командир, такого видеть ещё не приходилось. Да и лётчики уже не те, что в сорок первом гибли. Нет, эти уже действительно летать научились. И самолёты у наших, глянь какие, не то что раньше.

В воздушных боях проходили все дни, но чувствовалось, скоро наступит время артиллерии и танков. Так и вышло. В ночь на пятое июля бойцы проснулись от грохота. Где-то километрах в двадцати от них загрохотало. Сполохи «катюш» с надрывным воем резали небо. Огромное зарево охватило полнеба. Лейтенант спросил:

– Никак, началось? Дядя Витя, как думаешь?

– Ясное дело, дождались. Слышь, как грохочет. Считай, из всех калибров лупят. Думаю, с утра и нас туда бросят.

Молодые бойцы молчали, прислушиваясь к далёким разрывам. По окопчикам прошелестело:

– Немцы пошли в наступление.

Да, 5 июля 1943 года началось немецкое наступление под кодовым названием «Цитадель». Почти 2700 танков, 900 тысяч солдат. 50 дивизий, в их числе отборная эсэсов-

ская элита: «Великая Германия», «Мёртвая голова», «Рейх» и «Адольф Гитлер», а с неба прикрывала воздушная группировка, состоящая из двух тысяч самолётов. Кажалось, устоять перед такой армадой было просто невозможно. Но наша артиллерия встретила штурмующих на опережение. Буквально за час до атаки провела массированный обстрел по немецким позициям. И началась оборона. Задача была одна: измотать противника, ослабить, как только возможно. Практически каждый километр доставался врагу с большими потерями. И всё равно фашисты вклинились на 8–10 вёрст в оборону Красной армии.

Наступившее утро сбросило томительную неизвестность, пришло понимание: вот-вот наступит и их черёд. Но приказа о выступлении всё не было. Комбат успокаивал горячие головы:

– Ребята, это хорошо, что пока без нас обходятся. Значит, есть чем отбиваться. Главное, чтоб немец выдохся, а там и наше время наступит. Ещё успеете в этой мясорубке побывать.

С вечера лейтенант увидел, как перед сном Коновалов украдкой перекрестился и что-то зашептал губами.

– Дядя Вить, ты, никак, молитву читаешь? Нешто в Бога веришь? – удивился он.

– Да, верю. Мне можно, я не партийный, – неохотно ответил Коновалов, и добавил: – В сорок первом под Москвой мы у одного аэродрома стояли, так вот туда священник приехал, и его на самолёте с иконой Божьей Матери вокруг Москвы по воздуху возили. Говорят, сам Сталин приказал.

– Брось, дядя Вить, не заливай. Сталина сюда не путай.

– А я и не заливаю, – механик помолчал и продолжил: – Кстати, люди знающие сказывали, что в одном месте лётчик ошибся и пролетел над немцами. Так вот, представь себе, на следующий день, наши отбили у них эту территорию, причём без какого-либо приказа сверху. Вот и думай, ежели у тебя с мозгами всё в порядке, есть Бог или нет. И ещё одно хочу сказать: не зря все

церквы пооткрывали и службу батюшки вести начали. А ведь в тридцать третьем, сам знаешь, их ещё Ежов в лагеря сослал, как врагов трудового народа. Но вот по приказу Верховного всех священников освободили. А где тот Ежов? Давно расстрелян. Так что, получается, правда и тут победила. Ну да всё, хватит об этом, что-то я больно разговорился, спать пора, пока есть возможность, – и Коновалов стал укладываться на шинели у танка.

Между тем в небе разгорелись непрерывные бои. Наши лётчики смело атаковали эскадрильи бомбардировщиков, и уже стало привычной традицией, когда немецкие истребители сопровождения при малейшей опасности сразу бросали своих. Советские самолёты «Яки» ничуть не уступали «Мессершмиттам» и «Фокке-Вульфам», а во многих компонентах даже были лучше. Именно в эти дни наша авиация превзошла фашистов своим духом победителя и захватила инициативу в небе.

На следующее утро Коновалов спросил лейтенанта:

- Командир, нынче какое число?
- Двенадцатое.

В это время донёсся громкий крик востового:

– Командирам экипажей собраться у машины комбата!

Воробьёв вздохнул:

– Эх, даже побриться не успел. Ладно, я побежал к штабу, а ты остаёшься за главного. Разбуди орлов, чтоб хоть глаза протёрли. Не зря же нас в такую рань подняли, видать, наше время пришло.

У танка комбата собрались командиры экипажей. Комбат был немногословен:

– Слушай приказ. Немедленно выступаем в район Прохоровки. Там немцы прорвали оборону. Чтоб на марше никто не отставал. Любую поломку машины расцениваю как саботаж и трусость. По прибытии сразу вступаем в бой. Времени на раскачку нет, идём тремя колоннами. В стороны не сворачивать, сами видите, сколько здесь понакопано. Не дай Бог, в какой-нибудь ров зале-

тите или пехоту в блиндажах подавите. За нами будут следовать «самоходки». Глядите, чтоб не столкнуться с ними. Итак, всем по машинам!

Лейтенанты быстро побежали к своим танкам, на ходу давая команды. Заработали моторы, выхлестывая отработанные газы. Танкисты быстро сворачивали маскировочные сети. Машины покидали свои укрытия, формируясь в колонны. Так началось двенадцатое июля. Самый главный день сражения под Курском. Навстречу прорвавшимся эсэсовским танковым армиям выступили танковые дивизии и корпуса пятой гвардейской армии. Около полутора тысяч танков собралось на небольшом поле под Прохоровкой. Напутствуя своих солдат, Гитлер сказал: «Теперь наконец у вас лучше танки, чем у русских». Да, на самом деле немецкая промышленность не теряла времени даром. Были созданы танки «Тигр», «Пантера» и штурмовое орудие «Элефант», более известное среди наших солдат, как «Фердинанд». Тяжёлые танки значительно превосходили «Т-34» лобовой броней и калибром орудий. Для сравнения, «Тигр» весил 60 тонн, а наш «Т-34» – всего тридцать. Да что там говорить, если лобовая броня немецкого танка была целых 150 сантиметров против наших сорока семи. Разница больше, чем в три раза. А калибр орудия позволял немцам вести прицельный огонь с дистанции полутора километров. В то время как «Т-34» – с расстояния 600 метров. То есть преимущество фашистской техники было налицо. И дабы восполнить людские резервы, в Германии была проведена тотальная мобилизация. Все мужчины от 16 до 65 лет были поставлены под ружьё. Мало того, Гитлер изменил своему главному принципу семейных ценностей. Немецкие фрау, главным для которых был дом, очаг и воспитание детей, также призывались на военную службу. В итоге весь последний призыв был отправлен на Западный фронт, а отборные немецкие части брошены под Курск. Но не это оказалось главным в том знаменитом сражении. На

первый план вышла сила духа русского солдата. Кто кого победит? О приближении фашистских танков возвестили немецкие самолёты. Эскадрильи бомбардировщиков кажется заслонили небо. Пронзительный вой пикирующих самолётов и сплошная стена разрывов бомб, от которой некуда скрыться. Коновалов растерялся:

– Командир, что делать? Ни хрена не видать. Куда рулить?

Тот в ответ:

– Что, что? Молиться. Может, и повезёт, не накроет. Сам видишь, не от нас зависит.

Разрывы стремительно приближались. Одна из бомб попала во впереди идущий танк. «Тридцатьчетвёрку» подкинуло словно игрушечную, и башня с орудием отлетела далеко в сторону. Буквально через мгновение всё вокруг заволочило дымом. Но им повезло, бомбы упали рядом, буквально в десятке метров от них. Только скрежет осколков по броне и радостная мысль: «Живы, живы».

Сплошная стена пыли закрыла всякую видимость. Водитель остановил танк и крикнул лейтенанту:

– Командир, вообще ничего не вижу!

Тот пнул правой ногой в его плечо и командовал:

– Давай чуток правее, а там подождём, пока пыль уляжется.

К тому времени немецкие самолёты, отбомбившись, улетели. Последствия налёта были удручающими, многие танки горели. Но не это потрясло танкистов. Впереди лавиной шли фашистские танки. Всюду, насколько охватывал глаз, двигались «Тигры», «Пантеры», «Фердинанды», а между ними – толпы автоматчиков. Их было столько, что даже лейтенант растерялся:

– Ничего себе зверинец подобрался... – но потом быстро пришёл в себя и командовал: – Ну что, дядя Витя, давай вперёд, дистанцию срывать. Что будет, то будет. Маневрируй, но бочару не подставляй. Противотанковым заряжай.

Вслед за ними и вся колонна стала разворачиваться в боевую линию. С левого

фланга тоже появились «тридцатьчетвёрки». Наши и немцы медленно сближались. Над полем стоял сплошной скрежет металла и разрывы, разрывы, разрывы. Казалось, каждый метр был нашпигован железом.

Кто сказал, что снаряд дважды в одно место не падает? Падает, ещё как падает. Именно здесь, под Прохоровкой, в этом крупнейшем за всю историю человечества сражении, опровергались догмы выживания. Солдат просто вышвыривало из воронки и окопчиков непрекращающейся взрывной волной. В небе опять развернулось воздушное сражение. Всё новые и новые эскадрильи вступали в бой. «Илы»-штурмовики утюжили немецкие танки. Лётчики люфтваффе устраивали воздушную карусель над нашими позициями. Танки уже сблизились настолько, что многие били прямой наводкой. Сражение вступило в решающую фазу. В самом начале боя «Тигры», используя свои более мощные пушки, подбили большое количество «тридцатьчетвёрок». Но, несмотря на потери, наши, сорвав дистанцию, смогли выправить ситуацию. В ближнем бою они намного превосходили своей отвагой немцев.

Уже несколько раз в танк Коновалова попадали снаряды. Но, благодаря мастерству водителя, который умудрялся не подставлять боковую броню врагам, они с визгом и скрежетом уходили в рикошет. Внутри танка было не продохнуть от газов, но даже в дыму лейтенант успевал выбирать цель. В ближней схватке выживает тот, кто шустрей. Так и здесь. Один из «Тигров» замешкался, подставил свой бок, чем и подписал себе смертный приговор. С пятидесяти метров не поможет никакая броня. Снаряд пробил немецкий танк, который мгновенно вспыхнул. Из люка водителя показался немец, но Алмаз не зевал. Короткая очередь, и фашист навсегда остался в железной могиле. Лейтенант только успевал командовать:

– Коновалов, стоять! – «тридцатьчетвёрка» застыла на долю секунды, и в это время следовал выстрел. И тут же другая

команда: – Коновалов, вперёд! – и танк, взревев мотором, устремлялся дальше.

Для удобства они придумали свою систему команд. Ежели нужно было повернуть, то командир сверху, из башни, пинал механика по нужному плечу. И тот сразу разворачивался куда надо. Прошло-то совсем ничего времени, но экипаж Воробьёва к подбитому «Тигру» добавил ещё две самоходки, которые запылали, словно факелы. Увы, законы войны очень суровы. Ты можешь быть хоть каким героем, но первым, как правило, всегда достаётся больше всех. Так и здесь. Сразу два «Тигра» выстрелили почти одновременно. Снаряды прошили башню и просто раскромсали тело командира и заряжающего. Из последних сил умирающий лейтенант прохрипел:

– Витя, тарань его в лоб.

Полностью оглушённый и полуконтуженный Коновалов направил горящий танк на фашиста. Немец попытался повернуть в сторону, но тщетно. Сильнейший удар от столкновения двух многотонных махин оказался роковым для всех. Они так и сгорели в танке и уже не могли видеть, как в продолжающемся многочасовом сражении постепенно наметился перелом.

И вдруг – удивительное дело – куда-то пропали все танки и взрывы, будто их и не было. Яркая-яркая белизна окружала их. Удивлённый Коновалов огляделся по сторонам, рядом с ним стоял растерянный Алмаз. Мимо нескончаемой колонной брели солдаты. Да-да, немцы и наши шли вместе, и никто не пытался никого убивать. Все в том виде, в каком их застала смерть. Самое удивительное, после грохота боя вдруг установилась тишина. Просто идеальная тишина. Никто не чихал и не сопел. И даже не было слышно топота ног. Только тут до Виктора дошло: они на небесах и все идут держать ответ перед Богом за свои дела на земле, и кто куда попадёт, в Рай или в Ад, неизвестно. И вдруг откуда-то спереди раздался знакомый голос:

– Дядя Витя, ну где вы там? Мы уже вас давно ждали. Давайте к нам, вместе пойдём.

Коновалов опешил. Впереди радостно махали руками Воробьёв и заряжающий. Оба в изорванных осколками гимнастёрках. Когда друзья подошли, то лейтенант сожалеючи сказал:

– Дядя Вить, вишь, как вышло. Я же с партийных, а им в Бога нельзя было верить. Нам же на каждом углу твердили, что его нет, и души тоже. А мы, глянь, здесь и к Христу идём. Ты-то верующий, у тебя даже иконка в кармане, помнишь, сам показывал, так что тебе полегше будет. Заодно и за нас слово замолви, вдруг зачтётся, и нас всех в Рай направят.

Коновалов улыбнулся:

– Эх, мужики, да я с вами хоть в огонь, хоть в воду. Правда, я и сам не знаю, как всё будет, я же тоже впервой здесь. Только думаю, к воинам, жизнь положившим за Отечество, Господь проявит милость. По крайней мере, надеюсь на это. Кстати, Алмаз, ты же джигит, тебе, наверное, надо к мусульманам.

Алмаз не согласился:

– Я хоть и башкир, но крещённый. Так что мне с вами.

Коновалов подытожил:

– Ну, пошли, парни, к Господу, на суд Божий. Эх, жаль, дочку не успел сводить на карпа, знать, без меня придётся ей рыбалить, – и четверо друзей присоединились к колонне.

А в это время на грешной земле день клонился к вечеру. Ужасные потери, которые понесли немецкие войска, свели на нет все их усилия. Только в один день под Прохоровкой было уничтожено 400 танков и около десяти тысяч фашистов. Русские войска превзошли своим мужеством и отвагой хвалёный немецкий профессионализм. Но молох войны продолжал своё кровавое дело, перемалывая новые и новые дивизии эсэсовцев. В этот же день началось победоносное наступление войск Западного и Брянского фронтов на Орловском направлении. Орловская операция «Кутузов», названная так по имени спасителя России 1812 года, привела к полному разгрому не-

мецких войск под Курском. Впервые после освобождения Белгорода и Орла был дан победоносный салют в Москве. Напрасно в своём «Логове волка» метался Гитлер, обвиняя во всех неудачах фельдмаршалов. Уже ничто не могло остановить победоносное наступление советских войск.

А до полной Победы оставалось ещё два долгих года. И много ещё миллионов русских солдат погибнет в жерновах войны. Войны, которая получит название «Великая Отечественная». Но, несмотря на многомиллионные утраты, жизнь будет продолжаться и в далёкой деревеньке Дальне Константиновского района, что под Нижним Новгородом. Уже повзрослевшая девочка по имени Нина будет по утрам сидеть на берегу пруда под старым вязом с удочкой в руках. Что поделает, раз у ребёнка есть такая давняя мечта – поймать крупную рыбу. Это тебе не мелочёвку с палец удить, здесь всё серьёзно. Начиная от удилица и крючка. Да и червяк нужен только навозный. Простой дождевой не пойдёт, он в воде

быстро приходит в негодность, теряет подвижность и висит бесформенным куском. А пучок навозных на большом крючке – наиглавнейшее лакомство для карпа. Они все в движении. Их даже в мутной воде издали выдают. А как клюёт крупный карп... Это не пескаришка, который и поплавок-то не может осилить. Так, дёрнется чуток, вот и вся поклёвка. Большая рыбина хватается наживку уверенно, без сомнений, и сразу на глубину тащит. Вот здесь и нужно суметь вытащить её, да чтоб с крючка не сошла. И что удивительно, вроде у девчухи и опыта рыбацкого нет, и сама от горшка два вершка, но будет у неё в большом ведре плескаться несколько крупных карпов. Словно кто ей помогает в этом непростом деле да на ухо советует, как тащить рыбку. А в итоге – ни с чем не сравнимое чувство радости, когда добыча на берегу прыгает в траве. И вот твоя детская мечта сбылась, и ты счастлива. Наверное, ради этого и стоит жить. Но всё-таки, кто же ей помогает ловить этих карпов?

Скидки для авторов в 2018 году

Для авторов публикаций действует объёмная скидка на заказ экземпляров журнала:

1–2 – 300 руб./экз.
3–4 – 270 руб./экз.
5 и более – 240 руб./экз.

Заказывайте больше, передавайте журналы в библиотеки своего региона, чтобы с вашим творчеством знакомились новые читатели!

Зинаида Королёва г. Тамбов

Дедунь, война была?

«Война была, дедунь?» – «Была война...
Ох, если б знал ты, как страшна она:
Свистели пули, выли зверем мины,
А мы просили, чтобы мимо, мимо... –

Старик вздохнул, смахнул слезу рукой,
Качнул седой поникшей головой. –
Мы, пороха не знавшие, кричали;
Застыли души, в страхе замолчали.

А мы с оружием бежали в бой,
Не думая, кто мёртвый, кто живой...
То отступали, то вперёд рвались, –
В боях кровавых жизнь и смерть сошлись:

В обнимку шли за каждым по пятам,
И плакала земля по крестам...» –
«А как же ты, дедунь, живым остался?» –
«Счастливый, знать, билет, дружок,
достался:

Что на роду написано судьбой,
Как крест нательный, мы несём с собой.
С войны с победою прийти, дружнице, –
Счастливее людей в миру не сыщешь...»

Страница автора
www.stihi.ru/avtor/korzina0505

Восстали солдатские души

Восстали солдатские души
Из пепла забытых лет:
«Ты нас, Россия, послушай –
В живых наших женщин нет.

Пред семьями мы виноваты –
Их ввергли в пучину бед,
А подвиги вдовьи святы,
И выше их в мире нет:

Взвалив непосильную ношу
На плечи с военных лет,
Когда свет белый был тошен,
Детей выводили в свет.

И чтобы не хуже, чем люди:
Обут, и сыт, и одет.
От бед защищали грудью –
От власти защиты нет:

Есть детки живых героев,
У погибших их будто нет.
И мы все восстали строем
И ждём от страны ответ:

Когда нашим детям и внукам
Такой же будет почёт,
И станет власть им порукой –
Иль наши жизни не в счёт?»

Я – дочь погибшего солдата,
Сражённого в бою с врагом,
Он грудью защитил собрата,
Чтоб тот вернулся в отчий дом.
И я пишу о тех, кто живы,
Кто может правду рассказать,
Кто дрался, надрывая жилы, –
Пришлось утраты боль познать.
Освобождая города и страны,
Ведя в сердцах подсчёт потерь,
Они сидели слишком рано,
И мало их в живых теперь.
Но не опоздать бы как – успеть
И рассказать хотя бы малое,
Путь боевой солдат воспеть,
Чтоб знали все дела их ратные.

Валерий Лепов

г. Якутск

Идёт холодная война

Опять пушистая волна
 Накрыла судно с головою –
 Идёт холодная война,
 Молчит эфир от белой боли.
 Подошвы гнутся и скользят,
 И ветер гонит брызги с солью, –
 Передо мной стоит отряд
 Бойцов усталых, но довольных.
 Пора идти в ночной наряд –
 Такая выпала уж доля, –
 Но у орлов глаза горят,
 Отнять победу не позволят!
 И ни стихии, ни врагам
 Не повести нас под конвоем –
 Свобода тем и дорога,
 Что доставалась предкам с кровью.
 Мы – северяне, значит, нам
 Сражаться легче в непогоду
 И, как потомственным стрелкам,
 Легко идти в огонь и воду,
 Шагая сутки напролёт,
 Скользить по льду и рыть окопы, –
 В сугробах наша жизнь идёт, –
 Но не привыкла к ним Европа.

Каким бы не был твой язык,
 Он не для смерти юным создан,
 А для свершений и любви,
 И путешествий к дальним звёздам.

Конечно, лучше в мире жить,
 Сторонников войны немного.
 Она – для прибыли барыг,
 Освобождение от налогов.

Кто не умрёт?

Кто не умрёт? Я знаю!
 Это души
 всех тех, кого
 бездумный рок оставил
 на полпути к победе...
 Туш всё глуше,
 и, радугой сверкая
 среди развалин,
 безумный дух танцует
 генацвале!

Кто не умрёт? Я знаю!
 Тот, кто с верой
 в бессмертие
 и жизненное пламя,
 и в бесконечность
 разума скитаний
 среди галактик
 и вселенских далей...
 И поиск будет длиться
 вечность!

Кто не умрёт? Я знаю!
 Кто – с любовью,
 что души наши,
 в холод согревая,
 дарила сердцу
 радость и отраду,
 и море тёплое,
 просвеченное солнцем...
 Пойдём, любимая,
 соприкоснувшись
 рядом.

г. п. Дубровка,
Ленинградская обл.

Соседка

Седые волосы, лицо в морщинах.
Озарены улыбкою черты.
Глаза – печальных два аквамарина.
Движенья плавные, слова просты.

По паспорту давно пенсионерка.
Но в спорте не помеха возраст ей.
Во всём бабуля эта – пионерка.
Она в порядке и всегда пример.

А в юности пришлось ей очень трудно:
Война, лишения, голод, смерть родных.
Пусть доля такова, но не занудна.
Приветлива, и нету слов иных.

Живёт так одинокая старушка,
Не лезет никогда ни в чьи дела.
Для внука в шкаф припрятана игрушка.
Сыночка далеко жизнь занесла.

А в этот год на празднике в посёлке,
Когда был май, девятое число.
Как только поздравления все смолкли,
Закончились рассказы про житьё,

Оркестра сразу заиграли струны,
На вальс соседку кто-то пригласил,
И бабушка в мгновенье стала юной.
А вид её меня заморозил.

Вальсирует, кружится и смеётся,
Как эхом вторит ей река Нева.
А музыка по парку громко льётся.
Здесь девушка порхает, что легка.

В честь Дня Победы залпы, как награда,
Салютом разноцветным над Невой.
И детвора, и взрослые – все рады.
Красив залп мирный, но не боевой!

9 Мая в Невской Дубровке

Похорошела Невская Дубровка
И расцвела буквально на глазах,
А там, где раньше пролегала тропка,
Теперь дорог стремительный размах.
Посёлок стал как будто бы с картинки,
С журнала в глянце будто он сошёл.
Повсюду новостройки и новинки.
Он лучших перемен теперь посол.
За нашу жизнь, свиданья под луною,
За детский смех и смелые мечты,
И в летний день, и зимнею порою
Мы память здесь в войну погибших чтим.
Есть Храм в Дубровке, что врачует души,
Ведь память о войне ещё жива.
Величен изнутри так и снаружи,
Но дверь открыта, примет он любя.
И вот она, весна. Май. День Победы.
Любовь. Надежда. Вера. Соловьи.
И песни, что ещё не всеми спеты,
И встречи ветеранов той войны.

Здесь, на Невской земле

Здесь, как прежде, поют соловьи.
И деревья молчат, как когда-то.
Словно помнят лихие бои,
Где на смерть обрекались ребята.
Что сегодня растёт из земли –
Всё пропитано кровью солдата.
Ты земле этой Невской внемли,
Ведь она и без святости свята.
В честь погибших часовня и дот.
Есть ещё много памятных знаков.
Возложение венков здесь идёт
И приезд делегаций во «фраках».
И течением не унесло
Переправы военные факты.
Здесь бойцы, своей смерти назло,
В Ленинград защищали все тракты.
Им границей служила Нева,
Полосой всего с полкилометра.
А пологой реки берега
Подходили тогда для манёвра.
Здесь, на Невской земле у реки,
Легче жизни понять суть и правду.
Как же наши поступки мелки
По сравнению с подвигом ратным.

Елена Пеньковская

**г. Магнитогорск,
Челябинская обл.**

«Спасибо за Победу...»

– Анечка, зови отца с братом, пора обедать!

Это мама кричит из избы, значит, щи уже готовы. Как раз вовремя – солнце вон как высоко стоит, второй час, наверное. Надо отца с Ваней звать с поля, уработались, бедные.

День сегодня по-летнему знойный, безветренный. Колхозное стадо, спасаясь от жары, всё попряталось в берёзовой рощице возле реки вместе с заморенным пастушонком, уснувшим теперь где-то в кустах брусники. На улице дворовые псы дремлют, пережидая зной. Даже мух не видно. Всё вокруг будто замерло, предвкушая облегчение, которое принесёт вечерняя прохлада. А пока только заводик на берегу реки устало дымит да на поле мужики работают, даже не запевая песни.

Девочка лет восьми в белой косыночке бежит по дороге к работникам. Она уже почти взрослая, но на завод её пока не берут, так что Анечка помогает дома, по хозяйству.

– Ваня! Ваня! Мама щи сварила, пора обедать!

Вот и они – рослый парень семнадцати лет, хорошо сложенный и уже загоревший на полевых работах, и крупный мужчина, на чьём лице появляются следы первых морщин, – Анечкины брат и отец. Походка усталая, с утра до обеда немало работы проделано, но оба довольные, весёлые.

После обеда на поле уже никто не возвращается – все занимаются своими маленькими хозяйствами. Тут у каждого своя обязанность: мама хлопочет на огороде, отец латает сапоги, Иван крышу чинит, а Анечка одежду подшивает, давно этому у мамы научилась. Так и пройдёт остаток дня. А вечером поставят самовар, выйдут на улицу и, как всегда, за тихим разговором просидят до вечера, довольные собой, прошедшим днём и работой, которую каждый выполнил на совесть. Много таких дней случалось, были и лучше, и хуже, но этот день оказался особенным.

Особенным потому, что оказался последним мирным и совершенно счастливым днём в этой семье. Нет, не только в этой, а в тысячах советских семей. Ведь этот день был летом 1941-го.

Зима. Тишина кругом режет слух. Где же ты, проклятый немец? Чего ждёшь? Или не знаешь, что нас тут, в окопе, осталось всего пятеро?..

Ивана теперь не узнать. Исхудал, глаза ввалились. От прежней улыбки, которую так любила его мать, не осталось и следа. Он сидел на обледенелой земле окопа; лицо и руки окоченели, пальцы ног уже не чувствовались, – похоже, отморозил, и, как доберётся до госпиталя, врач их отрежет.

Когда немцев засекли в лесу, получили приказ – окружить, уничтожить, взять командира для допроса. Сказано – надо выполнять. Только вот никак не ожидали солдаты, что в лесу затаилось фашистское подкрепление, которое возьмёт в окружение и успешно начнёт уничтожать их самих.

Провизия вышла вчера вечером. Из-за голода холод стал нестерпимым, но это уже

было не важно. Уже неделю они безнадежно отрезаны от остальных рот и батальонов, уже неделю готовятся к смерти.

Отец погиб три дня назад, насквозь прошитый из автомата немецким солдатом.

«Сражайся, сынок. За мать и сестру малую сражайся. За Родину сражайся. И не вздумай испугаться, ты понял? Наше дело правое, и люди мы сильные. Прорвёмся!» – так, кажется, сказал отец перед выходом на последний бой. Испугался ли он, увидев нацеленную на него черноту ствола? А может, и не видел ничего, просто вдруг почувствовал острую боль, а потом... а потом ничего. Успел ли понять, что убит? Успел ли вспомнить, почему убит? Кто знает...

Скоро рассветёт. Вот стали видны лица товарищей. Тоже не спали, всё думали о чём-то. А о чём думает человек в такие минуты? Может, о жизни, которая была такой счастливой. Или о родном доме, зовущем к себе теплом очага даже в самую лютую стужу. Может, о семье, которая осталась где-то там, в тылу, или уже погибла, оказавшись на линии огня.

Вроде бы Анечке недавно исполнилось десять лет. Скорее всего, мать устроила её себе в помощницы на завод. Как они там? Интересно, с урожаем справились, огород сажали? Крыша, наверное, совсем прохудилась. Надо бы починить её по возвращении. И сестрёнке будет развлечение. Как всегда, она залезет по самодельной лесенке на крышу, протянет худую ручонку с лепёшкой и скажет: «Держи, верхолаз, за усердие!» Со смехом взглянет своими тёмными глазёнками и скатится обратно с лестницы. И слышно, как она хохочет, топая в кухне.

Карие глаза-вишенки возникли в памяти Вани так явно, как если бы девочка стояла здесь, в лесу, прямо перед ним. И так ему стало радостно и спокойно, так согрел ему душу милый образ младшей сестрёнки, что прежняя улыбка заиграла на его измождённом лице. «Анечка...» – тихонько шепнул солдат, а вокруг окопа в предрассветных сумерках смыкалось кольцо врагов.

Вот уже трое суток мама не возвращалась с завода. Оставаться там могут без перерыва и неделю, но Анечка, которая работает теперь в поле, сегодня чувствует тревогу за мать. Надо бы сварить ей хотя бы немного каши, когда вернётся, иначе совсем обессилит, а там и до болезни недалеко. Вот только закончатся работы в поле...

Шло лето 1943-го года. Ровно два года назад отец и старший брат ушли на фронт воевать. С трудом, но полевая почта всегда находила их, доставляла письма. Но вот уж с января нет никаких вестей. Ужасное подозрение с каждым днём всё сильнее укреплялось в Аниной голове. Но нет, ничего плохого случиться не могло, ведь Ваня обещал ей, что вернётся. А старший брат всегда сдерживал свои обещания.

Работать стало очень тяжело. Лошади от тяжёлой работы надорвались, и теперь все полевые работы приходилось выполнять вручную. Под конец дня глаза от напряжения подёргивает красноватой дымкой, спину ломит нестерпимо. Но работать надо, иначе и колхоз погибнет, и на фронт отправлять будет нечего. А сейчас это самая важная задача... Где-то там и их родные.

Уже вечер, надо спешить домой. Анечка и ещё несколько женщин идут с поля медленно, как будто в беспамятстве. Зной начинает спадать, но в воздухе по-прежнему ни единого движения. Очень душно сегодня. И почему так на сердце тревожно? Неужели с мамой что-то? Нужно сходить сейчас, проверить, помочь.

Вот и калитка. Кто стоит там, стучится? Неужели почтальон, Зинаида Васильевна?! Письмо пришло, от наших! Вот мама обрадуется!

Вот и заметила наконец пожилая женщина Аню. Стоит терпеливо, дожидается. А в руках...

Уже совсем темно за окном, только лунный свет падает на старый деревянный стол. На нём, измятые, грязные, лежат два листка, две похоронки. Одна на отца, а вторая на брата, Ванечку. Эх ты... не сдер-

жал обещания, братец, в первый раз за всю жизнь, а всё-таки не сдержал.

Кажется, калитка отворилась? Мама вернулась с завода, заночевать, дочку проведать. Точно, вот и она стоит на пороге в своём старом сарафане. Как же она постарела за это время...

Взгляд поблекших усталых глаз скользнул по Ане. Ничего не сказав, мама зашла в кухню. Только сейчас она увидела две маленьких бумажки на столе. Медленно, как будто боясь чего-то, мать слегка дрожащей рукой взяла обе похоронки. Вдумчиво рассмотрела первую, вторую, и снова первую.

В выражении измождённого работой лица не менялось ничего. Было похоже, что она не понимает, что случилось и почему эти похоронки лежат здесь, в их доме, на этом столе, за которым совсем, казалось бы, недавно вся семья собиралась за обедом. И только посмотрев в глаза, можно было увидеть, как вмиг сломалось что-то в душе этой молодой, но уже одряхлевшей женщины.

Мама бережно положила листки перед дочкой, прошла к постели и тяжело опустилась на неё. Плачет? Или уснула? Не слышать. Подойти бы к ней, но сил у Ани уже нет. Поэтому она тихонько, сквозь слёзы проговорила: «Поспи, мамочка. Проснёшься завтра, и всё окажется дурным сном. Нет войны. И похоронки этих нет. Это просто дурной сон, мамочка, понимаешь?»

Почему-то в эту ночь верилось Анечке в то, что она сказала матери. Она ясно чувствовала, что вот она, ночь, уже кончается, и все страдания и печали тоже кончатся, пройдут. Что встанет солнце утром, затрубит пастушонок в рог, и проснётся всё селение, и пойдут мужики на работу в поле, женщины, как обычно, на одну смену на завод, а вечером будет самовар.

Солнце и правда взошло следующим утром необыкновенно яркое и чистое. Но ни пастушка, ни мужиков на поле не увидела Аня. Увидела она лишь две сиротливо лежащие на столе похоронки и неподвижную мать на кровати. Поняла тогда Анечка, что то, что сломалось вчера в маминой душе, поддерживало до сих пор её жизнь и

силы. Закончился для мамы этот ужасный сон, поняла девочка. Навсегда закончился.

На картофельном поле сегодня всего пятнадцать человек – остальных подкосила последняя зима. День ясный, немного прохладный, но весна уже вошла в полную силу: отошли давно заморозки, начинает понемногу цвести сирень. Кажется, май в этом году на редкость погожий.

Но что опять стряслось? Видят женщины, как через всё поле к ним несётся Зинаида Васильевна, размахивая руками и что-то крича изо всех своих сил. Только спустя минуту, когда пожилая почтальон уже приблизилась на достаточное расстояние, смогли расслышать: «Девочки, девоньки, победили!!! Победили, понимаете?! Разбили фашистов, загнали их обратно, закончилась война!»

Да, и правда, уже с зимы из райцентра все обещали – скоро всё закончится, бежит немец. Но как слабо верится в Победу даже сейчас, когда она уже не плод фантазий, а совершенно точно свершившееся событие. Победа?.. Значит, не будет больше похоронки? Закончится голод? Вернётся прежняя счастливая жизнь?

Поздним вечером Анечка сидела на скамеечке возле дома. Сейчас должна прийти соседка, которая опекает её, осиротевшую девочку. Наверное, она принесёт с собой какое-нибудь давно припрятанное угощение в честь такого радостного события. Событие ведь действительно радостное. Но не порадуется больше вместе с ней отец с матерью, не потреплет по голове и не сунет в руки пряник, как всегда по праздникам, старший брат. Не соберётся теперь всё селение на главной улице, и не сыграет дед Митяй на своей гармошке, которую унёс с собой на фронт в тот, кажется, далёкий 1941-й год. Впервые за долгое время по щеке девочки прокатилась одинокая слезинка. Анечка приложила руку к спрятанным на груди похоронкам и прошептала: «Не сдержал ты своего слова, братец, но победил. Спасибо тебе... за усердие. Спасибо за победу...»

Я не был на войне

Я не был на войне,
В том не моя вина.
В эпоху мирную
Рождённый,
Я видел,
Что война
Ещё жива
В сердцах огнём
Фронтowym опалённых.
Я видел воинов
Памятной войны –
Совсем обычных
Дядь-Петь и дядь-Колі –
Вот если б
Не скрипели костыли,
И губы не кривились бы
От боли.
Вот если б
Не крепчайший самосад,
Привычно подбирая весь
До крошки
С ладони изувеченной,
Солдат
Не вспоминал немчуру
Каждый раз,
Сворачивая «козьи ножки».
Я не был на войне,
А так хотелось быть –
Боль разделить,
Прогнать,
Прогнать
Прочь беды
И на груди торжественно носить
Награды боевые
В День Победы!

Уходили девчата на войну

Мама, прости, если я не вернусь,
Слёзы утри и не смей больше плакать.
Знаешь, что встретить я смерть не боюсь,
Горько мне видеть в глазах твоих слякоть.
Лучше, родная, ты мне улыбнись,
Дай поцелую в солёные губы,
Чтобы запомнить такой на всю жизнь.
Слышишь, зовут уже медные трубы.

Встану с подругами новыми в строй.
Времени нет, чтоб поправить обмотки,
И не беда, что уходим мы в бой,
Одну на троих получая винтовки.
Я добровольно решила сама
Встать на защиту родного народа...
Ало горела на травах роса
В чёрный сентябрь сорок первого года.

Настоящий герой

В День защитников страны
Спор решали пацаны
И тянули руки вверх:
«Папа мой смелее всех!»

И предчувствовал успех
И десантник, и морпех,
Лётчик, просто пехотинец.
Коми, русский, украинец.

Глыбой, каменной стеной,
Не затронутый войной,
Возвышался крепкий ряд,
Отставных бойцов отряд.

Только звякнули медали,
Враз мальчишки замолчали.
Чей-то дедушка седой
Встал отважно к папам в строй.

«Пусть боец немолодой,
Настоящий он герой!
Если нет у пап наград», –
Вывод сделал детский сад!

Татьяна Эдел

г. Нью-Йорк, США

Пройти сквозь смерть

(С сокращениями)

*Светлой памяти Ривы Пельтиной
и Якова Зигельбаума*

1

Перед войной

Рива медленно шла по тихой улице Даугавпилса. Она весь день ходила в поисках какой-нибудь работы, но молодая еврейка с двумя маленькими детьми никому не была нужна. Муж собирался увезти их в Россию в надежде, что там больше повезёт. Однако и сам пропал в неизвестном направлении, — может, решил, что одному выжить легче, а может, просто сгинул от рук плохих людей, которых теперь расплодилось великое множество.

В Европе уже началась война. Гитлер чувствовал себя великим и непобедимым. И в Латвии начали поднимать голову националистические организации. Они приветствовали фашистов и помогали им истреблять евреев. Слухи были один страшнее другого.

Женщина присела на лавочку в сквере, поставила рядом сумку, прижав её к себе, и закрыла глаза, отдыхая. Она думала о том, как хорошо жилось здесь людям до прихо-

да советской власти. Евреи, русские, латыши жили одной дружной семьёй. Говорили каждый на своём языке, и это не возбранялось. Кому удавалось скопить денег, открыли свои магазины, лавки, своё маленькое или большое дело, и этим жили. А теперь у всех всё отобрали. Оказалось, быть сытым — это плохо! «А поезжайте-ка вы теперь в далёкую Сибирь, поживите там бедно!» И с 14 июня 1941 года погнали эшелоны с латышами и евреями в ту дальнюю, холодную сторону света, которую здешний народ знать не знал и не ведал никогда, даже в страшном сне, что может там оказаться.

Семья Ривы ничего не имела, отбирать было нечего, поэтому их эти события не коснулись. Еврейские организации тоже закрылись — советская власть плохо относилась к ивриту. И оставалось этой маленькой стране Латвии надеяться лишь на саму себя. Советы оказались плохими друзьями и нагнали много страха на людей. А от немцев тоже ничего доброго не было видно. Смутное время, страшное. Чего теперь ждать — неизвестно.

Она думала о своей не очень счастливой судьбе. Её бабушка-красавица, хотя и окончила восемь классов, никогда не работала. Рано замуж выскочила, трёх девчушек родила, но семью сохранить не сумела. Подвернулся новый ухажёр, позвал уехать в далёкую Америку. Она недолго думая оставила своей матери детей и была такова.

И остались дети сиротами при живых родителях. Никогда уже не погладит мамочка по головке перед сном, никогда нельзя будет прижаться к её мягкому животу, чтобы она пожалела и поняла детские горести. Никогда не посадит папочка их себе на шею, не покачает на ноге.

Слово «никогда» станет понятно только потом, когда сёстры подрастут. А маленькими они каждую минуточку ждали, что вот откроется дверь и придёт мамочка, может, даже с папочкой, и заберут их от недоброй бабушки. А ведь теперь понятно, что не злая, наверно, была старушка, а просто за-

мученная. Виданое ли дело, на старости лет детей поднимать!

Так мать и выросла одиноким полевым цветком, без ласки. Замуж выдали за вдовца с двумя дочерьми, потом и Рива родилась. Семья жила трудно, и дочек постарались пораньше пристроить замуж.

Риве жениха подыскали, когда ей только 18 и исполнилось. Привели, как бычка на закляние. А он доволен был, помнится, аж лоснился от удовольствия. Конечно, девушка красоты редкой. Сама росточка среднего, талия тонкая – одной рукой охвати, глаза, как ракушки, огромные, цвета неба утреннего, и ресницы будто наклеенные – густые и длинные. А волосы... волосы – отдельная песня: густые, чёрные, волнами вниз спадают до самой талии.

Рива и не сопротивлялась – замуж так замуж. Жених из хорошей еврейской семьи, значит, будет всё как надо. И дала себе слово невеста, что будет у неё настоящая семья, что будет она детей своих сильно любить и никогда не оставит их, что бы в её жизни ни случилось. Не могла простить бабушке бегства её.

Зажили молодые дружно. Рива старалась хозяйству научиться и мужа полюбить. Детки народились, сыночек и доченька, красивые, любимые. Надышаться на них не могла. Теперь мальчику шесть лет, а дочке четыре – сладкий возраст!

Как только Гитлер напал на Советский Союз, тысячи евреев из ближних к нему стран устремились на Восток, в СССР. А вместо ожидаемого спасения нашли там свою смерть. Лишь потом станет известно, что только 15–16 тысяч из них сумели добраться до неоккупированных территорий СССР. Лишь эти беженцы и выживут в той страшной войне.

Риве и её сёстрам была уготована другая участь. Не могла она кинуться в дальнюю дорогу одна с двумя малышами на руках.

С мужем ещё, как нарочно, поругалась. Он обычно тихий был, не прекословил, да и она командиршей не слыла. А тут всё ему не так стало. Что жена ни скажет, всё

мимо, всё не так, как он думает. Сказал, что увезёт их в Россию. А как начала спрашивать, куда, когда... сразу в крик! Так и уехал один. Утром встала, а его нет, и мешка заплечного нет. Ушла на улицу, ревела, ревела... А куда деваться? Второй раз в жизни их семьи предательство: сначала бабка, теперь – муж. Самые близкие люди. Кому же верить теперь? Как жить? И на что?

Женщина встала и тяжёлой походкой направилась к дому.

2

Оккупация

В Латвию немцы вошли спокойно, без выстрелов, как к себе домой. И с этого момента дружная жизнь латышей, русских и евреев внезапно прекратилась.

Рано утром Риву разбудил стук в дверь. Стучали какими-то дубинками. Она в испуге открыла дверь. На пороге стоял её добрый сосед-латыш, который каждое утро кланялся ей, приподнимая шляпу.

– Собирайся, еврейское отродье, да выкормышей своих не забудь! – орал он, заматываясь на женщину прикладом винтовки.

– Пан Улдис, что с вами? Как вы можете так говорить? – попыталась возмутиться Рива.

– Пошла вон, говорю, жидовская подстилка!

Сильно ударив прикладом, сосед стал выталкивать её на улицу. Дети ревели в два голоса, уцепившись за подол матери. Документы, вещи – всё осталось в квартире. Погрузили в машины и увезли за город в крепость.

Эта крепость была построена ещё в XIX веке для отражения войск Наполеона. Она была окружена рвом с водой. В крепости находились длинные здания, первые этажи которых занимали конюшни, вторые – казармы для солдат.

Сюда согнали столько народу, что многие, не найдя места внутри, вынуждены были жить под открытым небом на берегу Даугавы. Мужчины и женщины жили раз-

дельно, детей до 14 лет разрешили оставить при матерях. Рива была счастлива – её деточки с ней!

Теперь каждое утро Риву вместе с другими женщинами увозили в город, где они мыли, чистили все помещения и стирали для немецких солдат. Ночами она благодарила Всевышнего, что молода и ещё есть силы, поэтому, может, её не убьют, работники нужны вермахту. Только бы спасти детей!

Она слышала об ужасных, страшных в своей жестокости еврейских погромах. Знала, что уничтожены все двадцать синагог в Риге, что проводятся ночные акции, когда группы вооружённых людей врываются в еврейские квартиры, грабят, уводят мужчин, которых потом чаще всего расстреливают в Бикерниекском лесу. Шёпотом рассказывали друг другу, что 4 июля члены националистической организации «Перконкруст» сожгли здание синагоги «Гогол-шул» вместе с находившимися в ней 500 евреями, беженцами из Шауляя.

Среди жителей лагеря было много детей – и совсем маленьких, и побольше. Матери из последних сил старались найти для них хоть кусочек любой еды. Если работали на прополке овощей, то припрятывали морковку или луковицу. Но не дай бог, если полицией замечал плохо прополотый рядок! Виновную расстреливали на месте.

В лагере было запрещено рожать детей. В одной из комнат разместили беременных и женщин с новорождёнными детьми. Частенько полицейские врвались к ним, ухмыляясь, поздравляли с рождением ребёнка, а потом хватали детей и выбрасывали в окно. Можете представить, что было с матерями?

Вчера Рива пережила очередной ужасный шок. В их отсеке тяжело заболела молодая мать и выйти на работу никак не могла. Её спрятали, укрыли тряпьем вместе с грудным ребёнком и уехали на работу. Вечером, вернувшись, Рива первым делом подошла к больной и отвернула тряпки. Ребёнок сосал грудь давно умершей матери и тихонько попискивал.

Рива застонала и побежала в свой угол к своим детям. Она судорожно прижала их и тихо выла, словно волчица, потерявшая детёнышей. Женщина не могла даже представить, что уготовано ей самой...

3

Расстрел

29 июля 1941 года. Сегодня с самого утра в казармах шум. Орала конвоиры, сустились люди. В лагерь прибыл усиленный отряд карателей. Узникам сказали, что из-за тесноты людей старше 60 лет переведут в бараки бывшего летнего военного госпиталя, который находился недалеко от крепости. Уходящим разрешили взять немного вещей и пообещали свидания с родственниками по выходным.

Прозвучала команда построиться. Стариков заставили раздеться и погнали колонной на выход. Через неполный час ходьбы люди увидели, что их привели в парк Погулянка, который раньше был зоной отдыха. Теперь здесь стояла длинная цепь измученных людей, копавших рвы.

Вдруг прозвучала команда «Пли!», и все копавшие полетели, словно комья земли, в свой последний путь. Вновь прибывших стариков выстроили вдоль того же рва и автоматной очередью скосили. И упали их тела в родную землю.

В Румбульском лесу, в пригороде Риги, тоже были вырыты три огромные ямы. Копали советские военнопленные, которые тут же и сложили свои головы. В этот лес стали привозить евреев тысячами. У каждой ямы стояли четыре стрелка-эсэсовца. Людей заставляли раздеться и лечь лицом вниз. Двое гитлеровцев расстреливали каждую партию, а вновь прибывших обречённых заставляли ложиться сверху на погибших. Начальник полиции Риги Ёккельн называл этот метод «пачка сардин».

Рабочих увезли в город, а в лагере началась операция по зачистке.

Рива ничего не знала. Её, как обычно, увезли ранним утром, и вечером, полужи-

вая от усталости, она возвратилась в барак. В лагере было странно тихо и безлюдно. Вся территория была залита кровью... Повсюду валялись трупы – кто без руки, кто без ноги, множество искореженных детских тел.

Она вошла в барак – ни одной живой души. Сердце женщины на мгновение перестало биться.

– Где мои дети?! Господи, что с ними?!

– Мамочка, мамочка, – вдруг раздался тихий голосок сына из-под дальних нар.

– Сыночек мой, доченька, вы здесь, вы живы! О! Я так счастлива! – говорила она, обливаясь слезами и обнимая вылезших детей.

– Мы так испугались, мамочка! Когда немцы вбежали сюда и начали кричать и махать автоматами, мы и спрятались под нары, – дрожа и заикаясь, шептал сын.

– Молодцы вы мои, молодцы!

В барак уже набились люди, приехавшие вместе с ней с работы.

– Хальт! – раздался грубый окрик. В барак влетели два огромных ээсовца. Один из них дал вверх очередь из автомата, и все упали на пол, лишь остались стоять посреди комнаты мать и два вцепившихся в её подол ребёнка. Они ещё пребывали в радостном шоке от счастья обретения друг друга и не успели отреагировать на команду.

Второй немец подскочил к Риве, схватил за ручки обеих детей и швырнул в сторону. Второй тут же разрядил в них автоматную очередь. От детских тел остались только лохмотья.

Лежавшие на полу одновременно издали стон и затихли. Мать же яростно кинулась на убийц. Она хрипло выкрикивала какие-то слова, но, получив прикладом по голове, упала без сознания.

Очнулась женщина в машине, набитой такими же молодыми людьми. Сто человек, оставшихся в живых из 15 тысяч узников Даугавпилсского гетто, ехали к новому месту мучений.

Их везли в концлагерь Кайзервальд, находившийся в районе Межапарка Риги. Колючая проволока в три ряда со сторожевыми вышками и мощными прожекторами

окружала лагерь со всех сторон. Охрану несли ээсовцы с овчарками. Контроль был очень строгий, дважды в день проводилась проверка. Здесь находилось около 5 тысяч евреев и человек 250 поляков и немецких коммунистов.

Хорошо, что это оказался не лагерь смерти, а трудовой лагерь, где заключённые работали на крупные немецкие фирмы. Здесь размещались солдаты вермахта. Женщины и в этом лагере тоже должны были мыть, чистить огромные помещения и обстирывать солдат и офицеров.

Рива потерялась во времени... Её рассудок помутился. Иногда вдруг среди работы она подходила к охраннику вплотную и кричала ему в лицо: «Шис ми, шис ми, швайн!»

Но солдаты не трогали её, лениво отталкивали, как надоевшую муху. Она, склонив голову, молча возвращалась к своей работе. Целых полтора года она жила в аду, не в силах хоть одну минуту не думать о смерти детей. Но одно событие вернуло ей веру в жизнь.

4

Любовь

В начале 1942 года в Кайзервальд было согнано около 20 тысяч евреев из Германии, Австрии, Чехии и других европейских стран.

Ян, тридцатилетний молодой мужчина из Чехии, сразу заметил красавицу Риву, её звали в лагере «Шварцер фогел», «Чёрная птичка». И она действительно была диво как хороша, несмотря на изнурительный труд, скудную пищу и условия жизни в концлагере. Он старался почаще оказываться рядом с ней. Приносил ей кусочки хлеба или свёклы, который оставлял для неё от ужина. Она стала для него божеством с тех пор, как узнал трагедию её жизни. Настоящая любовь ещё не успела тронуть его сердце, и вот теперь она нашла его здесь, в концентрационном лагере, где каждый день мог стать последним.

Понемногу женщина начала оттаивать, и ответное чувство потянуло её к Яну. Её

сердце, тоже не испытывавшее иной любви, кроме материнской, расцвело и открылось ему навстречу. Их любовь была нежной и страстной. Столь глубоко было уважение к Риве, что соседи по бараку решили устроить им свадьбу и даже первую брачную ночь. Они отдали им самые дальние от входа нары, отгородив их мешковиной. Две соседки стояли на страже в темноте до тех пор, пока Ян тихо не выскользнул на улицу.

Для этих молодых людей открылись врата рая. Им редко удавалось побыть наедине, но каждый знал, что рядом живёт любящее сердце, преданное и единственно родное. Они мечтали, что, когда закончится война, поедут домой и у них будет много детей.

Но в начале 44-го в лагерь прибыл транспорт, в который погрузили всех иностранных евреев и отправили в Бухенвальд. Все до одного узника были там истреблены в первую же неделю после прибытия. Однако Рива не могла знать об этом и молилась длинными ночами о спасении любимого и будущей встрече.

6 августа 1944 года в связи с приближением наступающей Красной Армии началась эвакуация заключённых в германский лагерь Штуттгоф.

Риву в числе других заключённых на грузовиках доставили к реке. Первую партию погрузили на баржу, спустили на воду и взорвали. Стоящие на берегу с ужасом поняли, какая участь ждёт и их. Но неожиданно налетели самолёты, и началась бомбёжка. Все легли на землю и только молились о спасении души.

Когда рёв самолётов и свист падающих снарядов затих, Рива подняла голову. Немцев нигде не было видно. Вместо них появились солдаты американской и английской армий. Узников освободили!

Женщина сидела, не в силах сдвинуться с места.

– Леди, позвольте, я помогу вам, – к ней склонился высокий красавец – американский офицер. Рива непонимающе смотрела на него. Её рассудок пытался осознать происшедшее, но стресс был слишком огромен.

Она подала руку, поднялась с земли и, всё так же не воспринимая действительность, пошла в сторону леса. Офицер догнал её и объяснил, куда она должна идти. Женщина подчинилась. Офицер представился Стивеном Беннетом и спросил, как зовут её.

– Рива, вы можете идти в город и брать еду и даже жить в любом доме. Местные жители предупреждены.

Рива вместе со своей лагерной знакомой Соней двинулась в город. Голод, державший их в ежовых рукавицах столько лет, гнал их к жилью, и они устремились туда из последних сил. Постучались в первую же квартиру. Худая испуганная немка без слов впустила их в комнату, указала на стул:

– Битте.

Они сели в ожидании, тела сотрясала дрожь в предвкушении пищи. Хозяйка поставила на стол тарелки с кашей, хлеб и куски сыра.

Соня схватила сыр и откусила большой кусок, но Рива выбила сыр у неё из рук и закричала:

– Плюнь! Не смей, не ешь много, ты умрёшь! Только маленький кусочек! Плюнь!

У Сони потекли слёзы, но страшным усилием воли она выплюнула сыр и откусила совсем крохотный кусочек. Она старалась сосать его, а не глотать сразу, но ей это не удалось. Потом они съели ещё по ложке каши, выпили по большой кружке настоящего сладкого чая и поняли, что в жизни бывает чудо.

Пройдёт много лет, и обе подруги будут частенько вспоминать, как уберегли друг друга от смерти. Многие узники, пройдя столько кругов ада, умирали от обильной пищи тут же, за столом. Желудок, ссохшийся за годы лагерной жизни, не мог принимать пищу, она становилась для человека убийцей.

На следующий день они пошли в регистрационный пункт, где их нашёл Стив.

– Доброе утро, пани Рива. Вижу, что ваши глазки немного повеселели, – и, побледнев, решительно проговорил: – У меня есть к вам предложение. Я никогда не ви-

дел женщины красивее вас. Выходите за меня замуж, и я увезу вас в Америку. У нас прекрасная страна. Вы забудете ужасы войны. – Он помолчал, опустив голову. Потом сказал тихо, но так искренно: – Я буду любить вас всем сердцем!»

Она молчала. Годы войны и плена многому её научили. В таких условиях решительные слова и действия были оправданы. Но в её душе жила непобедимая вера в то, что Ян жив и они встретятся.

– Спасибо, Стивен. Я не могу стать вашей женой, я люблю другого и очень надеюсь, что он жив.

Офицер опустил голову.

– Я имел совсем слабую надежду на ваше согласие. Но прошу вас, возьмите мой адрес. Возможно, что-то изменится в вашей жизни, и вы захотите написать мне письмо. Я буду ждать, – низко склонившись, он поцеловал ей руку и отошёл.

Рива аккуратно свернула листок вчетверо и положила в узелок с вещами.

Со временем этот листок бесследно теряется. «Значит, не судьба», – вздохнёт женщина безнадежно.

5

Дорога домой

Потом была длинная и тяжёлая дорога домой. В Риге её никто не ждал. Она узнала, что сёстры – Соня и Геня – расстреляны. Рива осталась одна на всём свете. Каждый уголок напоминал ей о прошлой жизни, и она порой не понимала, зачем вернулась сюда. Но лишь маленькая надежда дожидаться Яна ещё теплилась в её обгоревшем сердце.

Она встречалась с людьми, выжившими в концлагерях, и каждому задавала вопрос, не видел ли он Яна Кожевника, чеха, который был с ними в Кайзервальде. Все качали головой – нет, не видели. Но однажды она нашла свидетеля, и он принёс ей горькую весть:

– Да, я видел его мёртвым в последней колонне в Бухенвальде. А мне повезло, я вы-

жил чудом. Мне очень жаль, пани, – сказал ей измождённый мужчина, опустив глаза.

Последняя нить, которая связывала её с жизнью, порвалась. Всё потеряло смысл. Она пришла домой и легла на кровать, чтобы уже никогда не вставать. Дверь закрывать не стала, чтобы не пришлось выламывать.

Так она лежала уже двое суток, то впадая в забытьё, то выплывая из него. Молотки, стучавшие в её голове, не давали покоя. Рива досадливо, с трудом открыла глаза и поняла, что стучат в дверь.

– Открыто, – сказала она, – но голоса слышно не было. Ей казалось, что вот снова вломится сосед и погонит её на новую каторгу. Она зажмурилась и приготовилась умереть.

– Хозяйка, почему у вас дверь открыта? – раздался приветливый мужской голос. – Напиться не дадите?

В комнату заглянул высокий худой мужчина. Разглядев на кровати молодую женщину, он обеспокоенно подошёл к ней:

– Что с вами? Вам плохо? Вы больны?

Рива открыла глаза, в них читались страх, боль и... ещё много чего. Вошедший понял всё.

Мужчина метнулся на кухню, налил стакан воды и протянул Риве. Она, не шевелясь, глядела прямо перед собой.

– Нет, дорогая, так дело не пойдёт. Давай я тебя немного приподниму, и ты попьёшь воды. Вот увидишь, тебе сразу станет легче, – говорил он, не замечая, что перешёл на ты.

Через несколько минут женщина села, привалившись к стене. На кухне закипал чайник. Незнакомец достал из кармана маленький кусочек чёрного хлеба и протянул его ей.

– Как тебя зовут?

– Рива.

– А меня Яков. Расскажи, что с тобой.

– Двух моих маленьких детей расстреляли у меня на глазах... Мужчина, которого я надеялась дожидаться, погиб в концлагере... Я не хочу больше жить.

– Послушай меня, я же живу, хотя пережил страшное: плен, лагеря, пытки, смерть жены и детей. – Он ссутулился, будто враз стал меньше ростом, и тихо продолжал: – Все страшные годы лагерей я жил лишь одной надеждой – вернуться к своей семье. В минуты истязаний и пыток милое лицо моей жены вставало передо мной. Я плотно сжимал ресницы и видел её светлую, лёгкую улыбку, её лучистые глаза и пушистые волосы. Она никогда не представлялась мне плачущей или страдающей. Нет, лишь мягкий взгляд и тихий успокаивающий голос. Она вливала в мою душу жизненные силы. Я знал, что только ради моей жены, ради моих дорогих детей я должен выдержать всё.

Он надолго замолчал. Она ждала.

Мужчина сидел, сгорбившись, костлявые большие руки безвольно лежали на коленях. Потом его взгляд прояснился, и он продолжил рассказ:

– До войны я работал жестянщиком в Риге. Хорошая профессия, всегда на кусок хлеба с маслом можно заработать. И дед мой был жестянщик, и отец. Снимал комнату вместе с таким же работягой и всю неделю вкалывал. В выходные ездил домой, и это были самые лучшие дни в моей жизни. Жена не работала, у неё и без того было много хлопот по дому. Моей зарплаты с лихвой хватало на безбедное существование. Да, тогда работающие люди хорошо жили, держали крепкое хозяйство и были уверены в своём будущем.

Война застала меня в городе. Мне нужно было во что бы то ни стало добраться домой. Решил идти лесом, надеясь, что туда немцы не сунутся. Ночи стояли холодные, одежда на мне была лёгкая. Старался идти быстро или даже бежать, чтобы согреться. В первую же ночь наткнулся на троих убитых советских солдат. Это были совсем дети. Им, наверно, и девятнадцати-то не исполнилось. Помню, сглотнул комок, подкашивший к горлу, стиснул зубы, а хоронить некогда – надо семью выручать. Попросил у ребят прощения и снял шинель с одного. Согрелся, легче двигаться стало.

Но уйти далеко не удалось. Началась облава и меня схватили как советского солдата. Кто там разбирался, моя это шинель или нет. Так я и оказался в плену. Дважды бежал. Был жестоко истерзан и отправлен в Саласпилс. Протянул там целый год, а в 42-м меня перегнали в Аушвиц, где работал на «Игфарман индустри».

В 44-м году меня послали разгружать машины с хлебом. Смотрю сквозь два ряда колючей проволоки – гонят военных в непонятной форме. Мы тогда ещё американцев и англичан не видели. Они что-то жалобно нам говорят, но непонятно же. Я на идиш сказал, что, мол, не понимаем вас. И тут же мне ответили, тоже на идиш, что они американцы, пленные и уже несколько дней ничего не ели. Что-то во мне сжалось, и я быстро кинул буханку за проволоку, даже не успев послушаться голоса разума.

Хлеб тут же поймали, разорвали на кусочки и долго ещё колонна кричала слова благодарности. Кричали даже те, кому ничего не досталось.

Но моя жизнь... повисла на тоненьком волоске. Меня посадили в собачью конуру, забили досками и оставили до утра. А я знал, что будет утром, такие сцены были довольно часты. Они громко включали музыку, и собачью будку сжигали с живым человеком внутри. Или, в лучшем случае, его ждала виселица. За одну только эту ночь моя голова стала белой.

Скрюченный, я молился своей последней молитвой, просил прощения у жены и детей. Это было очень горько и страшно.

Но рано утром началась бомбёжка. Немцы суетились и спешно выезжали из лагеря. Про меня все забыли. Никто из узников, сидевших со мной все эти бесконечные годы, не вспомнил о бедном еврее, я уже перестал надеяться на спасение. Но помощь пришла оттуда, откуда совсем не ждал – меня освободили те ребята, которым я дал хлеба. Они нашли меня, разломали будку и выпустили. Потом мы вместе плакали, обнявшись.

Столько горя я насмотрелся за эти годы... не знаю, как моё сердце до сих пор

не разорвалось! – Яков описывал ужасы войны, которые видел воочию и о которых слышал, рассказывал об издевательствах фашистов над детьми, столь зверских, что матери травили своих оставшихся в живых детей, чтобы не подвергать их таким жестоким пыткам. Затем он затих, в глазах стояли слёзы.

Рива молча смотрела вдаль остекленевшими глазами, и казалось, что это сидит не живой человек, а восковая фигура.

– А ты хоть знаешь, Рива, что местные националисты больше всяких немцев охотились за евреями? Знаешь ли ты, что именно они уничтожили половину еврейского населения Латвии? Это настоящая правда. Ты вспомни, ведь убийствами занималась в основном «команда Арайса» или местная расстрельная команда. Как жить здесь теперь? Что можно ждать теперь от них?

Но я никуда не могу уехать. Здесь осталась моя семья. А ты? Ты хочешь уехать? – подняв голову, спросил он.

Рива медленно покачала головой:

– Нет.

Старая боль заполнила её и не давала вымолвить ни слова. Долго молчали.

Она смотрела на этого худого мужчину, и что-то шевельнулось в её душе. Он был таким же, как она. Он пережил те же ужасы и гибель своих детей. Он был ей как брат, как очень близкий родственник. Риве так сильно захотелось пожалеть его, что, не обращая внимания на условности, она подняла ослабевшую руку и погладила незнакомца по щеке.

Этот жест разрушил все преграды. Он взял её руку и прижался к ней губами. По щекам у обоих текли слёзы.

– Обещай мне, что ты встанешь и начнёшь жить. Я завтра найду тебя проведать.

– Обещаю, – слабо улыбнулась Рива.

На следующий день Яков зашёл к ней... да так и остался там навсегда. У них не возникло чувства любви, из пепла невозможно возродить огонь. То были две травинки, прибитые штормом к берегу и подарившие друг другу силу для жизни. И теперь каждый из них знал, что дома его кто-то ждёт и рад его приходу. Началась другая жизнь.

6

Семья

Через три года у них родилась дочь. Но, как ни странно, ни мать, ни отец не воспылали любовью и к ней. Каждый из них вспоминал СВОИХ детей, а это была просто девочка. Ничья девочка. Её назвали Лея.

Она росла без родительской ласки, так же, как и её мать, и это страшно её мучило.

Вышла замуж, зная своего избранника тоже лишь короткое время.

Они познакомились на дне рождения у подруги. Понравились друг другу с первого взгляда и совсем скоро поженились. Только в браке с этим юношей она обрела любовь и семью.

Через несколько лет они эмигрировали в Америку, вслед за ними уехали и родители.

Характер Ривы, лёгкий и уступчивый в молодости, стал жёстким и сварливым. Ничто не радовало эту женщину, пережившую столько! Рассудок её временами переставал управлять сознанием и к концу жизни покинул совсем.

Яков умер в 78 лет, Рива пережила его на пятнадцать лет и умерла в возрасте 85 лет в Нью-Йорке.

Страшную жизнь, полную неслыханных трагедий, бесконечных мук и испытаний, вынесли эти люди. Светлая им память.

Страницы автора

www.facebook.com/tatyana.edel
vk.com/public130445467

Вести из литературной студии «Родники Сибири»

В 2017 году Всероссийский литературный конкурс «Герои Великой Победы» проводился уже в третий раз. Первый конкурс был посвящён 70-летию Победы в Великой Отечественной войне и проходил в 2015 году.

В 2016 году в конкурсе принимала участие Н. Гордок с циклом стихотворений «Они Победу добывали» («Память сильнее времени», «Я не видела страшной войны», «Бессмертный сокол», «Победным салютом марши звучат», «Последний свой долг отдаю я солдатам») и дошла до полуфинала. Три её стихотворения («Память сильнее времени», «Я не видела страшной войны», «Последний свой долг отдаю я солдатам») напечатаны в сборнике финалистов и полуфиналистов 2016 года.

На третий Всероссийский конкурс «Герои Великой Победы» Н. Гордок выставила свою «Балладу о без вести пропавших» и попала уже в списки финалистов, преодолев предыдущий барьер.

Также среди финалистов оказались пять авторов литстудии «Родники Сибири». На конкурс были представлены их стихотворения, вошедшие в коллективный сборник «Помним и чтим».

Т. Карпеко отправила на конкурс 7 стихотворений из цикла «Незабвенны Герои Победы» («В память павшим героям», «Снова к празднику Победы...», «Письмо отца (солдата-шахтёра)», «Шахтёр-солдат», «Мой отец», «Мамины руки», «Бессмертный полк»).

Два стихотворения Н. Полецкой тоже прошли в финал («Ветеранам» и «9 Мая»).

Пять стихотворений В. Устяхиной из цикла «Одумайтесь! Весь мир стоит уже у края!» принесли ей почётное место в списке финалистов («По всей России бьют колокола», «Россия», «Матери России», «Берегите мир», «Россия бьёт в колокола»).

В. Никольская дошла до полуфинала с двумя представленными стихотворениями («Мой отец» и «Старый солдат»).

Г. Алагузова (Бакурадзе) со стихотворением «Победитель» успешно преодолела первый барьер и стала участницей конкурса. Это тоже маленькая победа. На конкурс в 2017 году было подано 8312 работ, допущено к участию – 5427. Как видим, отбор был очень тщательный.

Автор нашего сборника В. Устяхина в рамках третьего Всероссийского конкурса приняла участие и в нововведённом фотоконкурсе в номинациях «Фронтное фото», «Лица Победы» и «Наследники Победы», отправив для участия 12 фотографий из семейного архива. А в сборнике она представила описание своей конкурсной фотогалереи через произведение «Бессмертной памяти огонь».

Поздравляем наших самодеятельных авторов с их замечательными победами!

В 2018 году литстудийцы продолжают принимать участие теперь уже в четвёртом Всероссийском литературном конкурсе «Герои Великой Победы». Свои новые произведения выставили шесть авторов: В. Никольская (очерк «Мой отец защищал страну»), З. Естифеева (рассказ «Украденное детство»), В. Устяхина (два стихотворения – «Лицо Победы» и «Старая фотография»; страницы семейной хроники «Бессмертной памяти огонь», в прозе), Н. Полецкая (три стихотворения – «А зори здесь тихие», «Когда я вспомню об отце» и «К 70-летию Великой Победы»), Т. Карпеко (три стихотворения – «Свеча Памяти», «Бабушка – вдова солдата» и «Эстафета Подвига»), Н. Гордок (три стихотворения – «Живём за павших», «Эстафета Памяти» и «В Бессмертном полку»; две работы в номинации «Проза» – «Откуда мы родом» и «Литературный Обелиск»).

Представляем вашему вниманию конкурсную работу Н. Гордок «Литературный Обелиск Героям», в которой рассказывается о коллективном сборнике финалистов конкурса 2017 года, авторов литстудии «Родники Сибири». Этот сборник – наш маленький гражданский подвиг. В тексте приводятся стихотворения авторов, отправленные на Всероссийский конкурс в текущем году.

Литературный Обелиск Героям

Моим ровесникам не забыть прозвучавший набатом в 60-е годы XX века «Реквием» Р. Рождественского: «Помните! Через века, через года, – помните! / О тех, кто уже не придёт никогда, – помните!.. <...> / Детям своим расскажите о них, чтоб запомнили! / Детям детей расскажите о них, чтобы помнили!..» Этот Святой Наказ известного поэта-патриота всем послевоенным поколениям стал главной вехой в жизни каждого из нас!

И вот – свершилось! Мы создали коллективный сборник наших благодарных посвящений своим родным и близким, знакомым и незнакомым, всем тем, кто «добывал Победу» в боях и в тылу.

В наших произведениях нашли отражение героизм и мужество советских солдат. Сегодня, оценивая те лишения и тяготы, которые пришлось пережить нашему солдату, мы можем сказать, что они поистине героические. А сколько страданий легло на плечи гражданского населения, которое в силу обстоятельств оказалось на оккупированной территории и вынуждено было не только выживать, но и сражаться. А труженики тыла – женщины, дети и старики, которые кормили, одевали, вооружали нашу Армию!

Все они заслуженно стали героями нашего сборника! Не уходят из нашей памяти и слова поэта С. Орлова из стихотворения «Его зарыли в шар земной»: «Давным-дав-

но окончен бой... / Руками всех друзей / Положен парень в шар земной, / Как будто в мавзолей...»

Пусть наш коллективный сборник «Помним и чтим» займёт своё скромное место в мавзолее Памяти. Этот «Литературный Обелиск» – наш низкий поклон Победителям! «Наш сборник – Обелиск Героям – / Написан от души. / В стихах они шагают строем – / Прислушайтесь в тиши...»

Нам, рождённым в первое послевоенное десятилетие, много чего не хватало. Однако мы понимали, через какие трудности прошли наши родители, бабушки и дедушки, в какой безжалостной войне-мясорубке победил наш советский народ. Мы стремились вырасти достойными наследниками Героев Великой Победы! Читали книги о пионерах-героях, смотрели фильмы о Великой Отечественной войне, проводили свои пионерские сборы и комсомольские собрания, участвовали в митингах и шествиях в День Победы, встречались с живыми участниками войны, пели их фронтовые песни. Повзрослев, мы уже понимали, что такое борьба за мир, когда на карте беспрестанно появлялись всё новые «горячие точки». Наши души откликались на горе, гибель, несчастья людей в воюющих странах в разных концах земного шара, на разных параллелях и меридианах.

Сейчас мы уже пели другие песни: «Хотят ли русские войны?», «Куба – лю-

бовь моя», «За того парня», «Если мы войну забудем», «Погоня», «Реквием», «Если бы парни всей земли», «В буднях великих строек», «С чего начинается родина?».

А я писала в своих студенческих стихах: «Почему хунта Чили не хочет / Темноту заменить на свет?» (Н. Гордок, 1973 г.)

И каждый автор нашего сборника шёл к этому своей дорогой. А на создание коллективного сборника нас вдохновило участие во Всероссийском литературном конкурсе «Герои Великой Победы».

Авторы «Литературного Обелиска» – наследники Победы, полуфиналисты и финалисты III Всероссийского литературного конкурса «Герои Великой Победы – 2017», кемеровчане, участники литературной студии «Родники Сибири» при Кемеровской областной научной библиотеке имени В. Д. Фёдорова.

Рождённые после войны, они приняли Эстафету памяти от своих родителей, бабушек и дедушек и продолжают нести её достойно, передавая детям и внукам. Их произведения пронизаны болью утраты дорогих родственников, печалью за всех не вернувшихся, благодарностью им за мирное небо, гордостью за наше Отечество, «радостью со слезами на глазах» в праздники Победы и тревогой за нынешний хрупкий Мир. «Опомнитесь! Весь мир стоит уже у края!» – пусть этот отчаянный призыв неравнодушных будет услышан «вóронами беды», несущими новую чуму войны!

«Память сильнее времени», «Живём за павших», «Они все живут в “Бессмертных

полках”» – эти и другие строки пишу я в своих стихотворениях. Мой девятнадцатилетний дядя погиб через год после призыва на войну. Похоронки не было, пришло сообщение, что пропал без вести. Из письма друга стало известно, когда это произошло и где. Проследив воинский путь его части, мы, его внуки, нашли братскую могилу, в которой захоронено больше 30 неизвестных солдат. Сердце подсказывает, что наш воин покоится там. Он не успел стать Героем, но он сложил свою голову на поле брани ради нас, будущих поколений.

Память сильнее времени

Откуда мы родом? И где наши корни?
Спрошу мимоходом: мы предков достойны?
От нас, ребяташек, скрывали всё долго.
Случилось услышать: «Остались за Волгой».

Прабабушка – полька, а мы – из Рассеи,
В двадцатом лишь только в Сибири осели.
В начале уж века ребят нарожали,
Сорвали все корни, в Сибирь убежали.

Не в каторгу-ссылку – по собственной воле –
За хлебом, за счастьем, за лучшей долей.

У мамы три брата, и все воевали.
А было когда-то ведь: уголь копали,
Трудились на шахте – беда оторвала.
Другая их вахта с войной ожидала.

Прошли по дорогам священной Победы,
Извели много, дожили до дедов.

Лишь младший Николька домой не вернулся.
Лежит уже столько. С роднёй разминулся.
И деток не ведал, и внуков не знает.
Упал за Победу... Родня поминает.

О дяде погибшем стихи я слагаю,
Совсем непожившим его вспоминаю –
Со слов только мамы, с портрета из детства,
Что был с нами рядом всегда по соседству.

Откуда мы родом? И где наши корни?
Спрошу мимоходом: мы предков достойны?

Живём за павших

Живём за тех, кто лёг на поле брани,
Кто умирал, в Победу свято веря,
И всех убитых помним и израненных,
Мы помним миллионные потери.

Нельзя восполнить судьбы тех ушедших.
Знать, им суждён, отмерян краткий век.
Но жертвами злодеев сумасшедших
Зачем простой подставлен человек?!

А Родина рождала вновь героев.
Народ из пепла строил снова жизнь.
И чудеса послевоенных строек
С Победой в русский героизм влились!

Живём за павших. Помним и гордимся
Их подвигом во имя нашей жизни!
Достойными делами мы стремимся
Прославить нашу милую Отчизну.

Мы чтим и помним всех, кто нёс Победу!
Они нам сохранили яркий май.
Герои наши, раны, смерть изведав,
Собою заслонили милый край.

11 мая 2017 г.

В бессмертном полку

Под мирным небом
мы с портретами шагаем.
Вокруг сплошной
людской водоворот шумит.
Слезу скупую
от соседей не скрываем,
Погода вместе с нами
плачет и скорбит.

И снег, и град –
и тут же солнце между тучек,
А мы стоим упорно
на своём посту...

Бессмертный полк
идёт великий и могучий
Несёт по городу солдатскую мечту

О той далёкой
и святой для них Победе,
О мире на планете нашей на века.
В руках портреты
всех родных, отцов, и дедов,
И храбрых тружениц
«запасного полка».

Такие милые родные наши лица
С улыбкой, с мудростью
и с верой в мирный май...

Мы не устанем
Вашим Подвигом гордиться:
– Достоинно, правнук,
эстафету принимай!

9 мая 2017 г.

Эстафета Памяти

Мы Память пронесём через года, века,
Как эстафету от детей и к внукам!
В нас жажда жизни и любви так велика –
Сильна Россия тем Победным звуком!

А «вороны беды» кружат, кружат опять!
Как хрупок мир в любое из столетий!
Спиралью заворачивая время вспять,
Чума войны гуляет по планете!

В Бессмертный майский полк
встаёт и стар и млад,
С портретами шагая по проспектам.
По городу струится, словно водопад
Сердец, и душ, и лиц в сиянье светлом!

Одна мечта, одно желание у всех –
Живём с молитвой к Высшему о мире.
Пусть радует нас вечно

звонкий детский смех,
Звучащий в каждом доме и квартире!

3 мая 2017 г.

Помним и чтим

Помним и чтим мы Героев Победы:
Жизнь отстояли в жестокой войне,
Путь перекрыли пожарам и бедам,
Мирное небо вернули стране!

Вам посвящаем стихи свои, песни,
Славим Ваш Подвиг десятками лет!
В мире не знаем страны расчудесней,
Подвига Вашего доблестней нет!

Свет Маяка долгожданной Победы
Будет вести поколенья вперёд!
А молодёжь, боль войны не изведав,
Вашим примером даст бой мироедам
И защитит от разбоя народ!

10 июня 2017 г.

А названия стихотворений Т. Карпеко
«Свеча Памяти», «Бабушка – вдова солдата»
и «Труженицам тыла» говорят сами за себя.
В произведениях автор рассказывает
о своих близких и просто знакомых людях,
чьи судьбы перечеркнула война.

Эстафета Подвига

Вновь парад и праздник мая!
И идёт Бессмертный полк!
Всех Героев вспоминаем –
Голос памяти не смолк!

Третий год со мной родные,
Вместе мы – в одном строю!
Строки просятся святые –
Снова сердцем я пою!

Радость отданного долга
И поклон всем до земли,
Что спасли Москву и Волгу
И Победу принесли!

Молодцы мы – россияне
Дружно вышли на парад!
Бодро шли кемеровчане
Через дождь, и снег, и град!

У дороги нам малышка
Машет всем, кричит «Ура-а-а!»,
А в строю идёт мальчишка –
Подрастает детвора.

Молодёжь несёт портреты
Своих дедов и отцов,
Принимает эстафету
Ветеранов и бойцов!

Развернули дружно флаги,
Со значками на груди,
Шли чеканным, твёрдым шагом
Молодые впереди!

И звучала песнь Победы,
Марши тех военных лет.
И шары цветные в небе
Оставляли яркий след!

9 мая 2017 г.

Свеча Памяти

Вчера у обелиска были
На Вахте Памяти войны.
В молчанье головы склонили,
Скорбя с народом всей страны.

Прочли священники молитвы
И свечи Памяти зажгли
По жертвам страшной прошлой битвы,
По всем Героям, что ушли.

Стихи мы слушали и песни
Про тех военных «журавлей»,
Единство ощущали вместе –
Средь поколений всех людей:

Внимали дети и подростки,
И молодёжь, и старики.
А ветер шевелил берёзки,
Да свеч мелькали огоньки...

Пусть дальше память переходит,
Чтоб для потомков мир беречь,
И в душах отклики находит
Тепло зажжённых наших свеч.

Несём надежду чрез столетья,
Что будут миром дорожить,
Не повторятся лихолетья –
Свечу вовек не погасить!

10 мая 2017 г.

Бабушка – вдова солдата

Бабушка – вдова солдата
С шестерыми на руках.
Трудно ей далась утрата,
И жила в чужих краях.
 Всех растила и кормила,
 Дом построила сама,
 Верность мужу сохранила,
 Хоть красива и умна.

Сердце матери ранимо,
Но детей всех подняла.
Прожила, судьбой хранима,
Много всем добра дала.
 Внуков нянчила, любила,
 Хорошо всем помогла.
 Даже правнукам хватило
 Её ласки и тепла!

Той любви её частица
И мне в душу залегла.
До сих пор тепло хранится,
Ту любовь я сберегла.

27 декабря 2015 г.

Труженицам тыла

Победу женщины ковали
В тылу, с мужьями наравне,
Детей растили и рожали,
С заботой жили о стране.

И у станков с детьми стояли,
Трудились в поле на стерне,
Мужчин повсюду заменяли,
Давали уголь всей стране.

И в бой солдата провожая,
Тайком крестили – сохрани,
В душе надежду согревая
И заклиная – всех верни!

23 января 2015 г.

Снова к празднику Победы
Строки написала
Маме и отцу, и деду...
Всем, кого я знала.

 Не была я на войне –
 Родилась уж позже.
 Только больно мне вдвойне,
 За родных всё горше.

Муж мой был дитя войны,
Бабушка – вдовою.
Судьбы, горечи полны,
Завладели мною.

 С детства в памяти впитались
 И проникли в душу.
 Чувства те во мне остались,
 Я их не нарушу.

«Мой отец защищал страну», «Старый солдат», «Разве можно жить спокойно, коль

погребли не всех солдат», – пишет В. Никольская.

Мой отец защищал страну

Коль предоставили мне слово,
Я об отце хочу сказать:
Ведь три войны прошёл суровых –
Пришлось ему повоевать!

Он необстрелянным солдатом
Был призван Родине служить,
Но на Востоке – вот беда-то –
Мешали самураи жить.

И вот крещение боевое
Он под Хасаном получил,
Но наступление лихое
Их полк тогда остановил.

И думал, что уже не гостем
Вернётся снова в отчий дом.
Но, видно, в жизни всё непросто:
Вновь на востоке грянул гром.

Теперь уже под Халхин-Голом.
Опять с Японией беда:
Армады танков в чистом поле
Шли на Манчжурию тогда.

Теперь в пустыне было тяжко.
Горячим солнцем опалён,
Шёл в бой солдат с пустою фляжкой...
Но был захватчик побеждён!

Домой вернулся, думал: «Хватит!
Своё с лихвой отвоевал...»
Но в сорок первом вновь захватчик
На нашу Родину напал.

Он за страну стоял родную
И видел смерть, и видел ад.
Крутил баранку он тугую
Не ради званий и наград.

Он был солдат страны родной,
Исполнил долг свой до конца.
И хоть без звания герой –
Медали, орден у бойца!

Старый солдат

Сидит солдат времён военных
На табурете у печи.
Склонил он голову угрюмо,
О чём-то думает, молчит.

И гаснут уже угли в печке,
Давно сгорели все дрова,
Он вспоминает всё былое:
Как в битву шёл он на врага.

Как замерзал порой в окопах,
Как на расстрел его вели,
Как выжил он в таком кошмаре,
Не уступил родной земли.

Войну закончил он в Берлине
И возвратился в дом родной.
Как радовалась вся деревня,
Что он пришёл с войны живой!

Он поднимал село родное,
Дороги строил и дома.
Растил своих детей, как надо,
Хлеб убирал он в закрома.

Промчались годы, и неожиданно
Пришла уж старость на порог.
Детей по свету разбросало,
И он остался одинок.

Теперь сидит в своей избёнке
Старик, седая голова,
Сидит один, забытый всеми, –
Не в силах подобрать слова,

Чтоб выразить ту боль, ту муку,
Что на душе его лежит.
И вот потухшими глазами
На пепел в печке он глядит.

Здесь над степью только ветры

Здесь над степью только ветры,
Ветры гонят ковыли...
В годы страшные когда-то
Шли здесь жуткие бои.

Как сошлись в сраженье смертном
Две железные стены,
И тогда на поле битвы
Наши полегли бойцы.
Заросли теперь бурьяном
Все окопы, блиндажи;
Присмотрись, и ты увидишь
Раны страшные земли.
Ещё много неизвестных
Здесь в земле сырой лежат.
Разве можно жить спокойно,
Коль погребли не всех солдат?

Праздник Победы

Праздник Победы над лютым врагом –
Наши отцы защитили наш дом –
Мы отмечаем уж семьдесят лет.
Равного этому празднику нет!

Чей-то отец, брат, а может быть, дед
Всех защитили от горя и бед.
Голову низко склоняю свою –
Должное памяти их отдаю.

Встаньте, прошу всех, в молчанье замрите,
Головы тоже вы низко склоните...
Пред теми, кто нашу страну защищал
И жизни свои за свободу отдал.

А Н. Полецкая в стихотворениях «Ветеранам» и «9 Мая», выражая свою признательность, поведала нам о чувствах и переживаниях живых Героев именно в День Победы, 9 мая.

Ветеранам

Вот снова май! Он ласковый, но всё же
Сегодня нет его тепла в душе...
И даже вдруг мороз пройдёт по коже –
То Память о войне сердца тревожит,
Хотя прошло так много лет уже.

Но позабыть нам просто не под силу,
Какой была жестокою война!..
Косой кровавой всё подряд косила,
Да так, что до сих пор в груди России
Живёт больною памятью она!

И даже время не залечит раны,
Не исцелит от прожитых невзгод.
Опять не даст покоя ветеранам,
Проснувшись сегодня утром рано,
Тот беспощадный сорок первый год...

Но их Любовь, Бесстрашие, Терпенье
Страну к большой Победе привели!
И хочется мне в знак благодаренья
Прочсть для них своё стихотворенье
И низко поклониться до земли...

9 Мая

Как жаль, что старых боевых солдат
Всё меньше каждый год уже выходит
На яркий майский праздничный парад,
Который в День Победы происходит!

Конечно же, готовятся сполна
К такому торжеству все ветераны!
Медали чистят, звёзды, ордена...
Нелёгкий вспомнив путь к награде данной.

С волнением примеряют свой мундир,
Фуражку ослабевшими руками.
И смотрят в зеркало, где в холоде седин
Бьёт частый пульс под вздутыми висками.

Шаги чеканя, хватит сил немногим
Пройти, как 65 лет назад!
Так непослушны старенькие ноги,
С душою тело потеряло лад.

Но сердце как иглой пронзит нам острой!
В глазах восторг безумный загорит:
Ведь старшему из Вас – за девяносто!
А младшему – все восемьдесят три!

И как не удивляться силе воли
Людей, кто муки ада пережил,
Но перед злом фашизма, страхом, болью
Ни голову, ни руки не сложил!

Вечноживым останетесь примером!
Всем поколениям покажете сейчас
Отваги, мужества, терпения и веры,
Святой любви к России свой запас!

Спасибо Вам за солнце с чистым небом,
За то, что в речке светлая вода!
Мы Вам клянёмся каждой крошкой хлеба
Всех помнить Вас! И мир беречь всегда!
9 мая 2010 г.

Цена счастливой жизни

Под вспышки ярких молний по весне,
И под раскаты грома, из-за дали,
Мы с Вами снова вспомним о войне...
Хотя о ней мы и не забывали.
Но в этот день особенно хотим
Произнести слова признанья!
Всех воинов страны благодарим!
Фашизм они с родной земли изгнали.
Пусть ордена сегодня и медали,
Всех ослепят нас – не в одной семье!
Чтоб люди никогда не забывали
Счастливой жизни цену на Земле!!!
2012 г.

День Победы

Нам май принёс Победу в сорок пятом...
А ведь она далась с таким трудом!
И миллионы жизней, что распяты,
Не позволяют забывать о том.

В живых уже осталось очень мало
Вас, Победителей, увитых сединой.
И души Вам сегодня, как бокалы,
Наполнит Память до краёв войной...

И слёзы потекут из глаз, выдавших
Страдания, разлуку, смерть и боль...
Из глаз людей, от зла Россию спасших
И заслонивших Родину собой!

Спасибо, дорогие ветераны!
За то, что мир смогли отвоевать!
А чтоб не беспокоили Вас раны,
Вы точно так же, как «гостям незванным»,
Отпор сумеете всем болезням дать!..
Май 2003 г.

Минута молчания

Сегодня праздник очень яркий, радостный.
И музыка слышна, что душу трогает.
Чаруют песни до того прекрасные:
Хоть пой на месте, хоть бери в дорогу их!

Победы день! Но ветерка-проказника
Не удержать на месте нам с тобою!
Свистит он в щели окон, словно дразнится,
Берёзки треплет и шуршит листвою!

Май за окном! Весна! Рассветы ранние.
Трель птиц, гул транспорта
и разговоров нити,
Но хочется сказать:
– На миг замрите!
И не пришедших с фронта помяните
Всех в этот день –
минутой молчания!
9 мая 2017 г.

А вот цикл стихотворений В. Устьяхиной – «Одумайтесь! Весь мир стоит уже у края!». Ну кто сегодня не думает об этом? «Россия бьёт в колокола, / Чтоб мир сберечь на всей планете», – пишет она в надежде, что не только её дети, внуки и правнуки, но и все люди планеты будут жить под мирным небом.

Россия бьёт в колокола

Отцы и деды – наши корни!
В чём сила их? – Пытались разгадать
Французы, шведы, немцы и монголы...
Как ястребы, на Русь рвалась их рать!

Бесславно, обломавши когти,
Без крыльев и хвоста – таков конец!
Вошедшего с мечом к нам «в гости»
Всегда позорный ждал венец!

Растём мы все на тех корнях,
На них всегда Россия выживала.
В неравных схватках и боях
Всегда из пепла гордо восставала!

Россия бьёт в колокола,
Чтоб мир сберечь на всей планете!
2017 г.

Четыре поколения солдата Победы Василия Михайловича Ходаковского, отца Валентины Устяхиной, с внуками и правнуками

Мужчины России

Мужчины России! Защитники наши!
С древнейших времён, до сегодняшних дней
Нигде не сыскать вашей доблести краше,
Надёжней оплота родных рубежей!

На суше, и в море, и в небе вы – АСЫ!
На земли чужие войною не шли.
В обиду не дали союзников наших,
Рискуя собою, вы мир берегли!

Мужчины России! Защитники наши!
Вы – Вера, Надежда и Гордость страны!
Себя берегите и мудростью вашей
Спасите планету от страшной войны!
16 апреля 2017 г.

Матери России

Посвящаю всем женщинам России – труженицам тыла в годы ВОВ и моей мамочке, шахтёру Кузбасса с 1940 по 1947 г.

О, эти руки наших матерей!
Досталась им лихая доля:
В войну одним растить детей,
Работать у станка и в поле.

Не знали отдыха они,
От холода и сырости грубели,
Окопы рыли, хлеб пекли,
Пахать и сеять – всё умели.

И эти ручки наших матерей
В тылу мужские руки заменили:
Рубили уголь под землёй
И сталь победную варили...

Откуда силы черпали свои? –
Отчизны тяготы решали
Ладони эти – зеркало судьбы
На самом высшем пьедестале.

О, эти руки наших матерей!
В набухших венках жизнь струится...
И нет на свете их родней!

Я до земли хочу им поклониться!
...Хочу упасть в ладони те,
Губами нежно прикоснуться,
И со слезинкой на щеке
В руках у мамочки проснуться!

Фотография из семейного альбома автора. Отец В. Устяхиной, Василий Михайлович Ходаковский, стоит вторым справа

Лицо Победы

Я вновь и вновь смотрю на фото
Фронтовиков. Там мой отец
Весной, в апреле, в сорок пятом
Среди бойцов – совсем юнец...

Ещё не знают о Победе,
От ран оправившись едва,
Какой-то Радионов Федя
Собрал весь госпиталь сюда.

Им завтра в бой! Они готовы
Добить фашистского врага...
Кто весело, а кто сурово
Смотрел в тот объектив тогда.

На фото лиц – двадцать четыре...
Живыми всех оставлю я,
Ведь завтра двадцать их «от мира»
Укроет Матушка-земля...

«Живут» они все эти годы
И с фото смотрят на меня.
Их Жизни – вот цена Свободы
И пламя Вечного Огня!

В «Бессмертный полк» иду я с внучкой,
И с нами – двадцать пять бойцов!
Мы Федю дописали строчкой,
Но видим все Его Лицо!

Так вот оно, ЛИЦО ПОБЕДЫ!
В нём Сила Духа, как Броня!
Живые ВЫ, Отцы и Деда
В Бессмертной Памяти Огня!!!

Май 2017 г.

Старая фотография

Слеза предательски упала
На фото – пожелтевший лист,
Где всё от времени пропало,
И выцвело, и обветшало,
Сколь ни смотри – не видно лиц.
Кого ж ты ищешь там упрямо,
В затёртом старом уголке?
Что бередит сегодня раны?
Кому полвека неустанно
Ты шепчешь что-то о тоске?
Слезинку промокнёшь платочком –
Былого больше не вернуть,
Из ситца платьице в цветочек...
И фото спрячешь в узелочек,
Чтоб завтра снова заглянуть.
И тайна эта греет сердце:
Пусть фото выцвело давно,
Оно – в ту юность словно дверца,
Лишь для твоей любви под сердцем,
Куда непустишь никого...
...Война – причина той разлуки...
Былого больше не вернуть.
Не родились их дети, внуки.
Одна лишь радость вековухи –
К той фотографии прильнуть.

Август 2017 г.

Ветеранам России

По всей России бьют колокола!
Они звонят всё громче и всё чаще!
Набатов говорят: «Нам всем пора
О долге пред Отчизной вспомнить нашем!»

Уходят в Вечность наши ветераны.
И сколько б ни прошло с войны той лет,
Но в их сердцах не утихают раны.
А мы достойны тех великих жертв?

Отчизну нашу жёстко защитили!
Прошли с Победой страшную войну
И всю Европу Вы освободили,
Что гибла и горела в том плену.

Да, миллионы жизней положили
Моей России верные сыны,
Чтобы сейчас в свободном Мире жили
Все люди – граждане любой страны!

Так отчего же кто-то словом хлётским
Сегодня смеет наших бить солдат?
Бессовестно забыли братьев-крёстных,
Чьи кости под Европой всей лежат.

Чем ваши души и глаза затмили?
Кто отнял вашу память, долг и честь?
Историю умышленно забыли!
Зато взрастили злобу, ложь и месть.

Одумайтесь! Стоим уже у края!
Так скоро бездна поглотит весь мир,
Что даже чёрная воронья стая
Не долетит на свой последний пир...

Уходят в Вечность наши Ветераны...
Сыны России отдали свой долг!
А мы подхватим выше наше знамя,
Сплотим ряды свои в Бессмертный Полк!

Бессмертный Полк – Благословенье Божье!
По всей России бьют колокола!
Святым своим покровом Матерь Божья
Укрыла Русь, как храмы-купола!

Прислушайтесь!
По всей России бьют колокола...

Каждая строка книги кричит во весь голос, «бьёт в колокола», чтобы не повторить той страшной беды, которую пришлось пережить нашим людям, и остановить сегодняшнюю грозную «машину войны», шагающую по нашей планете Земля.

«Когда же мир наступит на планете? / И кто, скажите, за него в ответе?..» – / А кто ответит, для чего опять война? – / Взывают жертвы всех былых сражений. / Ведь мы за мир, война нам больше не нужна! / Пусть живы будут наши поколения! / Доколь ис-

пытывать опять терпенье, / Планету загоня в безвременье?!» – своими строками из «Баллады о без вести пропавших на войне» я обращаюсь ко всем, призываю помнить о жертвах былых сражений и беречь наш хрупкий мир.

Наши авторы совершили маленький гражданский подвиг, создав свой «Литературный Обелиск».

Наталья Гордок,
руководитель литстудии «Родники Сибири»,
январь 2018 г.

С рождением внутристудийного журнала!

Участники литературной студии «Родники Сибири» сделали себе подарок к трёхлетию творческого коллектива: стали издавать свой внутристудийный журнал «Родники Сибири». Первый номер на 16 страниц увидел свет в сентябре прошлого года. «Живая вода «Родников Сибири»» – так называлась статья редактора Марины Цыпкайкиной, в которой она знакомила читателей с трёхлетней творческой деятельностью участников литстудии. В «Галерее авторов» были представлены Тамара Карпеко, Валентина Устьяхина, Ирина Жук, Наталья Загоровская, Галина Лашкова, Наталья Полецкая, Татьяна Попова, Валентина Никольская. Нашлось место и стихотворениям гостей литстудии – Галины Червой, Нины Инякиной, Ирины Фроловой и Катерины Летящей. В оформлении журнала использовались картины Валентины Никольской.

Выход второго номера журнала, уже на 32 страницы, состоялся в конце марта текущего года. Мы расширили круг авторов до 15 человек. «Галерею авторов» дополнили Татьяна Катрич, Екатерина Авакумова,

Галина Алагузова со своими стихотворениями и Зинаида Естифеева с прозой. На страницах журнала заговорили наши юные «роднички-руднички» Мария Дорохова (15 лет), София Крупянко (17 лет), Григорий Белоусов (15 лет) – участники детского литературного объединения «Рудничок» Рудничного района г. Кемерово (руководитель М. Цыпкайкина). В своей статье от редактора Марина Викторовна пишет: «Вот и увидел свет второй номер внутристудийного журнала «Родники Сибири». И пусть участники небольшого литературного коллектива всего лишь любители словесности, тем значительнее для них существование собственного, пусть и скромного, издания, в котором они могут публиковать все свои удачные литературные пробы и выносить их на суд широкого круга читателей, за рамки своего коллектива. Всегда приятно увидеть результат своего труда и творческого роста на страницах печатного издания. Публикация собственных сочинений для пробующих свои силы в литературе авторов – мощная мотивация и стимул для дальнейшего творчества...»

Мы предложили читателям-землякам новую подборку произведений наших авторов и надеемся, что знакомство с их творчеством будет приятным.

Наталья Гордок,
руководитель литстудии «Родники Сибири»

Лариса Агафонова

г. Москва

Любовь такая разная... и всё же:
 Понять, принять, на гордость наступить...
 Вот много лет назад, когда моложе,
 Мы думаем, что шансов нет простить.
 Чем старше, тем мудрее, тем терпимей.
 Тем чаще понимаешь, что теперь
 Всё легче произносишь: «Ты прости мне...»
 И проще открываешь счастьем дверь.

Спешащая толпа струится мимо
 Старушки, что с протянутой рукой, –
 Ей имя бедность, нищета ей имя –
 Стоит, согнувшись, со своей клюкой.
 В глазах прожитых вёсен безнадёга,
 Тяжёл и горек ей отмерян век.
 Утратила она надежду в Бога.
 Но, может быть, поможет человек?

Уцелевшие осколки –
 Память прошлых дней.
 Дни рождения и ёлки –
 Радость для детей.
 Фотографии в альбоме –
 В каждой – жизни след.
 Все события знакомы:

Лишних просто нет.
 Разноцветные открытки,
 Мелкий бисер строк.
 Заржавелая калитка,
 Памятный платок...
 Бисер вышитой подушки,
 Гжелевый кувшин.
 Заметает землю стужа,
 Нынче я один...

Стекает боль тягучим жарким воском,
 От капель оставляя рваный шрам.
 Ты стал необитаемым, мой остров,
 Прибежище, спасение, мой храм.
 Холодных окон гулкое молчанье,
 Укор безмолвный треснувшей стены.
 Мой дом пронизан нитями печали.
 Ответ на мне, но нет моей вины.
 Своим теплом и верой согревая,
 Я распускаю тягостную нить.
 Мои родные, я вам обещаю
 Из пепла к жизни дом восстановить.

Я сейчас где-то рядом с тобой, папа.
 Самолёт в облаках очень близко к звёздам.
 В небесах открывается к душам клапан.
 Ничего не могу изменить: поздно.
 Я могу только верить, что ты рядом.
 Что меня охраняешь и любишь так же.
 Ты с портрета за мною следишь взглядом.
 Ты мой ангел-хранитель, сильнее даже.
 Охраняешь меня от невзгод явных,
 Защищаешь, когда это очень нужно.
 Больше нет и не будет тебе равных...
 Может, время растопит в душе стужу...

Я прячусь за очками день за днём,
 Я в толстых линзах будни отражаю.
 «Давай сбежим и в прошлое махнём?» –
 Я каждый раз себе не возражаю.
 Очки сниму и в детство провалюсь,
 Где как в тумане вижу папу с мамой.
 Я радуюсь, я плачу и смеюсь.
 И звуки счастья слышу фонограммой.

Инна Андрианова

г. Калининград

В названьях улиц есть героев имена,
Отчизну отстоявших в сорок пятом.
И поседевшая вновь зацветёт весна,
Припоминая горечь той утраты.
Не заменить, не изменить – вот в этом толк,
Не обогатить, не опорочить – вот задача!
Пусть вновь и вновь
идёт бессмертный полк,
А на часах весна сквозь солнце плачет...

Инь-янь

Судьба подарками всё реже
Щекочет чувств и мыслей рой.
День, яркий, радостный и свежий,
Проходит мимо, как чужой.
Летят пустые обещанья,
Чей груз испепелился в прах.
Уходит горечь из прощаний,
Ползёт неподотчётный страх.
Но страх всего лишь только плата,
А быль всего лишь только дань.
Смешались дни, века и даты.
Кому-то – инь, кому-то – янь...

Не монумент

Как ранит фраза: «Пушкин – наше всё».
Прихлопнули сургучною печатью:
Пусть пыль забвенья поскорее занесёт
То, что стучится в сердце так отчаянно!
Но слова волшебство всегда хранит
Ушедшей жизни яркой дуновенье:
Её прекрасно – горькое мгновенье –
НЕ МОНУМЕНТ,
НЕ МРАМОР, НЕ ГРАНИТ!

Подражание Поэту

Не обвиняй меня, Всесильный...
М. Ю. Лермонтов

Не обвиняй меня, Всесильный,
За то, что духом я слаба,
За то, что льются преобильно
Из уст расхожие слова.
За то, что в сердце мрак и холод,
Душа бескрыла и больна;
За суетный житейский голод –
Лишь им увлечена она.
Не покарай меня, помилуй!
Дай муке покаянья дни:
Быть может, на краю могилы
Помогут *сбыться* мне они.

После бала

Молчи. Отчаянно ликует лето.
Темно, ослепли даже фонари.
Не обещай. Не говори про это.
А лучше вообще не говори.
Не властны мы остановить мгновенье:
Испить на выбор радость ли, беду.
Как изваяние застыло колено,
Прощаясь в сорок первом том году.
Война на плечи вместо шали пламя
Нам бросила небрежно, а взяла
Всё лучшее, что не случится с нами:
Любовь, детей и мирные дела...

Александр Арзуманов

**г. Пятигорск,
Ставропольский край**

Откройте дверь ночи бездомной

Откройте дверь ночи бездомной,
Накройте стол для пришлых снов,
Свечей не жгите гостье тёмной,
Оденьте окна в старый штоф.

Ночь вам поведаёт секреты,
Сны ветром тронут паруса,
И ваши бриги и корветы,
Цепляя мачтой небеса,

Покинут гавань тленной скуки,
И в пламя договор с судьбой,
И пусть заламывают руки,
И пусть вопят наперебой –

Рабы фатальных предвкушений,
Толпа гурманов пресных блюд,
Им не до бурь, не до крушений,
Не до друзей, не до иуд.

Что им безбрежная обитель,
Что чище тысячи зеркал.
Там шторм – отваги искуситель,
Пучина, бездна, когти скал.

Что им? Да пусть себе пылятся,
Лелея пасмурные дни.
Им не увидеть, не добраться,
К тем водам, где горят огни.

Горят огни реки великой,
Огни начала и конца,
От пустоты, от Тьмы безликой,
До Света, до звезды Творца.

Что им? К чему стоять у края?
Здесь ночь и день, огонь и холод.
Они нашли кусочек рая,
Но рай их так похож на ад.

Я не видел такого заката

Я не видел такого заката,
Я не слышал такой тишины.
Дождь без слёз и гроза без раската,
Я не помню похожей весны.

Ветер, словно хмельная девица,
Запутал в изумрудных очах,
В майских кущах беспечно кружится,
Утопая в вечерних лучах.

Сонным небом усталая стая,
Обронив в пять морей свою тень,
В алом мареве облаком тая,
Обнимает сгорающий день.

Ночь распустится чёрной кувшинкой,
Брызги звёзд – мотыльки над луной,
В их мерцанье незримой пушинкой
Пропаду, унесённый весной.

Разорвана в ключья акуля свирепая стая

Кипит, багровея,
пучина в осколках заката,
Солёные воды
с солёною кровью роднятся,
Мы бьёмся, тупея
от боли слепого раската,
Все стороны света
в неистово-алом кренятся.

Разорвана в клочья
 акулья свирепая стая,
 Спешит ненасытная смерть
 хрипом к вздоху прижаться,
 Кровавую плоть адской пастью
 сквозь темень сметая,
 Под нами касатки,
 над нами касатки кружатся.

Безумное пиршество –
 лапа разящего плена,
 Сто чёрных теней
 здесь извечно остались скитаться...
 В пустынях глубин,
 от истока до самого тлена,
 В безмолвии бездны,
 в надежде со смертью сквитаться.

Иных тонов картины

Не манят берега – ни гладью, ни кокетством,
 Песчаная дуга так приторно мила,
 Кто ходит на бега,
 кто занят сердцежеством,
 Я ж в горы, где снега, где высь белым-бела.

Здесь тень студёных псов,
 луч скуп, отнюдь не жалок,
 Здесь видели оскал, тем во сто крат живей,
 Скучающих юнцов от элитарных свалок
 Не знают эти льды, тут люд других кровей.

Здесь нет дорог к жилью –
 иных тонов картины,
 Здесь бродит снежный барс,
 не шарит шакальё,
 Здесь танцы на краю ледовой паутины,
 Здесь всякий миг не фарс, и это всё – моё.

Зеркальная стена, бахвальство неуместно,
 Над нами кружат сны, баюкая мечту,
 С какого же рожна
 (и что ль, внизу нам тесно?)
 Уходим от весны вгрызаться в мерзлоту?

По лезвию хребта, по гребню, шаг за шагом,
 К венцу седых шатров, по ломаной стреле,
 Туда, где высота, где небо синим стягом,
 Где пляс семи ветров в горящем хрустале.

Бездушный хлад иль варварский огонь...

Бездушный хлад иль варварский огонь,
 Итог един – что плаха, что петля.
 Или упасть снежинкой на ладонь,
 Иль под косою, травую на поля.

Мы все уйдём – кто раньше, кто засим,
 К чему лукавить – вечность не проспять.
 Мы лишь приходим каждый за своим...
 Но не всегда умеем отыскать.

Как тонок лёд, неверен по весне,
 Как хрупок благочестия бокал,
 А истина – в вине, на самом дне,
 Затеряна в краю кривых зеркал.

Одним она пришлась не ко двору –
 В ленивой заводи по капельке года.
 Иным же праздный тлен не по нутру,
 И тут уж треск – зеркал, бокалов, льда.

По самой кромке, в шаге от беды,
 С ветрами разъярёнными на ты,
 По краю гребня, за лучом звезды,
 Идут безумцы в поисках мечты.

Он ушёл...

Он ушёл в ненастье, в непогоду,
 Вышел прочь, в кармане ни гроша.
 Выпил горькой двести, будто воду,
 Чтоб в ночи не маялась душа.

Он бывал богат, но чаще беден,
 Что имел, с восторгом раздарил,
 То как ночь, то вдруг как утро бледен,
 То молчал, то бурей говорил.

Он бывал то груб, то хмур как туча,
 То светился, радугой горя,
 То порою, сам себе наскуча,
 Нёсся с ветром ливнем ноября.

Он был всяк, и вот его не стало,
 Просто вышел прочь, захлопнув дверь.
 Прожигая мглу, в тиши упала
 Капелькой слезы звезда потерь.

Александр Белкин

г. Санкт-Петербург

Февраль. День пальцы протянул
От утра и до вечера.
Ткёт, леса разорвав стену,
Снег зарева вечеря.

И спит земля в пуховике –
Невеста подвенечная.
И ждут деревья налегке:
Придёт весна извечная.

Наступит верная пора
Тепла, любви, цветения.
Заплачет на сосне кора
В порыве вдохновения.

Весна, весна... немеет слово.
О, как воспеть твою красу?
«Божественно...» – я снова, снова
Твержу и в поле, и в лесу...

И замираю в упоенье.
И сердце расцветает вновь,
Души почуяв обновленье
В любви невысказанных слов.

Я по земле прошёлся гостем.
Я на земле совсем чужой.
И каждый шаг – причуда – двойствен,
Но сон земли всегда со мной:

Листа дрожанье, трепет крыльев,
Ночной фонарик светлячка,
Рождение Авроры или
Негромкий говор ручейка.

Узор словесный русской речи
Деревни или городка
И плат, наброшенный на плечи
Любимой, кружка молока...

Таким, как есть, мир принимаю
И в сердце бережно храню,
Всю душу отдавая маю
И праздничному сентябрю.

Между тем и этим берегом
Я метаюсь стрекозой
И в душе лелею бережно,
Что назначено судьбой.

Там – одни воспоминания,
Здесь – заморские мечты,
Посредине – упования –
Сна знакомые черты.

Мир чудесный и волнующий
Раскрывает тайны мне
И стрелой указующей
Дарит сказки в тишине.

И то снегом фиолетовым,
То мятежною зарёй
Распахнётся в сердце трепетном
Чувств и мыслей новый рой.

Страница автора
soyuz-pisatelei.ru/index/8-7534

Николай Ивлеев

с. Малая Грибановка,
Воронежская обл.

От автора

Я учился писать онегинской строфой не для соревнования с А. С. Пушкиным, а для того, чтобы современных русскоязычных поэтов подвигнуть на возрождение великой русской поэзии!

Короткий роман

Поэма

ВСТУПЛЕНИЕ

Окинув в нашем веке взглядом
Больших поэтов и таких,
Кто с ними был по рангу рядом
И, не найдя приличный стих
Во всех собраниях у них,
Написанный строфой по десять,
Стремясь свою способность взвесить,
Достойный дать себе ответ:
Какой я осенён звездою,
Что я умею, как поэт,
И, как поэт, чего я стою;
И веку должное отдать
Каким-нибудь живым примером,
Решил «Онегина» размером
Свою поэму написать.

I

Устав от общежитских коек,
Чаёв, кефиrow и котлет,
И разорительных попоек,
Ещё не признанный поэт,
Однажды, летнею порою
На местной речке, под горою,
От городка невдалеке,
На остывающем песке,
В вечернем приглушённом свете
Свой несравненный идеал,
Который мысленно создал,
В кругу девчоночьем приметил
И, тайной страсти не тая,
Подумал: «Вот судьба моя».

II

Природой, свыше вдохновлённой,
Лихие знавшей времена,
Душе таинственной, влюблённой
Примета верная дана
По сумме черт неуловимых
Определять своих любимых,
С кем было бы легко в пути
Бок о бок не стыдяться идти,
Прощать поступок своевольный,
Спешить навстречу воле злой,
Мириться с милой кабалой,
Идя на подвиг добровольный,
И верным быть всегда одной,
В конце концов назвав женой.

III

Но и текущей жизни скука,
Как и влечение к труду
При выборе по сердцу друга
Всегда содержатся в виду.
И только образ отдалённый,
В сознании запечатлённый,
Твоей единственной, одной,
Означится перед тобой
Своей заветной стороною,
Какой-то милой и простой
Одной-единственной чертой
Иль даже чёрточкой одною,
Как наше сердце, вспыхнув вдруг,
Подскажет нежно: «Вот твой друг».

IV

Вот так в одном счастливом лете,
На пляже душною порой
Свою единственную встретил
На местной речке наш герой
И между тем подумал сразу,
Что, может быть, другому разу
В ближайшем быть не суждено,
А им давно всё решено;
То будь что будет, пусть решает
Судьба-злодейка за него,
А он от сердца своего
Ей руку дружбы предлагает;
Обдумав план свой в меру сил,
Он к исполнению приступил.

V

Раздевшись и остыв немного,
Как поредел девичий круг,
С надеждой, верой и тревогой
Подплыл он к девушке и вдруг,
На радость и на удивленье,
Не повстречал сопротивление
И на вопрос сходить в кино,
Как ожидаемый давно,
Она ответила с участием.
Обговорили день и час
Для встречи в следующий раз,
И вот уже, гонимый счастьем,
Он поспешил к себе домой,
Чтоб ждать ближайший выходной.

VI

Как тягостно нам ожиданье,
Как рвётся сердце из груди,
Когда назначено свиданье,
А время шепчет: «Погоди,
Ещё не срок для дел сердечных,
Ещё есть много бесконечных
Других немаловажных дел,
Которых сделать не успел;
Тех, что, мешая словно пути,
Преградой вечною встают
И жить спокойно не дают».
И тягостно идут минуты,
Сомнений множа тесный круг,
И дело валится из рук.

VII

С тех пор, оставив ради встречи
Кварталов давящую власть,
Его гнала в субботний вечер
Любовь, как роковая страсть,
Туда, где меж берёз блуждая,
Скучала нимфа молодая,
Нетерпелива и мила,
И с детской радостью ждала
Его приход, и всё смотрела
Нетерпеливо, как укор,
Тревожный обращая взор
В ту даль, где под горой блестела,
Бегущая издалека
Их подружившая река.

VIII

Подруги плавные обводы,
Любимых глаз счастливый свет,
Волшебниц пламенные годы,
Милей которых в мире нет,
Зов полноты прелестной женской,
Приятность жизни деревенской,
Здоровый быт простых людей
Его тянули властно к ней,
Тот сладкий миг предполагая,
Когда в укромной тишине,
Оставшись с ним наедине,
Застенчива, полунагая,
Истомой сладостной пьяна,
Ему доверится она.

IX

Когда мы любим, если честно
Признаться без обвиняков,
Нам всё бывает интересно:
И половодье скучных слов,
И невесёлые досуги,
И назидательность подруги,
И возмутительный для нас
Ревнивый взгляд пытливых глаз.
Биологическое поле
И свежих мыслей недочёт
Ещё сильнее нас влечёт
К своей любимой поневоле:
Нам очень нравится хотеть
Такой игрушкой владеть.

X

Оставим прелести любимой,
Тревоги, вздохи на скамье,
Печаль тоски неутолимой
И перейдём к её семье.
Подруга честью дорожила,
К нему в объятия не спешила,
В отличие от городских –
Весёлых, шумных, разбитных
И жаждущих уединенья, –
Была решимости полна,
В его объятьях холодна,
Но не без страсти и волненья;
Домой настойчиво звала
И вскоре в круг семьи ввела.

XI

Семья подруги состояла
Из пятерых (для той поры
Не слишком много и не мало);
Детей в ней было: три сестры.
Отец их раньше пил немного,
И мать, не чувствуя тревогу,
Хотела сына, но, увы,
Не прыгнешь выше головы.
Сестрёнки были помоложе
И тоже были хороши:
Румяны, веселы, свежи,
На выданье, скучали тоже
В начале зрелого пути,
Но замуж некуда идти.

XII

Лишённый собственности частной
Российский трудовой мужик,
На жизнь взирая безучастно,
За шесть десятилетий сник,
Себя бездарностью поставил
И только там себе оставил
Изобретательность и стать,
Где можно выпивку достать.
Отец семьи жил без заботы,
В попойках время проводил
И постоянно приходил
Домой «чуть тёпленьким» с работы,
На плечи женщин бросив дом,
И мать хозяйничала в нём.

XIII

Авторитет не беспристрастно
Блюдя в семейном очаге,
Мать дом вела на твёрдой, властной,
Отнюдь не дружеской ноге;
И дочери, зная мамин норов
И избегая ссор и споров,
Старались не дерзить и лстить,
Чтоб только маме угодить.
Она же, как того хотела,
Не руководствуясь умом,
Всегда стояла на своём,
Но мужа-пьяницу жалела,
Авторитет его шадя,
Как шаловливое дитя.

XIV

Когда мужских работ касалось,
Тогда, наряд дав мужу, мать
Обыкновенно чертыхалась
И шла бутылку занимать.
Без доброй выпивки в начале
«Делá» бессовестно скучали,
И, рассердившись, мать со зла
Супруга пьяницей звала
И поносила бранным словом,
Ворчала, что весь дом на ней,
Что не стыдится он людей
И что живёт на всём готовом;
И если б не её хлеб-соль,
Давно б издох он, круглый ноль.

XV

При той системе власти косной
У города и у села
Повсюду техника колхозной
Иль государственной была;
Но в жизни частной где-то надо
Вспахать участок за оградой,
Кому-то сено привезти,
Кому-то воду подвести –
Всё одинаково ценилось.
Наградой за калымный труд
Была валюта из валют –
За всё бутылками платилось;
В таком раскладе, что ни год,
Спивался больше наш народ.

XVI

Теперь старушки вспоминают
Те времена, что отошли,
И за работу вынимают
Уж не бутылки, а рубли
И чаще охают: «О боже,
Насколько стало всё дороже!»
А тракторист наперечёт
Им предъявляет свой расчёт.
Он стал рачителен и жаден,
Свой личный трактор бережёт,
Поскольку им одним живёт,
В работе трезв и аккуратен –
Не вылезает чуть живой,
Приехав вечером домой.

XVII

Читатель, видимо, заметит:
«Сатирик-де перехватил» –
В штыки мою поэму встретит,
Стремясь, на сколько хватит сил,
Доказывать, как мне известно,
Недоказуемое честно,
Настойчиво опровергать...
А мне хотелось вам сказать:
«Товарищи, не торопитесь,
Учтите слёзы матерей
За их потерянных детей
И в жизнь попристальной взгляните,
И вы найдёте массу в ней
До скотства спившихся парней».

XVIII

В деревне парни предавались
Обычной радости мужской,
И многие уже спивались
К исходу жизни холостой.
Большой до выпивки охотник,
Муж не отец и не работник,
А так: позор и пустота –
Одна для женщин маята.
Обдумав всё и так и эдак:
Какой он муж, отец какой?
И наконец махнув рукой,
Решались замуж напоследок,
Пока с ним, Господи прости,
Ребёнка можно завести.

XIX

Поэта, было, поразила
Покорность рабская детей,
Но чувство волю усыпило,
И под давлением страстей,
Оставив робкое сомненье,
Он вскоре сделал предложенье,
Уже заранее счастлив,
Жизнь холостяцкую запив
У тёщи крепким самогоном,
Спокойно с прошлым распротаясь
И сладко в думу погружаясь,
Как в будущем неотдалённом
В общаге, в комнатке одной,
Он заживёт вдвоём с женой.

XX

Социализм по части быта
(Квартиры, мебели, одежды)
Для многих был мечтой разбитой,
Порой крушения надежд,
Особенно для молодёжи,
Которая ещё не может
Ни унижаться, ни просить
И хочет стойко выносить
Романтику в её юродстве,
Презрев в себе, как кабалу,
Зов по уюту и теплу;
Но наш герой на производстве
Двенадцать метров получил
И тем весьма доволен был.

XXI

Но счастье явно не сложилось,
Их жизнь нелёгкая ждала:
Жена по маме тяготилась
И быт наладить не смогла.
Сознанием дочери несчастной
И здесь распоряжаясь властно,
Не собиралась уступать
Ему дитя родное мать.
Жена же в случае размолвки,
Ребёнка захватив с собой,
В деревню ехала домой;
И не однажды вечер долгий
Он одиноко коротал
И всё на свете проклинал.

XXII

На нашу боль и наше горе,
Как не прискорбно это нам,
Мы с неохотой смотрим в корень
И всё глазеем по верхам.
Когда какой поэт влюблённый
Свой ум тревогой отдалённой
По доброй воле утомлял,
Кто без надежды предрекал
Себе недобрую кончину;
Уверовав в благой совет,
Бросался бы в пучину бед
И не отыскивал причину
В любой зацепке, что как раз
Устраивает больше нас?

XXIII

Мир тускловат, как позолота
Осыплется с его лица,
Вас встретит маска идиота,
Упрямца или наглеца.
Порой до глупости упрямы
Бывают дочери и мамы,
И никаких весомых слов,
С их лиц срывающих покров,
Найти в природе невозможно.
Кто знает, что они хотят,
Когда те глупости твердят,
Когда они радеют ложно
О том, чтоб в лепете молвы
Они казались бы правы.

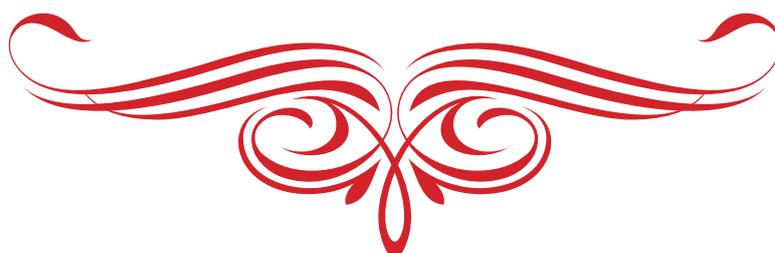
XXIV

Ох, нам уж эти тёщи-мамы!
Но где жену без мамы взять?
Не то, увы, семейной драмы
Вам ни за что не избежать.
В наш век бессовестный и вздорный
С настойчивостью непокорной
Она не будет уставать
На ушко дочери шептать:
Что у неё свои заботы,
Что от усталости, без сна
Буквально валится она,
Что кроме дома и работы
Муж должен ей стирать бельё
И не касаться до неё.

XXV

Всё было так: осколок счастья,
Любовью созданный устой
По произволу самовластья
Упрямой женщины пустой
Разрушен был и не впервые.
Гляжу я на тебя, Россия,
И тоже хочется сказать:
*Умом Россию не понять*¹,
Увещевать её – пустое
(Наверно, так заведено:
Мы говорим всегда одно,
А думаем совсем другое);
И верить: «Мысль твоя без зла
Двояко понята была».

¹ Строка из стихотворения Ф. И. Тютчева.

Наталья Колотилина

д. Кашино,
Московская обл.

Подарю тебе цветочек

Подарю тебе цветочек,
Без причины подарю,
Не на праздник, между прочим,
И не той, кого люблю.

Подарю тебе подснежник,
Не знакомой, не родной,
Такой робкий, белоснежный –
Знак прощания с зимой.

Подарю за то, что мимо
Ты идёшь, почти летишь.
Подарю, не зная имя
И куда ты так спешешь.

Подарю тебе подснежник
Без причины, просто так,
За твой взгляд такой безбрежный.
Нет, не «за», а просто так!

Забурлило опять половодье

Забурлило опять половодье
Точно так же, как прошлой весной:
По оврагам, полям, неугодьям,
В огородах и в чаще лесной.

Побежали ручьи по дорогам,
Зазвенела на солнце капель.
И стряхнула ольха-недотрога
В рябь воды отражённую тень.

Небосвод цвета первых фиалок
Пролился через край в вышину.
И слетелись скворцы на прогалок,
Новосельем будя тишину.

А весны так заждалась природа!
Нет тепла, мало солнечных дней.
Неустойчивость вешней погоды
Не пугает пернатых гостей.

Солнцем ярким желая согреться,
Как окно, распахнулась душа.
Прорастают подснежники в сердце,
Снег забвенья ростками круша.

Очумелая ночь

Что ж ты не спишь, очумелая ночь?
Тискаешь сонную эту подушку.
Вроде она обещала помочь
Спать, если ляжешь на правое ушко.

Ты куролесишь, творишь чудеса.
Вот уж часы пробудились на время.
Слышишь, пробили четыре часа?
Кот нагулялся, скребётся у двери.

А за окном в ветках дремлет луна.
Тучкой прикрыла плечо, как ребёнок.
В сон погрузились машины, дома.
Только витрины глазают спросонок.

Сладкая рифма – бессонницы дочь
Прячется в мраке – игривый «чёртёнок».
Ночь дорогая, отринь мысли прочь!
Спи, беспокойная, спи, мой совёнок.

Примулы

Небо в клочья вуаль разрывает,
У грозы не дождавшись ответ.
И на клумбах дождём поливает
Пёстрых примул весенний букет.

Сколько радости может доставить
Нежный взгляд или просто привет!
А меня может плакать заставить
Жёлтых примул волшебный букет.

Как разлитое солнце сияет,
Излучая душевности свет,
И простой красотой умиляет
Неказистых цветочков букет.

Мне не нужен куст лилий надменный,
Пышных роз или ярких гвоздик,
Только примул букет сокровенный
Сердцу мил, хоть так скромн и дик.

Обещаний пленительных сказки
Вянут быстро, как этот букет.
Только в памяти яркие краски
И слова всё живут столько лет!

Белые хризантемы

Подари мне эти хризантемы –
Чародейки-зимушки цветы.
Снежной Девы звёзды диадемы
Строгой и холодной красоты.

Как же хризантем цветок роскошен,
Словно вьюгой соткан изо льда,
Белоснежной пудрой припорошен,
Будто стоконечная звезда!

Я возьму, прильну к цветам губами,
Окунусь в их тонкий аромат.
И своими терпкими духами
Освежат они и опьянят.

Лепестков игольчатые стрелы –
Нежным розам зимний антипод.
И стоит букет морозно-белый
Хризантем волшебных хоровод.

В кафе

Я за столиком одна,
Вспоминаю всё, что было.
Закажу бокал вина
И пропью, что так любила!

Слёзы капнули в вино.
Но себя я не жалею.
Наше странное кино
Продолжать я не посмею.

Выпит мой бокал до дна.
Дым туманит сигаретный.
А душа так холодна!
Горек сладкий плод запретный...

Г. Рязань

В то время в домах распускались окна
Засаленных штор, как улыбка химеры.
И пусть на руках весна издохла,
Но разве зима знала меру?

И строчки плясали ритуальные танцы,
И время жадно целовало в губы,
А нам так хотелось моложе остаться,
Глотая панк-рок по прокуренным клубам.

Так лезть по карманам за словом не стоит,
Не стоит кричать. Мысли вылиты в тексты,
А в сердце дыра – это место пустое.
Стихам в мире прозы, похоже, не место.

Замки на дверях!
Этот мир вновь стремится к нулю,
Его форма – квадрат.
И снова мне врут,
Что декабрь приветливей лета.
И я снова поверю.
Всё было не зря,
Я твержу в сотый раз, что люблю!
Что я каждому рад,
Стекая в пустую нору
Своих снов и ваших советов,
И прячусь за дверью.

А может, луна
Или звёзды... да что ещё там
На небе, за смогом
Горит фонарём?
Мне бы только понять её свет
И увидеть бы даже...
Натянут канат
Моих нервов. Звенит пустота!
Казалось немного:
Дотянем, допрём,
Доскребём в небеса по земле,
Если это так важно.

А здесь хоровод
Проводов, телевышек и стен
Кирпичная кожа
И лица домов,
Как картинка с плаката весны,
На зелёной волне.
Важнее всего
Начертить этот мир на листе.
Если сможем,
Проглотим комок,
Обращая реальностью сны
Оставаясь во сне.

Замки на дверях.
И звучат про любовь здесь слова
Только в тостах.
Мы прячем себя,
Свои лица в шарфы, и мечты
В антресолях.
Набат сентября
Нам расскажет, что осень пришла.
Это просто –
Таиться, скорбя,
Что на сцене событий не ты
В главной роли...

Космос – только капля света,
Осеннего дождя, размазанная
По пустынной улице.
Там прощальная песня пропета,
И ночь смотрит в окно чумазая,
Смотрит и тихо шуруется.

Дождь и космос, вы так похожи:
Холод, влага, дрожь – не унять.
Крыльями туча машет,
И мимо бежит, продирая до дрожи,
Время, сломя голову, вспять,
Оно ничего не скажет.

Оно молчит. Тишина, смятение,
Катарсис, вспышка огня, пожар!
Космос смеётся в лицо.
Ночь уже ждёт на месте парения,
Ночь заставляет время бежать,
Мир замыкая в кольцо.

Чем-то родное, смурное, усатое
 Спит и мурлычет зверина лохматая.
 Видит она сновидения кошкины,
 Черпая сон деревянною ложкою.
 На площадях шерстяных ковровиновых
 Спряталась молодость чья-то звериная,
 Скрылась от глаз вездесущих хозяина,
 И возвратить ей назад уж нельзя её.
 Дремлется кошке, и когти колючие
 Больно впиваются в думы тягучие.
 Мир от неё убегающим мячиком,
 Прыгая вдаль, непрерывно маячит.
 Ей бы на крыльях до неба подняться,
 Чтобы поймать облака из фаянса,
 Тихо коснуться их мягкою мордой.
 В светлых глазах – капли светодиодов.
 Кошке обидно быть запертой в теле,
 Видя, как птицы на юг полетели,
 Слыша шуршанье дождя по откосам,
 Вкус недокуренной папиросы.
 Где-то дожди, у неё мясо в миске,
 Место для сна и сюсюканье близких,
 Детские руки – за хвост и за уши...
 В кошковых снах всё цветнее и лучше...
 Спит это тело бежево-бурое,
 В снах провозжая все помыслы хмурые.
 Кошкины сны в отражении солнца
 В детских улыбках хозяев питомца.

Давай нарисуем закат,
 Вкушая сочащийся вечер,
 Застыв, как потухшие свечи,
 В узорах, что выплавил воск.
 И будто бы издалека
 Нам солнце игриво помашет,
 И тотчас сомнения наши
 Уйдут, словно пёс, поджав хвост.

Давай нарисуем восход.
 Мы кисти утопим в красках,
 И их незабвенная пляска
 Ложится на тело холста.
 Замедливший времени ход
 Разрушит преграды и стены,
 И в ритме бурлящей вселенной
 Забыются и наши сердца!

Давай нарисуем луну –
 Серебряный шарик щербатый.
 Стирая все числа и даты,
 Нагими войдём в эту тишь.
 И в этом блаженном плену
 Сплетём свои линии судеб,
 Пусть нас кто угодно осудит,
 Но мы в неё сможем войти.

Давай нарисуем мечту
 И этим творением дивным
 Взовьёмся порывом единым
 В слиянии мыслей и тел.
 Постигнув запретов черту,
 Нарушим земные границы,
 И ярче полночной зарницы
 Задрём в вековой пустоте!

Ярко-бежевым светит фонарь
 За окном угасающей ночью.
 И свисающий месяц-звонарь
 Души рвёт в безобразные клочья,

И смеётся луна веселó,
 За окном в одиночестве тлеет
 И скребётся устало в стекло.
 Только тело вспотевшее млеет.

Карамельный чарующий дух
 Растворяется в запахе лета.
 Свет прозрачный тихонько потух,
 Ведь тайком каждый думал об этом.

Всё слилось в один дикий порыв:
 Поцелуй и тел двух сплетенье,
 И, глаза на мгновенье закрыв,
 Небо чувствует сердцебиенье.

Только первые солнца лучи
 Сеют чувство хмельной эйфории.
 Лишь луна сможет здесь различить
 Души, что в поднебесье парили.

Страницы автора

www.stihi.ru/avtor/patapon86
vk.com/public163630737

МАРИНА НИКОЛАЕВА

БРАТ

www.knigi-market.ru

16+ Повесть

Союз писателей
издательство

*Драматическая повесть в интернет-магазине «#КНИГА»
knigi-market.ru/2904*

Виктория Никитина

г. Калининград

Это просто восхищенье...

На заснеженной калине
 Стайка алых снегирей
 Разнесла по всей долине
 Приглашенье для гостей.

Пусть трещат всю морозы,
 Но пора колядовать.
 Снег пушистый – нет угрозы,
 И не стоит унывать.

Всем отведать угощенье
 Хватит в зимние деньки.
 Это просто восхищенье,
 Как же ягоды сладки!

Сотворение мечты

Ликует солнце в небесах,
 А бирюза в твоих глазах
 С ума свела. Я влюблена?!
 Не может быть! Ах да, весна
 Так неожиданно ворвалась,
 Лучами всюду расплескалась...
 И, как Снегурочка, я таю,
 В глазах твоих я утопаю,
 Но умоляю, не спасай:
 Я обретаю сладкий рай.
 В нём сотворю себе мечту,
 В твоих глазах её прочту.

Перекрёсток туманных дорог

Я искала любви, ошибаясь.
 Шла дорогой прямой, спотыкаясь,
 От измен уставая и лжи...
 Поманили в туман миражи,
 Как спасительные маяки.

Обольститель-туман обнимал
 И с собою меня увлекал
 В нереальные сказки-мечты,
 Удалив от мирской суеты,
 Чтоб обману любить вопреки.

И душа не увяла с тоски,
 Её струны поют о любви,
 Познавая блаженства восторг.
 Перекрёсток туманных дорог –
 Моих пылких мечтаний пролог.

На свидание к любви

Закаты и рассветы обгоняя,
 Спешила на свидание к любви,
 Надежду в своём сердце сохраняя.
 Как много зорь светило впереди!

Но время всё на свете отнимает
 По капельке сперва и незаметно,
 Как будто бы оно всё понимает,
 Бывает, тормозит тайком, но тщетно.

Ласточки под крышей

Щебет ласточек под крышей
 На заре меня будил.
 Кот наш Фунтик рыжий-рыжий
 Под окном уже блудил.
 А морской солёный воздух
 Йодом, травами горчил.
 И нырнуть хотелось сходу
 В глубину, что было сил...
 Снова детство память будит,
 Крымский берег поманил.
 Пусть следов моих не будет
 На песке, что так мне мил.
 Но я рада: Крым опять
 Нашим стал. И не отнять!

Татьяна Печерская

г. Липецк

И глупые фразы иссякли.
И тихо шагала тоска
По лицам. И лица размякли,
Увидев в гробу дурака.

И в холоде страшном не стали
Кричать белогрудые птицы.
На солнце сверкали медали,
Как слёзы на пасмурных лицах.

2014–2015 гг.

И похотливость усмехнулась,
Заметив нежный отзвук глаз.
И бровь игриво изогнулась,
Когда огонь в глазах угас.

Я встала тихо с табурета
Смеряя временем шаги.
А столько света, много света,
Как память ты убереги.

2013 г.

Утро было холодным.
Серый туман. Мороз.
Утро было холодным,
Едим до горестных слёз.

Утро развеялось. Лето.
Лето среди января.
В поисках яркого света
Жмусь я к столбу фонаря.

Лаает собака за дверью.
Старая книжка. Трюмо.
Сколь же полно недоверья,
Глупое это письмо.

Строчки написаны ровно.
И я неровно дышу.
Словно в бреду брожу. Словно
Телом всем мелко дрожу.

Скоро опять улыбаться.
Взгляды и боль напоказ.
Скоро опять улыбаться,
Но не сейчас. Не сейчас.

27 декабря 2013 г.

Пали талые снежинки.
Пала я в твоих руках.
И слетели золотинки...
И слетели золотинки,
Не зашитые в платках.

И искрилась, серебрилась,
Волновалась вольно ночь...
Я с тобой сейчас простилась.
Я с тобой сейчас простилась,
Чтобы счастье превозмочь.

2013 г.

А после, торжествуя над забвеньем
И придаваясь нервно красоте,
Под музы обаявшим вдохновеньем
Я оставляла строчки на листе.

22 марта 2014 г.

Балет пестрил, и я вдыхала яро,
Как кислород, чарующую смесь
Любви неспелой пылкою запала
И ярости удушливую взвесь.

22 марта 2014 г.

Инна Андрианова

г. Калининград

Куба – любовь моя

*(События рассказа вымышлены,
совпадения случайны)*

Электромеханик Сергей Никонов отдал морю без малого 30 лет.

Штормá любил особенно: ревело море, пытаясь опрокинуть небо; а человек был и песчинкой, и исполином, способным не только продержаться, но и работать.

Однако, случались шторма иного рода.

В 70-х годах прошлого века он ходил на транспортных рефрижераторах в разные страны. Любимыми у всей команды были заходы в порты Кубы. Чаще всего швартовались в Гаване. СССР тогда помогал острову: возили не только рыбу, но и другое продовольствие. Почему-то кубинцы с разгрузкой не торопились, и у моряков было достаточно времени для отдыха. В увольнение ходили группами по 4–5 человек. Оторваться от группы не было разрешения и возможности. Поэтому, если кому-то надо было вылечить зуб (кубинская медицина была высокого уровня, да и договорённость между странами о бесплатном оказании разного рода медуслуг имела), остальные терпеливо томились в ожидании или угощались великолепным крепчайшим

кубинским кофе в крошечных, с напёрсток, чашечках. Ну а потом – пляж летом, достопримечательности – зимой, в магазинах делать было нечего.

Кубинцы – народ весёлый, дружелюбный. Но в каждом народе не без уroda. А на пляже, бывало, расслабятся морячки, об осторожности забудут...

Однажды у половины группы исчезли сандалии, другая половина лишилась рубах, пока все с удовольствием плескались в ласковых волнах.

Благо, автобус ходил от пляжа прямо в порт, однако через весь город коллективу пришлось ехать босиком и полуголыми. Это обстоятельство в глазах первого помощника капитана¹ роняло честь советского моряка, выглядело вопиющим нарушением инструкций.

Мотористы отделались лёгким испугом, а на механиков ушла докладная в службу главного механика базы реффлота. Все хорохорились, но пригорюнились.

По возвращении они были вызваны на совет механиков, где разбирались серьёзные происшествия, связанные с работой.

Первый помощник зачитал докладную, кадровик плотоядно потирал руки. Воцарилось молчание. Но на докладную надо реагировать. Посыпались нелюбезные вопросы: как так, босиком в Гаване?! Будущность беспомощно болталась на тоненькой паутинке.

Сергей был не робкого десятка: «А что же мне, например, тоже нужно было чужие тапки сляздить?!» Ах, он ещё и дерзит? Но нашёлся один здравомыслящий: «А о чём мы, собственно, говорим? Какое отношение это имеет к работе? Если они виноваты, пусть капитан своей властью их накажет. Я Никонова давно знаю, вместе на ремонте в Финляндии стояли: отличный специалист и человек нормальный». – «Да, да», – с облегчением загалдели остальные.

Дело, высосанное из пальца, развалилось само собой к общему удовлетворению.

¹ Первый помощник капитана – заместитель по политической части.

Жизнь продолжалась, и песня «Куба – любовь моя» всегда сопровождала рейсы моряков к памявному острову Свободы.

Преткновение

*(События рассказа вымышлены,
совпадения случайны)*

Цунами начала девяностых двадцатого века «утопило» одних, «выбросило» вверх других, а третьи трудно вживались в новые образы в предлагаемых обстоятельствах.

Галина Георгиевна потеряла работу – рухнуло предприятие. Было ей за сорок. Поскольку торговать она не умела, то не нашла ничего лучшего, как попроситься в школу. Учителя школ убегали от съёжившихся нерегулярных зарплат: кто-то подался в сетевики, кто-то в журналисты...

Вакантные места занимали инженеры, успешные ранее, неудачники теперь.

Галине Георгиевне предложили природоохранение в 5-х классах, ОБЖ и классное руководство в 5 «Г».

Деваться было некуда: взялся за гуж...

Ребятишки в этом возрасте ещё славные. Однако неопытный человек начинает существовать будто внутри броуновского движения, закономерности которого угадываются не сразу. Как бы там ни было, ученики и учитель друг другу понравились, особенно после похода с костром и печёной картошкой.

В начале октября в класс пришёл новенький – Саша Солодовников. Изысканная простота одежды и карман брюк, наполненный деньгами, показывали: человек из обеспеченной семьи. Он казался нежадным, общительным, неглупым, но бесшабашным. Мальчишки смотрели ему в рот, девочки попискивали от восторга.

Недели через две косяком пошли жалобы от одноклассниц Саши о странном его отношении к ним. Одну он обнимал и говорил на ушко: «Пойдём со мной», другой гладил ножку выше колена...

Некоторое время Галина Георгиевна наблюдала это с расширенными глазами и, не зная, как поступить, решила посоветоваться с завучем. Обычные меры призвать на помощь родителей обеих сторон результата не дали, а мама Саши теперь регулярно «поливала» учительницу по телефону, грозя разного рода расправами. В это время мамы и папы перестали быть союзниками учителей. Старые стандарты воспитания школа потеряла, а новые не приобрела. Завуч изрекла: «Делайте, что хотите, но делайте! Иначе всей школе не поздоровится».

Хорошенькое предложение!

Поразмыслив, Галина Георгиевна решила: паренёк играет во взрослого. Значит, надо подыграть по правилам жизни взрослых.

После урока она попросила его задержаться и сказала: «Саша, нас связывают производственные отношения, у меня такая же связь с моими руководителями. Если я делаю что-то неправильно, приходится писать объяснительную завучу или директору. Сегодня поступила жалоба от Жанны. Было?» – «Было», – ответил мальчик.

Выдержав небольшую паузу, Галина Георгиевна предложила ему написать объяснительную записку и рассказала, как это делается.

Через неделю она передала «докладную» директору, приложив стопочку Сашиних листочков – доказательств поведения, несоответствующего возрасту. Вскоре к ней подошла девушка – инспектор по делам несовершеннолетних с предложением показать ребёнка психиатру. «Нет, – ответила Галина Георгиевна. – Мальчик просто насмотрелся чего-то по видео. Надо просто поговорить по вашим правилам».

Больше учительница этим не интересовалась. Отношения с Сашей оставались обычными. Через пару недель завуч заметила: «А Солодовников затих. И мама тоже». Этим всё и закончилось.

Сейчас, когда внучка просит рассказать о проделках мальчиков-хулиганчиков, Галина Георгиевна припоминает и эту историю. И каждый раз задаётся вопросом: «Где ты, Саша Солодовников? Не навредила ли я тебе?»

¹ Песня на стихи Сергея Гребенникова и Николая Добронравова, музыка Александры Пахмутовой.

Эйшель Антонов

г. Архангельск

Сказка о Тя Сиире и Лене Ми

(Продолжение. Начало в № 5–6/2014)

Краткое содержание первых двух частей

В семье Волковых, которая проживала в собственном деревянном доме почти в центре Архангельска, было четверо детей: старший брат Михаил, учившийся в Санкт-Петербурге, старшая сестра Линда, ученица 9-го класса, героиня нашей повести Милена, которая училась в 1-м классе, ей было всего 7 лет, и маленький Николенька, ходивший в детский сад.

Наша история началась в тот момент, когда Милена, играя с глиняным божком из Пустоозёрска, нечаянно его уронила, он раскололся, и из него выпал колокольчик. Девочка, конечно, сразу же в него позвонила. И на звон колокольчика пришёл мальчик, совсем маленький, размером с куклу. Это был Тя Сиир из рода Сихиртя. Он знал таинственное заклинание, которое могло уменьшать человека до размера куклы и увеличивать обратно.

Тя Сиир жил под печкой, а мебели у него совсем не было. Милена подарила мальчику свой мебельный гарнитур для кукол. Тя Сиир был мастеровитым мальчиком. Он подарил Милене серёжки с камушком. Когда Линда увидела серёжки, то захотела взять их себе. Девочке пришлось отдать подарок. Она думала, что мальчик обидится, но он сделал на её день рождения серёжки ещё лучше прежних. Подруги Линды тоже захотели иметь украшения. Тя Сиир обещал сделать, но в обмен на одежду для мальчика.

Милена решила показать своему другу школу. Когда девочки увидели Тя Сиира, то стали насмехаться над ним, потому что в это время в моде были куклы «Монстер Хай». Тогда Милена назвала Диану, которая считала себя принцессой, Медузой Горгоной. В ответ «принцесса» приказала своему папу Арсению разобраться с Миленой. Мальчик бросился на обидчицу, но совершенно случайно наткнулся на её маленький кулачок и отлетел к доске. Родителей Милены вызвали в школу к директору.

Диана пришла к Милене в гости, словно собиралась извиниться, а на самом деле, узнав о колокольчике, выкрала его. Она хотела, чтобы Тя Сиир стал её рабом. Но мальчик перехитрил Диану и завладел колокольчиком.

Вечером Тя Сиир и Лена Ми – так звал её мальчик, потому что в их роду все имена разделялись и переворачивались, – сидели на крыше дома. Была лунная ночь. Тя Сиир рассказал историю его рода. Было уже поздно, и Милена решила вернуться домой.

В то время, пока Тя Сиир и Милена любовались на крыше луной, в дом к маме и папе Милены пришли директор школы, учительница, родители Дианы и Арсения.

Часть 3

Как Милена оправдывалась

– Пришла, не запылилась, – мама Дианы скривила гримасу.

– Нет, так-то. Только в снегу вывалялась.

– Так, Милена, расскажи родителям, что случилось в школе, – строго сказала учительница.

– Мама, папа, я не виновата. Они сами начали.

– Это мы будем решать, виновата ты или нет. Кто начал? – вмешалась директор школы.

– Я принесла Тя Сиира в школу.

– Кого принесла в школу? – спросила директор у Милены, потом резко повернулась к учительнице. – С чем это у вас ученики в школу приходят?

– Я... я не знаю.

– Это моя кукла.

– Странное имя. Ну да бог с ней, с куклой-то. Что произошло?

– Девочки подошли, и я показала им Тя Сиира. Диана сказала, что он уродец, и все её подруги стали оскорблять его. Тогда я назвала Диану Медузой Горгоной.

– Как ты посмела?! Как вы воспитали свою дочь?! Уму непостижимо! «Медуза Горгона!» Назвать мою дочь этой стервой! Моя Дианочка милейшая девочка, – мама Дианы вся покраснела, на шее выступили толстые вены.

– Но ведь она первая начала! – воскликнула Милена.

– Она говорила про куклу, а ты про живого человека!

Милена уже хотела сказать, что Тя Сиир вовсе не кукла...

«Не делай этого. Пусть называют меня куклой. Не надо им говорить, что я живой. Просто извинись, скажи, что ты виновата!» – голос мальчика остановил поток слов, который был готов вырваться изо рта девочки.

– Простите, меня, пожалуйста, я очень виновата. Я не имела права обзывать вашу дочь.

– Ты должна извиниться перед Дианочкой!

– Хорошо, я извинюсь перед всем классом завтра.

– Ну вот, другое дело. А то «Медуза Горгона».

– Медуза Горгона – это кукла.

– Как кукла?

– Это кукла «Монстер Хай». Вы сами купили её Диане.

– Ну, не знаю. Я, конечно, покупаю Дианочке куклы, но такой не помню.

– Оставим кукол в покое. Что было дальше? – директор вернула разговор в прежнее русло.

– Диана сказала Арсению, чтобы он разобрался со мной. Арсений подошёл ко мне. Я ударила его в глаз. Он упал. Вот и всё.

– Почему ты ударила его первая?

– Когда Диана приказывает Арсению, то он всегда бьёт всех в классе.

– Этого не может быть! У нас очень дружный класс. А Диана и Арсений мои самые первые помощники по поддержанию дисциплины, – учительница так разволновалась, что вся покраснела от обиды.

И тут вышел вперёд папа Милены.

– Зоя Петровна, что я слышу! В руководимой вами школе процветает дедовщина. Я бы даже сказал, бабовщина.

– Что вы себе позволяете, Александр Юрьевич! У нас образцовая школа.

– Школа, в которой два человека держат в страхе весь класс. Я немедленно звоню Зое Анатольевне.

Папа достал телефон и стал листать список контактов.

– Зоя Анатольевна? Проскурина? Вы её знаете?

– Они с папой друзья юности, – ответила за папу Милена.

Директор взяла папину руку.

– Александр Юрьевич, пожалуйста, не надо никуда звонить. Мы сами разберёмся. Виновные будут наказаны. Я обещаю. Я клянусь!

Зоя Петровна заискивающе посмотрела в глаза папе Милены. Папа был отходчивым, он не умел долго сердиться и быстро прощал.

– Хорошо, разберитесь. А я буду ждать вашего звонка с результатами этого разбирательства.

– Да, конечно. Я вам позвоню буквально через несколько дней.

– Договорились.
– Валентина Александровна, за мной! Я вам покажу дедовщину в моей школе.

Директор решительно выскочила в прихожую. Учительница, как нашкодившая собачонка, побежала следом.

Мама Дианы встала.

– Не забудь, Милена, что ты обещала извиниться перед Дианочкой.

– Я всегда выполняю свои обещания.

Мама Дианы проплыла с гордо поднятой головой в прихожую. Миленин папа не стал провожать неожиданных гостей.

– Простите, мой сын сам виноват перед вами, – мама Арсения опустила глаза и тихо вышла из кухни.

Папа смотрел на Милену. Девочка вздохнула, опустила глаза.

– Папа и мама, извините меня, пожалуйста.

– Хорошо, постарайся сделать выводы.

– Можно, я пойду к себе?

– Иди.

Милена поскакала в свою комнату. Тя Сиир сидел на столе.

– Тя Сиирчик! Милый! Как я рада, что ты живой и здоровый!

Девочка схватила куклу и стала кружиться с ним по комнате.

– Тихо ты, егоза. У меня голова кружится. Давай, мал-помалу останавливайся.

– Я так рада, так рада, что всё обошлось. Ты вовремя появился, а то я бы устроила истерику.

– Ты истеричка?

– Нет, я просто немного нервная.

– Надо уметь держать себя в руках. Чем спокойнее ты говоришь с человеком, тем больше шансов одержать победу.

– А ты же ударил Арсения.

– Он бы слов не понял. Некоторые понимают только силу. Зато он надолго запомнит, что против силы может найтись более сильная сила.

– Ты у меня такой умненький-разумненький!

Милена чмокнула его в щёчку. Лицо Тя Сиира покрылось краской.

– Ты меня смущаешь. Я обычный мальчик племени Сихиртя. У нас много мальчиков, которые значительно лучше меня.

– А у меня ты самый лучший мальчик в мире!

Как Милена сражалась

Два дня пролетели очень быстро. Милена очень волновалась, успеет ли Тя Сиир выполнить заказ. Он ведь так много времени провёл с ней.

Днём пришли подруги Линды.

– Милена! Милена!

Милена зашла в комнату сестры. Там уже сидели Ксюша и Алиса.

– Как там наш заказ? – спросила Ксюша.

– Не знаю ещё, сейчас схожу и выясню. А ты одежду принесла?

– Принесла. В прихожей лежат два пакета.

– Спасибо большое! – Милена развернулась и побежала в прихожую.

– А подарки? – возмутилась Алиса.

Пришлось вернуться.

– Я же сказала, что сейчас спрошу и вам скажу. Потерпите немного.

– Мы и так уже два дня ждём.

– Простите, пожалуйста, у меня тут неприятности были.

– Милена побила мальчика, – вступила в беседу Линда.

– Как побила?! – в один голос заинтересовались девочки.

– Ничего я его не побила, а только руку вперёд выставила, а он на кулак глазом наткнулся.

– Ага, и отлетел к доске, как будто он мячик.

– А по тебе, Милена, не скажешь, что ты такая сильная, – засомневалась Алиса.

– Тут главное не физическая сила, а сила духа.

– Японская философия, – показала свою эрудицию Ксюша.

– И вовсе не японская, это философия Сихиртя.

– Чья-чья?

– Философия Сихиртя, это такое древнее племя.

– Это тебе, конечно, твой Тя Сиир сообщил? – съязвила Линда.

– Догадливая ты у меня, – усмехнулась Милена. – Может, я уже мал-помалу пойду узнавать про серёжки с колечками?

– Иди-иди! Да побыстрее.

Милена вышла в прихожую, взяла два больших пакета с одеждой и пошла в комнату. Звонить было опасно, так как на звонок могла прийти Линда с подружками.

Девочка взяла колокольчик и сказала заклинание. Быстро проскочила на кухню, вошла в подвальный ход, взяла светильничек и пошла по лабиринту. Она уже хорошо знала дорогу и прекрасно ориентировалась.

За очередным поворотом луч светильника выхватил из темноты что-то серое. Раздался пронзительный визг. У Милены замерло сердце.

Огромная серая морда. Чёрные глаза-бусинки. Два крупных желтоватых зуба. Длинные усы.

«Крыса!» – догадалась Милена.

Если бы девочка была нормальных размеров, то крыса была бы не такой уж большой, но для Милены кукольных размеров животное было очень большим. И представляло реальную угрозу для жизни. Они встретились в узком коридоре. Разойтись не было возможности.

«Если повернуться и побежать, то она меня в один миг догонит и вцепится в горло. Лучше стоять лицом к опасности», – решила девочка.

Крыса присела на передних лапах и издала короткий свист. Милена вытянула вперёд светильничек, стараясь попасть крысе в глаза, и издала короткий громкий клич на очень высокой ноте.

Крыса попятилась. Милена повторила клич. Животное упёрлось в угол. Девочка наступала на неё. И тут загнанная в угол крыса бросилась вперёд. Милена успела ткнуть животное в глаз светильничком и прижалась к стенке.

Запахло палёной шерстью. С пронзительным визгом крыса рванула по лаби-

ринту. Милена не чуя ног побежала вперёд. Проскочила мимо нужного поворота, вернулась обратно. Сердце готово было выскочить из грудной клетки. Вбежала в комнату и бухнулась на кровать.

Мальчик трудился за станком. С удивлением посмотрел на Милену. Она лежала, тяжело дыша, футболка на спине взмокла.

– Что случилось?

– Кры-кры-кры-кры...

– Ты чего курлычешь, как журавль в небе?

– Да не журавль, а кры-кры-кры...

– Кто?

– Кры-кры... крыса!

– Где?

– Там, в лабиринте!

– Она тебя укусила?

– Нет, она на меня бросилась. Я её светильничком по морде. Она огня испугалась и убежала. Только жареным запахло.

– Крысы огня боятся. И запах палёного далеко чувствуют. Теперь она нескоро вернётся. Ты испугалась?

– Да, очень сильно. Я думала, что она мне горло перегрызёт.

– Крысы на людей не нападают. Если их не загнать в угол.

– Я же не специально. Там узко очень и поворот был, и она уткнулась задом в угол. Я не виновата.

– Конечно, не виновата. А ты смелая!

– Что-что-что-то незаметно.

– Другая бы бросилась наутёк с диким визгом.

– Ага, и она бы в один миг напала сзади. К животным нельзя поворачиваться спиной.

– Поэтому ты бросилась на неё!

– Я думала, что она повернётся и убежит, а она уткнулась в угол и напала.

– Никогда не загоняй никого в угол.

– Не буду. Знаешь, как я испугалась?

– Вижу, прости. Я очень рад, что всё обошлось!

– Правда?

– Правда!

Тя Сиир улыбнулся.

– Ты зачем пришла-то?

– Ах да. Я совсем забыла. Там девочки пришли за заказом.

- А всё уже готово.
Тя Сиир встал и достал из ящика две корочки. Открыл одну из них и показал Милене.
– Ух ты! Красивые!
– Думаешь, им понравится?
– Конечно понравится. Пошли, отдадим.
– Может, ты сама?
– Да нет, пойдём вместе.
– Да я как-то измазался, и одежда не очень.
– Тя Сиирчик, ты что, стесняешься? Это же твоя работа.
– Не знаю, а вдруг не понравится. Мне будет стыдно.
– Вот сам и увидишь. Пошли давай. Там ещё Ксюша одежду принесла, надо примерить.
– Хорошо, пошли.

Как Тя Сиир получил новую одежду

Они прошли по лабиринту и через кухню пробрались в детскую комнату. Быстро выросли до нормальных размеров.
– Вот, примерь рубашку и джинсы.
Рубашка была в мелкую синюю клеточку, а джинсы – тёмно-синие, без рисунка. Мальчик переоделся. Милена подвела его к зеркалу.
– Смотри, какой красавчик. Нравится?
Тя Сиир внимательно осмотрел себя со всех сторон.
– Ну так нравится? Что ты молчишь-то?
Тя Сиир широко улыбался. Милена проследила за его взглядом. В дверях стояла Линда с открытым ртом. Так они стояли и смотрели друг на друга. Девушка закрыла лицо руками и стала тереть глаза. Когда она отвела руки от глаз, то увидела Милену, держащую куклу в руках.
– Что это было?
– Что?
– То есть кто это был?
– Где?
– Да тут только что был мальчик.
– Вот этот?
Милена покрутила куклу. На Тя Сиире была новая одежда.

– Ну да такой же мальчик, только побольше, с тебя ростом.
– Нет, такого не было. Вот Тя Сиир был тут.
Девочка снова протянула куклу в сторону старшей сестры.
– Что-то у меня с глазами, наверное. Я вот тут только что видела мальчика, он перед зеркалом вертелся.
– Оптический обман. Такое бывает. Нам в Музее занимательных наук показывали.
– Обман?
– Да, оптический. Вещь маленькая, а зеркало его может сделать большим. Тебе показалось.
– Показалось?
– Точно-точно! Померещилось!
– Померещилось?
– Ну да, ведь нет нигде мальчика. Если хочешь, поищи.
Линда прошла по комнате, заглянула под кровать, за портьеру, в шкаф. Ничего не нашла.
– Точно, померещилось, – посмотрела на куклу. – А твоему парню одежда подошла?
– Да, вот посмотри, как хорошо сидит.
Линда взяла куклу и рассмотрела наряд.
– А ему идёт мальчишеская одежда.
– Да, спасибо Ксюше.
– Я передам. Хотя ты сама можешь сказать. А где, кстати, серёжки и колечки?
– А вот они! – Милена протянула Линде коробочки. Девушка открыла одну из них, посмотрела, потом открыла вторую, улыбнулась.
– Пошли, покажем девочкам.
Они пошли к девочкам. Ксюша и Алиса так восхищались украшениями. Тут же на месте примерили. Подошло идеально. Вертелись перед зеркальным шкафом. Линда с завистью смотрела на них.
«Достань из своего заднего кармана колечко и кулончик с цепочкой», – голос Тя Сиира звучал в голове, словно там было пусто как в бочке.
«Зачем?»
«Ты видишь, как она завидует подругам? У них и серёжки, и колечки».
«Вижу, конечно».

«Ну вот и отдай кулон и колечко Линде».

«А ей не много будет?»

«Не много, я ещё сделаю. Ты-то хоть не завидуй. Зависть – очень плохое чувство. Нельзя завидовать. Надо радоваться за людей, что им хорошо».

«Я и так радуюсь».

«Вот и отдай Линде кулон и колечко».

Милена незаметно для девочек достала украшения из кармана.

– Девочки вам так идут эти вещички. И камешки в самый раз по цвету глаз, – сказала она.

Девушки заулыбались.

– А вот это тебе, Линда.

Милена протянула кулончик и колечко сестре. Линда примерила колечко. В этот раз оно очень хорошо поместилось на пальчике. Встала к зеркалу и надела кулон. Щёлкнул замочек.

– Супер! – воскликнула Милена.

Сестре так всё хорошо подошло, что девочка искренне порадовалась за неё.

«Ты у меня такой умненький-разумненький, суперский мастер!» – Милена чмокнула куклу в щёчку.

«Нормальный я».

«Нет, ты искусный мастер! Я тобой горжусь. Смотри, как девочки рады».

«Просто мастер».

«Не спорь со мной, я лучше знаю».

«Кто это из нас двоих мастер?»

«Ты, конечно, но в красоте я больше понимаю. Не спорь, пожалуйста».

«Ты только не возгордись!»

«А что?»

«Гордыня тоже плохой поступок».

«Я же тобой горжусь, а не собой».

Девочки прыгали вокруг Линды.

– Мы тоже хотим кулончик!

– Вы сначала за колечко и серёжки расплатитесь, а потом поговорим.

Девочки полезли в сумочки за деньгами. Линда пересчитала купюры.

– Всё верно. Кулончик с цепочкой будет стоить тысячу рублей.

– Мы согласны, – хором закричали девочки.

– Ты бы хоть у мастера спросила, будет ли он делать ещё кулончики.

Линда взяла Тя Сиира и посмотрела ему прямо в глаза.

– Ты же сделаешь Алисе и Ксюше кулончики с цепочкой за тысячу рублей?

Кукла молчала. Девушка скривилась.

– Ты не умеешь спрашивать! Разве так разговаривают с мастером? – Милена взяла куклу в руки.

– Тя Сиирчик, ты сделаешь девушкам ещё и по кулончику?

«Сделаю, конечно, если Линда согласится».

– Я, конечно, сделаю, если Линда не будет завидовать девочкам! – Милена изменила голос, стараясь подражать мальчику.

– Не буду я никому завидовать. Всё равно у меня первой всё появилось.

– Тогда я сделаю, – эхом повторила Милена слова Тя Сиира.

– Так вот как разговаривают куклы. Ты, Милена, чревовещатель!

Девушки залились хохотом. Милена подошла к Линде и вытянула тысячные купюры.

– Это наша доля!

Это было больше одной пятой, но Линда не возражала. Милена убежала к себе в комнату.

– Тя Сиирчик, мы теперь богачи. Ты заработал целых две тысячи! Супер!

– Спасибо, но, наверное, этого мало, чтобы купить одежду.

– Если брать на распродаже, то хватит.

– Значит, надо ещё работать. Ты сможешь найти заказы?

– Конечно. Да и Линда, я думаю, тоже нам поможет. Ой, я совсем забыла.

Милена побежала обратно в комнату сестры.

– Ксюша, спасибо большое от меня и Тя Сиирчика за одежду. Ему очень идёт.

Девочка показала куклу Ксюше. Девушка внимательно рассмотрела одежду.

– Хорошо на нём сидит. Лучше, чем на моём брате.

– Это потому, что Тя Сиирчик у меня красавчик и фигура у него идеальная.

– Каждый кулик своё болото хвалит, а каждая девочка своего парня!

Девушки опять начали смеяться.

– Ну и что, он у меня всё равно самый лучший. Большое спасибо, Ксюша, за одежду!

– Да не за что. Носите на здоровье. А когда кулончики будут?

– Через два дня. И другим посоветуйте, нам заказы нужны.

– Договорились.

Милена убежала к себе в комнату.

Как Милена собиралась с Тя Сииром на каток

По субботам первые классы не учились. Линда ушла в школу. Папа с мамой собрались по делам. Милена оставалась одна в доме. Она прибежала в прихожую.

– Папа! Мама! А можно я схожу на каток?

– Одна? Нет! – решительно сказала мама.

– Я же уже большая. Всё умею. И на автобусе ездить, и билеты покупать.

– Одна ты не поедешь.

– А я, я... Мы с Тя Сииром поедем.

– Ну если только с Тя Сииром. Вдвоём можно! – принял решение папа.

Мама посмотрела на него многозначительно.

– Вдвоём можно. Весна. Да и светло, день на дворе.

Папа обнял маму и что-то шепнул ей на ухо. Мама рассмеялась.

– Спасибо, папочка!

Милена чмокнула папу.

– Спасибо, мамочка!

Милена чмокнула маму.

– Смотри, аккуратно переходи улицу!

– Хорошо!

– Милена, а деньги?

– У Тя Сиира есть деньги, он заработал.

– Неприлично брать у мальчика деньги. Это нехорошо. Надо делить расходы поровну. Вот, возьми сто пятьдесят рублей.

– Спасибо, мамочка!

Родители ушли. Хлопнула калитка. Милена прибежала в комнату и зазвонила колокольчиком, прыгая по комнате.

– Привет, что это ты так раззвонилась?

– Привет, Тя Сиирчик! Мне разрешили пойти на каток. Мы с тобой идём вдвоём!

– Ты уже всё за меня решила?

– А что? Разве ты не хочешь?

– Не в этом дело. Хочу или не хочу. Ты сначала решила за меня, а потом только спрашиваешь, хочу ли я.

– Прости, Тя Сиирчик. Ты обиделся? Я так обрадовалась, что совсем забыла тебя спросить. Прости меня, пожалуйста.

Милена опустила голову, боялась посмотреть в глаза мальчику.

– Дай, пожалуйста, колокольчик.

– Тя Сиирчик, миленький, прости меня! Не уходи, пожалуйста! Я больше так не буду!

Милена представила, как сейчас Тя Сиир возьмёт колокольчик и уйдёт. Навсегда. И она его никогда больше не увидит в жизни. Из глаз потекли слёзы. Девочка заревела в голос.

– Да не реви ты как белуха.

– Как белуга!

– Белуха! Белуга – это рыба, рыбы реветь не умеют. А белуха – это зубастый кит. Они такие белые с большой головой. Прямо как ты. Только детёныш ещё. Белушонок!

– Ага!

– Дай мне колокольчик. Я что, как кукла поеду? Или можно с тобой ехать как мальчик?

– Как мальчик, конечно!

Милена подала колокольчик.

– Пойди умойся, Белушонок!

Девочка убежала в ванную. Когда она вернулась, Тя Сиир уже собрался. Он надел спортивную куртку, шапочку и кроссовки.

– А коньки?

– А у меня двое коньков: одни белые, другие чёрные. Чёрные лучше, они фирменные, фигурные, папа специально купил для меня. Но я устроила рёв из-за цвета.

– Ревела белухой! – рассмеялся Тя Сиир.

– Да, но ты не бойся, я не всегда реву. Только иногда. Ну вот, папа сходил и купил белые, но подешевле. А эти так и остались. Хотели кому-нибудь продать или подарить, но родители забыли, у них дел много. Тебе повезло.

– Нехорошо скандалы устраивать.

– Да я знаю, как-то само получилось. Все девочки в белых ботинках или розовых, а я в чёрных. Засмеют. А папа даже не спросил, какие я хочу. Фирменные, фирменные...

– Нехорошо. Собирайся уже, да мал-помалу пойдём. Во сколько сеанс?

– В два часа.

– А время?

– Уже четверть второго.

– Бегом!

Милена быстро оделась. Тя Сиир подхватил сумки с коньками. Они выскочили из дома и побежали на остановку.

Движение машин по улице Тимме около кинотеатра «Русь» было очень интенсивным. Милена вглядывалась в сторону Воскресенской, стараясь заметить автобус.

– Мы разве не пешком?

– Нет, мы поедem на автобусе. Так быстрее.

– Нам какой автобус?

– Номер 1, 11 или 76!

Подходили другие автобусы, а нужного всё не было. Милена вся изнервничалась. Наконец-то появился автобус с большой красной вывеской.

Они заскочили внутрь. Тя Сиир пропустил девочку вперёд. Она села около окошка. Мальчик присел рядышком. Милена достала пятьдесят рублей.

– А деньги зачем?

– В автобусе надо платить за проезд. Билет купить.

– И сколько стоит билет?

– Двадцать один рубль.

– А за куклу тоже надо платить?

– Нет.

Тихо звякнул колокольчик. Тя Сиир переместился на сумку. Сидел там так тихо и смотрел в окно. Подошла кондуктор.

– Мне два билета, пожалуйста! – машинально сказала Милена.

– А второй на кого?

– На-а-а... на... него.

Милена пальцем показала на куклу.

– Мал он ещё.

Кондуктор оторвала один билет, дала сдачу и отошла.

– Так нельзя, – шепнула она мальчику.

– У меня только тысяча. Мелких денег нет.

– Я бы заплатила за тебя.

– Я не хочу, чтобы ты платила за меня. Я сам могу заплатить.

– Ты и на катке будешь со мной как кукла кататься?

– Нет, там я заплачу. А сколько стоит билет?

– Девяносто рублей.

– Ну вот, разменяю тысячу и буду с тобой кататься.

– Ладно.

Они быстро доехали до Морского речного вокзала.

(Продолжение следует)

Рекомендуем книгу автора

Предвкушение любви

Романтическая проза

Купить книгу

planeta-knig.ru/shop/1617/desc/predvkushenie-ljubvi

Кристина Волчецкая

г. Ивдель,
Свердловская обл.

Она живая. Её зовут Катя

Она лежала в маленькой железной кроватке с тонкими прутьями, на которых местами сошла краска. Просто лежала и смотрела в потолок. Она любила смотреть в окно, но у неё это редко получалось. Медперсонал обращал на неё мало внимания, часто забывая переворачивать с бока на бок. Когда в очередной раз её поворачивали к стене, казалось, что из её тела выдыхается разочарование. До ужина ей придётся смотреть на голые, холодные стены, выкрашенные в тёмно-синий. Она не возражала против такой жизни, она не умела возражать. Она ничего не умела.

Её звали Катя. Катюша, Катюня – как ласково называла её мать. Совсем недавно у неё был день рождения, ей исполнилось семь. Заветный возраст, в котором ребёнок становится другим. Всё ещё малыш, но уже такой взрослый, серьёзный и рассудительный. Первые тревоги, учёба, первая ответственность. Начало взрослой жизни. У неё ничего этого не было. Только четырёхразовое питание из бутылочки и смена памперсов по расписанию. Она бы любила принимать ванну, но медперсонал не очень-то с ней церемонился, переодевание зачастую становилось пыткой. Щипки и царапины, оставленные неловкими руками, причиняли боль. Теперь она привыкла и к этому. Её мать купала и переодевала её с осторожностью, она целовала её недвижимое тельце и часто плакала. Тогда Катя любила купаться. Тёплая вода обволакивала, тело выпрямлялось. Боль исчезала, а внутри просыпались новые чувства: блаженство, невесомость и свобода. Так было тогда, когда её мать

была рядом. А потом что-то случилось, и она оказалась здесь, в этой душной, почти не проветриваемой палате. Хотя иногда бывало и по-другому: редкое проветривание затягивалось, и девочка чувствовала холод. Боль сковывала непослушные суставы, но она ничего не могла с этим поделать. Тонкое одеяльце, лежащее рядом, могло бы укрыть от холодного сквозняка, но и это было недоступно для неё.

Сначала Катя лежала в палате одна, позднее рядом с ней разместили ещё одного ребёнка, девчущку лет десяти. Новоприбывшая с любопытством разглядывала лежащую в кроватке девочку, но, увидев, что Катя никак не реагирует, потеряла к ней всякий интерес. Лежащая девочка была глухонемой и парализованной, с ней нельзя было поиграть или хотя бы просто поговорить. В свои полные семь лет она выглядела года на три, не больше. Иногда она что-то мычала в своей кроватке, но это было очень редко, в основном она просто смотрела в потолок.

Вечно куда-то спешащие и чем-то недовольные медсёстры и нянечки не очень-то жаловали больную девочку, каждое кормление сопровождалась неприятными высказываниями, а смена белья – и того хуже.

Однажды пожилая санитарка наводила порядок в палате. Она тихо бубнила себе под нос:

– Вот растение! Сама мучается и нас всех мучает. И мать её дура! Ну, собралась рожать второго, дай Бог, здорового, сдай ты эту в интернат, на кой она тебе?! Трава травой! Только ест и гадит! Наказание Господне!

Женщина всё не могла успокоится после смены памперсов.

– Как её зовут? – спросила новенькая девочка.

– Зовут? Да кто её зовёт-то? Да она и не слышит, поди?! Вроде Катя...

– А где её мама?

– В роддом легла, на сохранение, да, может, и родила уже! Она у нас месяца три уже лежит... Вот какая с неё радость? Горе одно! По мне, лучше бы таких сразу... чем

вот так, всю жизнь!.. Но мы – гуманное государство! Мы таких холим, лелеем!

Санитарка резко дёрнула девочку за руку, наскоро переодевая на ней рубашку.

– И есть-то она не может! И пить-то не может! И в туалет-то по-человечески приспособиться не может! Ну вот, опять надделала! Да что тебя совсем не кормить, что ли?! Не успела памперс сменить, опять подарочек! – Женщина неловко отодвинула девочку с грязной простыни. – А вот нет простыней! Вот и лежи теперь вся грязная! И за что мне это? И когда тебя мать твоя непутёвая заберёт? Поди, тоже недоделанная, раз такую родила!

– Почему вы с ней так? – робко, но с каким-то внезапным внутренним вызовом спросила девочка.

– Что я? Да она неживая... Она ничего не понимает! Она – дерево! Амёба! Не слышит, не чувствует, сказать ничего не может, да и не видит почти ничего!

Она отмахнулась рукой на замечание девочки и вышла из палаты, оставив Катю на мокрых и грязных простынях.

Время шло, а санитарка не возвращалась, видимо, забыла о смене белья, продолжая делать на ходу более важные, на её взгляд, дела.

Решив, что санитарка отсутствует достаточно долго, девочка немного помедлила, а затем уверенными движениями достала влажные салфетки и начала протирать худое и почти синее Катино тельце. Она не чувствовала отвращения, только досаду. Досаду на умных, мудрых, уже проживших целую жизнь взрослых. Взрослых, которые не могли понять главных, простых и таких понятных, по её мнению, вещей.

«Она же не виновата... и я могла родиться такой, и она сама...» – с яростью и внутренним возмущением думала девочка.

Затем она постелила в кроватку свою чистую простынь и бережно пододвинула Катю.

В коридоре прозвенел звонок вызова, медсестра прокричала её фамилию и позвала на выход.

«Наверное, мама пришла!» – пронеслось в голове девочки. На выходе из палаты она замешкалась и вернулась. Ещё раз проверила, хорошо ли укрыта Катя. Та лежала на боку, так, как её положили. Только сейчас девочка заметила огромные синие глаза, которые внимательно смотрели на неё. Из глаз большими бусинами накатились слёзы. Они, как две большие капли, застыли у век.

– Я сейчас! – прошептала девочка. – Не бойся! Не бойся их, Катя! Я тебя не дам в обиду! Скоро за тобой мама вернётся... и... всё будет хорошо!

Кажется, малышка её понимала, её лицо разгладилось и будто наполнилось внутренним светом.

В следующее мгновение девочка уже бежала по коридору, её пришли навестить родители. Захлопнув дверь отделения, она разрыдалась, крепко обняла мать и только повторяла без конца:

– Неправда! Мама, она живая! Её зовут Катя...

Аркашка

Он часто сидел на скамейке возле большого дерева, листва которого прятала от навязчивого яркого света. Он не любил яркий свет. Он был странным, каким-то нелепым и забитым. Он то был задумчив и грустен, то широко улыбался, разглядывая траву под своими ногами. Ни одна мелочь не ускользала от его глаз. Он видел маленьких жучков, копошащихся в пыли, цветные фантики, брошенные нерадивыми прохожими. Всё это вызывало в нём перемену настроения и шквал различных эмоций. Ему нравилось это место, эта лавочка, это большое раскидистое дерево. Здесь он чувствовал себя защищённым. Когда поблизости кто-то громко кричал, он вздрагивал, быстро вставал со своего места и уходил прочь.

Это был мужчина высокого роста, крепкого телосложения, с сильно заросшей темной бородой. Местные ребятишки дразнили его «Аркашка – дурашка», или просто «ду-

рак», а некоторые даже бросали в него камни. Родители делали им замечания, но это выглядело не очень искренне. Честно говоря, им и самим не очень-то нравился этот огромный мужик с замашками испуганного маленького ребёнка. Он жил в соседнем районе, но почти каждый день приходил в этот двор – посидеть на заветной лавочке. Поколение пожилых людей относилось к нему спокойно, они давно привыкли к нему и почти не обращали внимания. Молодые жильцы, подростки и дети были не столь терпеливы. Заботливые мамочки запрещали подходить к скамейке своим детям, когда там сидел Аркашка. И если в очередной раз он натыкался на хамство и грубость, то старался как можно быстрее уйти. Аркашка никогда не отвечал своим обидчикам, просто вставал и уходил.

Как-то весной во двор приехала большая автомашина, снабжённая всем необходимым, чтобы очистить двор от высокорослых деревьев, закрывающих окна от дневного света. Возле дома решено было расширить детскую площадку. Когда очередь дошла до Аркашкиного дерева, двор разделился на тех, кто был за спил, и тех, кто был против.

– А как же Аркашка? Он без дерева пропадёт! – посетовала старожила двора баба Маша.

– Вы себя слышите?! – перебила её молодая мамочка с коляской. – Какой Аркашка? При чём тут Аркашка? Да он вообще не с нашего двора! Зачем он вообще сюда ходит, этот сумасшедший?! Детей без присмотра на улицу страшно пускать!

– Да он мухи не обидит! – парировала баба Маша. – Понаехали, молодёжь! Да

Аркашка под этим деревом сидел, когда вас ещё в помине не было!

– Ну, значит, насиделся! Хватит! Кстати, его уже неделю нет! Слава Богу, дети хоть спокойно играют.

Кто-то из толпы сообщил о том, что Аркашка умер на прошлой неделе.

Со словами «Тогда пилите! Кому это дерево кроме него нужно?!» баба Маша пошла к своему подъезду.

Молодая мамочка немного смутилась, видимо, на ходу обдумывая ранее сказанные ею слова. Она окрикнула старушку:

– Вы за него заступались... Знали его?

– Знала... Тебе-то что? Пилят вон уже, дерево-то...

За спиной громко зарычала пила. Плышался шум падающих сучьев.

– Просто... интересно...

– Интересно ей... Дом его родителей тут стоял, прямо возле дерева, сгорел дом... А дерево осталось... Мать его из окна выбросила, а сама... не успела. Тут его под деревом и нашли замёрзшего, испуганного, зима была... холодно. А он в рубашонке тоненькой и в колготках.

– Как же он... один остался?

– Почему один? Отец его в ту ночь в ночную смену работал. Прибежал на пепелище... А Аркашка после всё сюда бегал, мать искал... Отец его ругал сначала, а потом лавочку эту сколотил, чтобы тот на земле голый под деревом не сидел. Отца-то его нет уже давно. Теперь вот и Аркашки нет...

Больше произведений автора по ссылке

www.proza.ru/avtor/volchetskayakr

Александр Коломийцев с. Зональное, Алтайский край

Четвёртая

В полночь село разбудила трескотня беспорядочных выстрелов. На околичной улице набухал красный купол. На пожелтевших берёзах вспыхивали листья и огненными мотыльками улетали ввысь. Ухнула бомба, из купола плеснуло пламенем.

– Война, что ли? – вскрикнула сонная баба, выглядывая в окошко. – Или бандюки воюют? Страх-то какой!

Надрывно голосили сирены пожарных машин, кричали люди, взхлёб лаяли собаки.

– Дура, – ответил сметливый муж. – Пожар! Шифер на крыше лопается. А то канистра или бензобак в машине рванул. Ну, теперь на неделю разговоров хватит.

– У кого горит? – спросила жена.
– А леший его знает.

В июньских сумерках на перрон сошла одинокая пассажирка. Миловидное лицо женщины выражало радость ожидания и осветилось улыбкой при виде подходившего к ней мужчины. Встретившись, мужчина

и женщина с минуту вглядывались друг в друга, затем одновременно поздоровались.

– Ну, здравствуйте, Григорий, вот и я! – произнесла пассажирка.

– Здравствуй, здравствуй, Лариса, добро пожаловать в нашу глухомань.

– Ну, уж прямо и глухомань, – хихикнула женщина.

Григорий подхватил сумку с наплечным ремнём, сопроводил гостью к тёмно-зелёной «Ниве». Село промелькнуло за четверть часа. Селение, вопреки опасениям, оказалось отнюдь не заброшенной деревенькой. Две центральные улицы составляли пяти- и трёхэтажные дома, здесь же находился огромный продуктовый магазин известной компании. О высоченных тополях Григорий проворчал:

– Беда с этими тополями. Скоро по всей деревне пух полетит, как ветер покрепче подымет – треск стоит, сучья ломаются, того и гляди, подарок на голову прилетит. Крышу на машине попортят, кто отвечать будет?

«Нива» остановилась у третьего дома от края последней улицы села. В соседнем дворе надрывалась от лая чёрная гладкошерстная собака. Пёс бросался на штакетник, просовывал морду под ворота.

– Заколебала эта псина, – отдельно произнёс Григорий, показал жестом: – И там, и там поля. Ну, идём в мою лачугу, ещё насмотришься, – и открыл калитку.

«Лачуга» представляла собой избу из бруса под металлочерепицей, по площади, как прикинула Лариса, пятикратно превосходившей её однушку.

Вечером долго пили чай с прозрачным майским мёдом, разговаривали о жизни. «Романтического вечера со свечами» Григорий не предлагал.

«Я человек простой, – объявил приятный мужчина ещё на перроне. – Кого церемониться? Давай сразу на ты».

Лариса не возражала. Действительно, к чему церемонии?

Оставшись одна в своей комнате, погасила свет, отдернула штору, открыла окно. Пахнуло свежестью, незнакомым, не городским запахом. Двор заливал загадочный

свет блестящего диска, зацепившегося за верхушку берёзы.

Лариса вздохнула полной грудью, прикрыла ставню. Кем окажется настоящий, а не виртуальный Григорий?

С Григорием Лариса познакомилась в Интернете. Мужчина с внушающим доверие лицом – открытым взглядом, без модной небритости и игривой улыбочки, писал о желании познакомиться со спокойной, трудолюбивой женщиной для серьёзных отношений. Лариса откликнулась. В переписке Григорий сообщил: живёт в деревне, имеет дом на земле, сад, небольшое хозяйство, пасеку. В третьем письме приглашал приехать, пожить, сколько понравится. Лариса загорелась идеей. Одиночество опостылело, хотелось полноценной жизни, но, пусть даже не принц на белом коне, а просто надёжный спутник не встречался, а случайными связями Лариса брезговала. О деревне женщина имела приятные представления. В далёком детстве несколько раз ездила с родителями в деревню к бабушке-дедушке. Лес, речка, в которой можно купаться до посинения, клубника со сметаной... Смущало одно обстоятельство. Григорий сам развеял его. Не дождавшись ответа на приглашение, приятный мужчина заверил – никаких домогательств с его стороны не последует, всё зависит от неё. Понравятся друг другу – сойдутся, нет – мирно расстанутся. В переписке Григорий обходился без обычной в подобных случаях мужской волюнки об одиночестве, убожестве жизни, лишённой женского тепла. Такие излияния Лариса считала лицемерными, направленными на «охмурение» простодушных дур.

Утром хозяин показал гостье двор, сад, хозяйство. Бодрые поросята, при виде людей с задорным хрюканьем задравшие кверху пяточки, привели в умиление. Специальной палкой Лариса поскребла розовые спинки. В этот день гостья готовила еду, полола грядки с огородной мелочью, на следующий трудилась вовсю – варила хлёбово и кормила поросят, поливала огород, стирала бельё. А ещё через день Григорий

на неделю уехал на пасеку. Лариса закрутилась между прожорливыми поросятами и огородом, на который вели наступление сорняки.

Ретивый хозяин отбыл по делам, гостья, управившись с утренними делами, отправилась в магазин, заодно людей посмотреть, себя показать. На обочине стояли две женщины, о чём-то беседовали. Желая познакомиться, Лариса поздоровалась с приветливой улыбкой. На приветствие женщины ответили, но смотрели странно, с подвохом с ехидными усмешечками. Лариса как о камень споткнулась, согнав с лица улыбку, прошла мимо. Не хотят общаться, не надо, она и не думала навязываться. Насмешливые взгляды и ухмылки отнесла к обычному отношению «деревенских» к «городским», а невзначай услышанное слово «четвёртая» – к разговору, к ней не относящемуся.

Как горожанку, соприкасающуюся с деревенской жизнью в далёком детстве, её многое удивляло. Она, конечно, не думала, что булки растут на деревьях, но, оказывается, у клубники надо постоянно обрезать усы, помидоры пасынковать, подвязывать и подкармливать. Она никак не могла разобраться с навозом, перегноем и наёмом. От ухода за клубникой ныла спина, затекали ноги, от одуряющего запаха срезанной помидорной ботвы подташнивало.

Перед глазами плыли чёрные круги, лёгкая поначалу мотыга с широким лезвием стала неподъёмной, помутневшую голову не спасала широкая белая панاما. Лариса почувствовала – ещё пара минут и она рухнет в горячую ботву. Солнечный жар пропитал всё: землю, картофельные стебли, берёзы за оградой, тень которых не давала прохлады, саму тятку. Бросив отяжелевшее орудие труда в траву, женщина доплелась до бочек, умылась тёплой водой, открыла кран, дождалась холодной струи, напилась из висевшей на столбике кружки, вошла под навес. Время подошло к обеду. Бодрый голос вывел из дремотного забытья:

– Чего сидим, кого ждём?

Одурев от жары, Лариса не слышала, как подъехала «Нива», скрипнула калитка. Гри-

горий покачался на носках, вышел из-под навеса, обследовал хозяйство.

– А ты чё, у свиней не чистила? Я ж уезжал, наказывал – кажен день чистить. Поросята в такой вони расти перестанут.

Лариса, чувствуя вину и перед Григорием, и перед подрастающими поросятами, пробормотала, оправдываясь:

– Да я картошкой занялась, вчера дотемна тяпала.

Григорий фыркнул насмешливо:

– Да сколько её той картошки! Пяти соток не наберётся, небось, всю неделю огребала?

– Да нет, сегодня третий день.

– Ну, ничего себе – пять соток три дня огребать. Да тебя наши бабы засмеют, как услышат. Завтра в поле поедем, там – двенадцать соток, за день надо огрести. Думаешь, неделю ездить станем? Я где столь бензина напасусь? Ладно, пожрать-то у тебя есть чего?

На следующий день после картофельных трудов Лариса устроила себе выходной. Тело ломило, ноги подкашивались. Григорий утром отправился на суточное дежурство, никто не покрикивал, не задавал новую работу. Вечером спохватилась – огород не полит, из летника вода сочилась унылой струйкой, умиравшей при переключении шланга с земли в бочку. Внутренний голос: «Да тебе-то что за дело?», – привёл в смущение. Кое-как набрала три ведра для еды, поросётам, остатками обмыла измученное жарой тело. Шланг оставила в бочке, в двенадцать раздалось слабое журчание. Из опасения, что бочка переполнится и вода зальёт двор, перекрыла вентиль, решив заняться поливом утром. В семь вода ещё текла, но к девяти иссякла, набралось полторы бочки. Вернувшийся с дежурства Григорий, выразил свои чувства матерком сквозь зубы. Чувствуя себя виноватой, Лариса промолчала, убедив себя, что брань относилась не к ней.

– Можно на земле в ведра набирать и в бочки переливать. Ты иди, отдыхай, я сама наберу, – несмело предложила Лариса.

Григорий фыркнул, принёс из сарая насос, подключил к летнику. Вода из шланга била струёй. Заполнив все ёмкости, включая летний душ и баню, Григорий подключил разбрызгиватель над огородной мелочью.

– Какой ты умелец, Гриша, – восхитилась Лариса, – настоящий волшебник!

Гриша самодовольно усмехнулся.

В седьмом часу металлическая калитка содрогнулась от грубых ударов. Проведать умельца пришли сосед из дома напротив и соседка слева.

– Ты что творишь, Гришка! – с места в карьер начал сосед.

– Ты почто без воды нас оставил? – вторила соседка.

– Чё орёте, я вам чё, перекрыл воду?

– Дурачком не прикидывайся, насос выключи!

Лариса варила хлёбово поросётам, поневоле прислушалась, но возбуждённые голоса перекрывал захлёбывающийся лай Черныша. Хозяин цыкнул на пса, тот, гремя цепью, полез в будку. Лариса услышала окончание спора.

– Управы на тебя никакой нету, чего хотишь, то и творишь! – с надрывом говорила соседка.

– Напора никакого, ты всю воду из труб вытянул, у нас теперь сутки воды не будет. Ой, Гришка, дождёшься, ой, дождёшься! – пригрозил сосед.

Последнее слово осталось за Григорием.

– Я вам воду не перекрывал, и что её у вас нету, я не виноват. Идите в МОКХ жалуйтесь. Пусть скважину чистят, насос меняют, новую скважину бурят, ваши проблемы, а ко мне не суйтесь.

Григорий рывком закрыл калитку, Лариса несмело предложила:

– Может, выключить насос, если люди без воды...

– Обойдутся, полью огород и выключу.

В следующие дни Лариса старалась не выходить на улицу, было неудобно встречаться с соседями. Радостное, приподнятое настроение, владевшее ею по приезде, постепенно улетучивалось. Григорий уже

покрикивал на неё как на нерадивую работницу.

– Ты зачем кормила этого балбеса? – вопрос прозвучал с неожиданной злостью. – Я ему деньги плачу, о жратве уговора не было.

«Этот балбес» колот за оградой берёзовые чурки. Лариса из жалости несколько раз подкармливала худого, мокрого от пота парня. При расчёте от стыда Лариса ушла в дом.

– А почему мало? – возмутился парень.

– А ты как хотел? – презрительно ответил Григорий. – Моя баба тебя за бесплатно, что ли, кормила? Всё на халяву хотите? Получил и катись!

Расчёт происходил за оградой, во дворе скалил зубы Черныш. Обсчитанный дровикол обложил матом скрывшегося за калиткой хозяина и ушёл.

«Моя баба» резануло слух и зародило неприязнь к Григорию.

После очередного выезда на пасеку Григорий вернулся рано утром, загнал машину во двор, торопливо закрыл ворота. Из багажника вытащил мокрый мешок, повернувшись к Ларисе, стоявшей на крыльце и кутавшейся на утренней прохладе в платок, раздражённо прикрикнул:

– Чего стоишь статуем? Ведро неси.

Лариса, недоумевая и ругая себя за неосторожность, сбегала за ведром. Мешок густо пах рыбой. Григорий быстро – он всё делал быстро и ловко – накидал полное ведро больших серебристых рыб, названия которых Лариса не знала, дал новое указание:

– Почисть и нажарь, и в темпе, в темпе давай.

Он и сам всё делал «в темпе» – закинул мешок обратно в багажник, бросил туда же принесённый из сарая безмен и укатил.

Вернулся Григорий через час довольненьхонький, тщательно вымыл руки, умылся под краном.

– Я ещё рыбу не дочистила, – сообщила смущённая Лариса. – Ты полежи, отдохни, я пережарю, что начистила, и позавтракаем.

Не прошло и полчаса, ворота сотряслись от мощных ударов. Испуганная Лариса побежала к калитке, Григорий повелительно остановил её и вышел на улицу сам. Тотчас же оттуда донеслась матерная брань:

– Ты каво творишь, Гришка, ты зачем мои сети выбрал?

Грубый презрительный голос Григория отвечал:

– Ты кого буровишь, каки таки сети? Знать ничо не знаю, я на пасеке был, только вернулся. Вон, у бабы спроси.

Невидимый мужчина не унимался, поносил Григория последними словами. Лариса стояла посреди двора, прикусив губу, боясь выглянуть наружу. Последнее слово осталось за Григорием.

– Катись отсюда, пока не накостылял или собаку не спустил.

Во двор Григорий вернулся, довольно посмеиваясь.

– Ты что, правда чьи-то сети обокрал? – спросила Лариса.

– Пускай vareжку не разевает. Поставил сети, так сиди, сторожи. Жарёха-то готова? Давай поедим, жрать хочу, живот подвело.

Лариса поставила на стол приготовленное блюдо. Самой ворованная рыба в горло не лезла. Сославшись на диету, выпила стакан молока.

Постепенно, не сразу, отношение Григория к госте менялось. Он уже покрикивал, в разговоре не стеснялся грубых выражений. Лариса, как могла, оправдывала придуманного друга. Как утопающий хватается за первую попавшуюся соломинку, так и она цеплялась за любое объяснение, лишь бы не сказать себе правду. Правда означала крах надеждам, в этом трудно признаваться.

«Такова деревенская жизнь, – думалось Ларисе. – Работа, работа, работа до отупения, поневоле озвереешь».

«Романтический ужин» с вытекающими из него последствиями всё-таки состоялся. Григорий натопил баню, накрыл стол. Войдя в дом, Лариса неожиданно увидела скатерть-самобранку, украшенную графинчиком. Напиток приняла за коньяк, но пер-

вая рюмка заставила ловить воздух широко открытым ртом. Григорий пояснил:

– Очищенный самогон на кедровых орешках.

Напарившись в бане до изнеможения, после трёх рюмок «домашнего коньяка» Лариса расслабилась, хотелось ласки, нежности.

После «романтического ужина» Григорий ложился в постель к госте ежевечерне. Приходил по-хозяйски, уверенно, не считаясь ни с чьими желаниями, как бы ощутив необходимость удовлетворить потребность, даже не доставив себе труда умыться, почистить зубы. Исполнив желание, молча уходил. Никаких любовных игр, смущавших воображение, не было и в помине.

В августе Лариса думала: «Кто я, крепостная, батрачка и наложница в одном лице? С любовницей так себя не ведут. И зачем мне это надо?»

Человеком Григорий был целеустремлённым, с жёстким, твёрдым характером. Фигура соответствовала характеру – жилистая, сухощавая. Верхнюю губу украшали блёклого пшеничного цвета усы, серые глаза смотрели прямо, пронизывающе, под их взглядом человек мягкий, слабохарактерный непременно ёжился и чувствовал себя в чём-то виноватым. Как человек сельский, не избалованный услугами мастеров, сервисов Григорий многое умел и по плотницкому делу, и по электромонтажному, мог и на опору залезть, и стекло для окна вырезать, и краны-вентили поставить или отремонтировать. Крепким, выносливым мужиком был Григорий, ко всякому делу приспособленный, горе-беду водкой не заливающий. Но если из таких людей наделать гвоздей, плохие бы получились гвозди, кривые, для общественных построек не годные. Несоознанной идеей жизни (всевозможные рефлексии, мысли о смысле бытия даже рядом с головой не пролетали) был девиз – «Моё не трожь, пасть порву». Всякое дело у Григория спорилось, а вот личная жизнь не заладилась. Первая жена умерла неизвестно от чего, вторая – сбежала. Дом без женской руки – не дом, помещение для жилья.

Жену Григорию хотелось иметь не только работающую, его воле беспрекословно послушную, но и из себя справную, ядрёную, но не бесформенную тумбочку с отвисшим животом и прочими частями плоти. Подходящих особ на роль хозяйки дома в селе не нашлось. Одинокие женщины, достойные внимания, шарахались от ухажёра как чёрт от ладана. Те же, с которыми эпизодически всё-таки сходилась, от совместной жизни отказывались наотрез. Абы какая Григория не прельщала. Выручил Интернет. Попрыгав один-другой вечерок в «Моём мире», «Одноклассниках», одинокий мужчина завязал знакомства. Первая «заочница», прожив лето, осенью убралась восвояси. Поразмыслив, хитрый мужичок принял практическое решение. Урона от посещения простодушных баб он не несёт, наоборот, имеет прямую выгоду в виде дармовой рабочей силы, работы летом в хозяйстве хватало, одному не управиться. У двух следующих соискательниц женского счастья осенью романтические мечты рассеивались. Лариса была четвёртой.

В начале сентября Григорий подменился на работе и на неделю уехал на пасеку – качать мёд. Отношения к этому времени стали натянутыми. Лариса кое-что уяснила, но посчитала неудобным уезжать в такой момент и осталась ещё на полмесяца.

Прощаясь, Григорий насмешливо спросил:

– Что, не понравилась сельская жизнь? Такие вы, городские, вам бы только телевизор смотреть целыми днями да на балконе чай распивать. Да и вообще, с виду баба как баба, а с мужиком – будто снулая рыба.

Вслух таких слов Лариса никогда не говорила, но уж очень хотелось пожёлтче отплатить за «снулую рыбу».

– Чтобы женщину расшевелить, Гриша, ласка нужна, а у тебя никакого понятия. Как бык на корову – поскорей заскочить да побыстрей засунуть.

Сидя в вагоне, Лариса рассмеялась – вот же жмотина, хоть бы баночку мёда налил, ведь весь сарай флягами забит.

2018 г.

Наталья Мосина

г. Москва

Мой розарий

(История подлинная)

Двадцать лет – это замечательный возраст, особенно когда за окном звенит месяц май, цветёт сирень, распутившаяся молодая листва шепчет о любви и поют птицы. Так хочется красивого торжества – встретиться со всеми близкими за одним столом, задуть свечи на праздничном торте, поразить всех прекрасным новым нарядом, принять подарки, потанцевать под любимую музыку...

Но это всё мечты... Свой юбилей я встретила в больнице. Он выпал на выходной. Решила не грустить, потому что это день, когда я появилась на свет.

«Соседки по палате неплохие. Буду общаться с ними, если никто не придёт. Главное – не быть одной!» – решила я.

День выдался тёплым и солнечным. После завтрака я прогуливалась по коридору.

– Наташа! – послышался знакомый голос.

Навстречу шла моя лучшая подруга Лена с огромным букетом алых роз, что очень порадовало. Мы обнялись, сели на банкетку и начали общаться. Тем временем в коридоре показалась ещё одна девушка – и тоже с розами, на этот раз – бордовыми. Она подошла к нам.

– Наташенька, поздравляю!

– Люд, привет! Как я вам рада! Ведь уже была готова к тому, что никто не придёт. Ни стола, ни музыки... Больница!

– Наташка, ну что ты говоришь, мы помним об этом дне, где бы ты ни была!

Время шло, и гости – тоже. Хотя их скорее можно было назвать посетителями. В коридоре вокруг меня образовался целый круг празднично настроенных людей. Все приносили букеты роз разного цвета и размеров. Как же я была рада всех видеть! У нас не было угощений и даже чая, никто не говорил тосты, но все дарили розы и подарки и желали самого замечательного.

Иногда я заходила в палату, чтобы положить на тумбочку очередной букет.

– Наташ, возьми банку и поставь в неё цветы. Ещё можно отрезать верх у бутылок из-под воды и использовать как вазочки, – предложила соседка.

– Спасибо! Потом так и сделаю.

Вечером я, очень уставшая, но счастливая, бережно перебирала цветы, стараясь не уколоться о шипы, и пребывала в недоумении: розовые, чайные, бордовые, белые – все эти прекрасные розы уже не помещались на тумбочке. Тогда я придумала из оставшихся цветов поставить по букету на тумбочку каждой соседке! Они согласились. Я разносила всем чудесные цветы, и мы радовались вместе. А когда все букеты были расставлены и оказалось, что цветы ещё остались, я поставила их на общий стол под реплики: «Ну, Наташа, сколько же у тебя друзей!», «У нас тут просто цветник, целый розарий!»

На следующий день я проснулась рано и не сразу поняла, где нахожусь... Освещённые солнцем, кругом благоухали разноцветные розы, даря радость не только мне. Рассматривая каждый бутончик, я думала: «Более счастливого и необычного дня рождения, чем накануне, ещё не было. У меня есть друзья, которые не бросили в этот день, навестили меня и сделали его таким незабываемым. Спасибо!!!»

Мне было двадцать. Я находилась в праздничной палате. За окном звенел месяц май, и всё ещё было впереди...

Александр Онищенко

г. Сертолово,
Ленинградская обл.

Рыбалка

Рассказ-быль

Наконец-то прозвенел долгожданный звонок, вслед за которым шумно распахнулись двери учебных классов, и большой школьный коридор наполнился весёлыми, радостными и звонкими детскими голосами. Ученики младших классов, обгоняя учителей, с гиканьем вприпрыжку высказывались из дверей, чем-то напоминая голубиную стаю, стремительно взмывшую ввысь. Ученики старших классов выходили из классов более спокойно и сдержанно, пропуская учителей впереди себя.

Среди участников этого шумного карнавала были и четыре ничем не выделяющихся подростка из 7 «Б» – Валерка, Сашка, Колька и Витька. Они дружили с пятого класса и имели много общих увлечений. Все любили играть в футбол, в волейбол, участвовали в соревнованиях на лыжах, а ещё обожали рыбалку. Но при этом им не было чуждым всё присущее их ровесникам. Так, иногда с одноклассниками во время

большой перемены или после окончания всех уроков, по дороге домой они могли зайти в ближайшую лесопосадку, чтобы выкурить по ментоловой сигарете «Ангара». Но это было не более чем подростковое любопытство и попытка примерить на себя что-то ещё неизвестное из жизни взрослых. Попрощавшись, друзья расходились по домам в разные стороны. Лишь Колька и Сашка уходили вместе, так как жили недалеко друг от друга. Кроме того, их сближало общее увлечение физическими упражнениями с тяжестями.

Далеко не в каждой семье родители могли позволить покупку спортивного инвентаря для детей, да и выбор его был очень ограничен. Поэтому друзья самостоятельно соорудили у себя во дворах турники, а спортивные секции им заменяли повседневные хлопоты в домашнем хозяйстве. Так, ежедневно для домашних нужд требовалось принести из колодца 10–15 вёдер воды, а колодец был один на всю улицу и находился примерно в 150 метрах от дома. Но друзьям этого казалось мало, они пошли в ремонтное депо на железной дороге и выпросили у рабочих металлические противовесы, которые использовались для перевода стрелок железнодорожных путей. Каждый противовес весил 20 кг и представлял достойную замену двухпудовой гире, которой в кино с лёгкостью жонглировал их любимый борец Поддубный. Ребята научились подбрасывать «гирю», вращая её перед собой, ловить и вновь подбрасывать. Так что им было чем похвастать перед своими ровесниками. Теперь они ежедневно делали физическую зарядку во дворе. Даже морозной и снежной зимой они, выскочив во двор в одних трусах, деревянной лопатой расчищали снег на площадке у крыльца и, поиграв с «гирей», обязательно обтирались хрустящим снегом до пояса, а затем шли завтракать и бежали в школу.

Поводом для нового визита Сашки в депо послужили имеющиеся у него подростковые лыжи, крепившиеся к валенкам. Однажды, участвуя в лыжной гонке на оче-

редных соревнованиях в школьной команде, он увидел, что соперники из локомотивного депо бежали на лыжах с креплениями на ботинках. Тогда он твёрдо решил: добьётся, что и у него будут такие же лыжи! Он поделился своими планами с друзьями, но те выразили сомнение в успехе задуманного. На следующий день, прямо после уроков, из школы он пошёл в депо один. Войдя в ремонтное помещение, он спросил у рабочих: где найти тренера по лыжам? Вначале все мужики рассмеялись, но потом один из них подошёл к нему и проводил в большую комнату. За столом сидел мужчина, а в углу у окна стояли те самые желанные лыжи с ботинками! Рядом на полках лежали лыжные костюмы и прочий спортивный инвентарь.

«Кто ты такой? Откуда и зачем пришёл?» – спросил он Сашку. Сашка рассказал, что он ученик из 7 «Б» класса железнодорожной школы, увлекается спортом и очень любит лыжи, а затем добавил, что очень хотел бы на соревнованиях по лыжам выступать за локомотивное депо, если ему дадут вот такие же лыжи, как стоят в углу.

Мужчина внимательно посмотрел на него, а затем попросил показать дневник и тетрадки. Сашка достал дневник с тетрадками и протянул их мужчине. Тот стал молча их листать, а Сашка, выдержав непродолжительную паузу, стал заверять: «Дядя, я хорошо бегаю на лыжах, правда, вы увидите!» Мужчина переписал из дневника его фамилию, домашний адрес, спросил место работы родителей и затем сказал: «Ну что ж, вижу, ты настойчивый. Это хорошее качество для спортсмена и для мужчины!» Затем он подобрал Сашке по росту лыжи, по размеру новые лыжные ботинки, тёплый спортивный костюм и вручил ему всё это со словами: «Давай, старайся, не подводи меня. Тренируйся, заходи ко мне раз в неделю. Скажу, когда соревнования». Сашка стоял, смотрел на дяденьку счастливыми глазами и не мог поверить, что всё так удачно получилось. А мужчина добавил: «Да в школе учись ещё лучше! Ну, пока!» – и пожал ему руку.

Сашка был на седьмом небе от счастья. Если бы в этот момент кто-нибудь из друзей видел его! Теперь в свободное от учёбы и домашних дел время – вечерами и по выходным – он бегал по лесопосадкам и окраинам вокруг небольшого городка на лыжах.

В последнее время жизнь большинства ребят наполнилась впечатлениями и эмоциями от новой кинокартины, которую показывали в домах культуры и клубах. Это был фильм «Три мушкетёра». Многие подростки бурно обсуждали его героев, мушкетёров, и пытались им подражать – каждый в силу своих способностей. Валерка, Сашка, Колька и Витька тоже решили скрепить свою дружбу клятвой, как герои фильма. И вот момент истины настал. Каждый выбрал для себя имя мушкетёра. После окончания уроков друзья по проторённой дорожке дошли до любимого места в лесопосадке. Сложили портфели, пакеты со сменной обувью в одну кучу и встали в круг. Начался ритуал посвящения в мушкетёры. Каждый произнёс своё новое имя. Валерка стал д'Артаньяном, Сашка – Атосом, Витька – Портосом, Колька – Арамисом. После этого все соединили и сжали свои руки в единый кулак, а затем поклялись быть верными своей дружбе, своему слову, никогда не предавать и не бросать друг друга в беде, быть всегда честными друг перед другом. Вообще дружбе ребят давно завидовали одноклассники и ровесники. Их так и стали звать – мушкетёры! А каждый из них шариковой ручкой написал на левой руке своё мушкетёрское имя – Атос, Портос, Арамис и д'Артаньян.

Приближались летние каникулы, и друзья стали обдумывать, как ярко, памятно и незабываемо отметить это событие. Из большого количества предложений выбрали одно – в начале июня, когда уже будет тепло, вчетвером поехать на рыбалку на реку Урал. От их небольшого городка до реки надо было ехать на машине 80–90 километров. Но никого из друзей это не смущало, наоборот, заводило, давало новую и новую порцию адреналина. Подготовку к

поездке решили начать с проверки и ремонта рыбацких снастей – удочек, донок-закидушек, Витькиного бредня и Сашкиной самодельной сети. Готовили всё, что у кого имелось. Для этого нужно было время. Единогласно было решено никого из прочих друзей, знакомых и родственников в эту затею не посвящать! За счёт школьных завтраков сэкономились деньги для поездки. После окончания учебного года ещё две недели шла тщательная подготовка к рыбалке, было продумано всё до мелочей. Накануне поездки каждый сказал своим родителям, что едет с друзьями на рыбалку с ночёвкой. Утром следующего дня в назначенное время вся группа собралась на окраине городка у дороги. Убедившись, что никто ничего не забыл, стали голосовать водителям проезжающих машин, благо, их было много.

И вот уже облако пыли на обочине грунтовой дороги обозначило место остановки грузовика. Когда подростки подбежали к машине, водитель спросил: «Вам куда, пацаны?» Атос ответил вопросом: «Дядь, а до Урала довезёшь?» Стрельнув окурком сигареты в кювет, водитель поправил кепку и, подмигнув, ответил: «Залезай в кузов, рыбаки, да держитесь там хорошо!» Через мгновение ребята вместе с сумками и удочками были в кузове. Все четверо с удивлением наблюдали, как сзади машины поднимается и застилает горизонт шлейф дорожной пыли. Встречный ветер трепал чубы на головах ребят.

Примерно через час, подъезжая к одной из деревень на окраине леса, машина съехала с дороги на обочину и остановилась. Облако пыли, моментально догнав машину, окутало её и по инерции помчалось вперёд по дороге. Подождав, пока пыль уляжется, водитель выглянул из кабины и громко сказал: «Приехали, рыбаки! Вылезайте, да удочки свои не забудьте забрать!» Передавая друг другу вещи и удочки, ребята спрыгнули из кузова на землю. Водитель ещё раз переспросил: «Ничего не забыли? Всё взяли?» Услышав утвердительный ответ, добавил: «Вон там, на окраине деревни, за лесом ваш

Урал. Удачной вам рыбалки!» Все дружно поблагодарили водителя и двинулись в указанном им направлении. А машина помчалась дальше, поднимая бесконечное облако серой дорожной пыли. Пройдя по зелёному полю, путешественники углубились в лес и вскоре вдали за лесом увидели широкую пойму реки Урал. Перед ними была огромная, бескрайняя река, величественно и бесшумно катившая свои могучие воды, ярко поблёскивая золотистыми бликами в солнечных лучах. Возле самого берега слегка покачивались камышинки и прибрежные кустарники, торчащие из воды. Иногда из воды выпрыгивали рыбёшки и, шустро переворачиваясь в воздухе, тут же ныряли обратно, оставляя на поверхности воды множество расходящихся в разные стороны кругов. Ребята остановились на пологом берегу реки Урал и, растерявшись от увиденной сказочной красоты, молчали. Вдруг откуда-то сверху прямо в воду плюхнулась чайка и, резко взмахнув крыльями, вновь поднялась в воздух, но уже с рыбкой в когтях. Колька, почесав за ухом, произнёс: «Ну что, рыба, кажется, есть! Надо разворачивать снасти!»

В следующее мгновение все шумно и дружно подбежали к реке, побросали сумки, одежду, рыбацкие снасти на горячий песок и, разнося брызги, с разбега бросились в совершенно прозрачную золотистую тёплую воду, смывая с себя дорожную пыль. Накупавшись вдоволь и распугав спящую рыбу, шумная компания затихла на горячем песке, прогретом жаркими лучами июньского солнца. «Мушкетёры» не могли поверить в своё счастье! На голубом бездонном небе не было ни единого облачка. Даже сквозь закрытые веки проникали лучи солнца, и перед глазами расходились радужные золотистые круги, как в сказке. Разморённые жарким солнцем после долгой дороги, ребята задремали.

Когда жара начала понемногу спадать, они проснулись. Долгая пыльная дорога, лес, степь, чистый воздух, река, палящее солнце и лёгкая усталость напомнили всем,

что неплохо бы чего-нибудь поесть. Они развели костёр недалеко от воды и на треноге из наломанных веток подвесили ведро с чистой речной водой для чая. Пока вода грелась на костре, шло бурное обсуждение вопроса о местонахождении ночлега, а также где лучше на ночь установить донки-закидушки, сеть и удочки. Когда предварительное обсуждение было закончено, закипела вода в ведре. Витька вынул из сумки старенькую клеёнку и расстелил её на песке. Каждый достал привезённые съестные припасы. Бросив в кружки по шепотке чайной заварки, все наполнили их кипятком из ведра и приступили к обеду.

Во время обеда каждый высказывал своё впечатление от всего увиденного. Всем очень понравилось начало рыбалки, и было единогласно решено побыть здесь два-три дня, в зависимости от погоды и улова. В то время мобильных телефонов ни у кого не было, поэтому и сообщить родителям о своём намерении продлить время рыбалки, а также где они находятся и как идут дела, естественно, никто не мог, да никто об этом и не думал. Ведь здесь было так здорово! Затем был обсуждён вопрос ночного дежурства и порядок отдыха, а также как и где оборудовать место для ночлега. Кто-то вспомнил рекомендации путешественников, которые вычитал из книжек. Сначала выбирается само место. Затем верхний слой песка разгребается в стороны и в небольшом углублении разводится костёр. А когда костёр прогорит, надо убрать красные раскалённые угли и место кострища присыпать песком. Сверху положить ветки кустарников, деревьев, а затем фуфайку, и можно ложиться спать. Тепло и сухо будет всю ночь! Укрытие сверху можно делать или не делать, в зависимости от желания и погоды. Все согласились с предложением. Закончив обедать, ребята уложили свои вещи в одно место и начали готовить снасти. Червей для наживки привезли с собой, чтобы не искать их в лесу. У каждого была литровая стеклянная банка с чернозёмом и червями. Крышки на банках были с от-

верстиями, чтобы наживка не пострадала в дороге.

Рыбалка началась очень удачно. Как только крючок с наживкой уходил под воду, поплавок, не задерживаясь в горизонтальном положении на её поверхности, тоже нырял вниз. Начался активный вечерний клёв после изнуряющей жары. Это очень подняло всем настроение. Через пару часов рыбалку закончили и приступили к приготовлению ужина и заготовке дров для костра. Все, кроме Валерки, собрались и уже делили улов на кучки для ухи и для наживок на донки-закидушки на ночь. Вскоре вернулся Валерка. В одной руке он держал садок с трепещущей рыбой, в другой – удочки. Положив удочки в сторону, он показал двух сазанов средних размеров, несколько крупных окуней и с десяток мелких ёршиков. Затем вынул из сумки и отложил в сторону пакет с лягушками. Все молча посмотрели сначала на пакет, а потом на него, ожидая пояснения. Видя непонимание, он засмеялся и сказал: «Это наживка на донки-закидушки для сомов, они обожают лягушек!»

Вскоре свежий ветерок уже разносил запах ухи, которая кипела в ведре над костром. Начало смеркаться. Поэтому каждый, пока варилась уха, быстро насаживал наживки на крючки и устанавливал удилица на деревянные рогатки, прочно закрепляя их в грунт. Также были установлены донки с живцами из мелкой рыбы. Валерка установил четыре донки в заводях, где рос камыш, предварительно надев на тройные крючки по лягушке. Сашка с Колькой установили сеть недалеко от шумного переката в заводи. И вот все опять собрались у костра, чтобы поужинать. Ночная темень плотной шторой закрыла всё вокруг, на небе начали загораться звёзды, сначала еле заметно, а потом всё ярче и ярче. А мелкие красные искры, отрываясь от яркого алого пламени костра, резко поднимались вверх и уносили с собой аромат ухи. Вокруг костра сидели четыре подростка, замороженные этой картиной.

Так, за разговорами, все дружно поужинали, и, хотя в ведре ещё оставалась уха, все уже были сыты. Несмотря на ранее установленный график дежурства и отдыха, спать никто не хотел. Всё это было очень здорово – костёр, дымок, яркий месяц, а вокруг него по всему небу несметное количество мерцающих звёзд. Иногда из прибрежных камышей доносилось поквакивание лягушек, а из леса – крик совы. Каждый чувствовал себя путешественником в каком-то сказочном, воистину таинственном, волшебном мире, который открыла перед ними её величество ночь! Это состояние можно только ощущать и очень сложно передать словами. Вот так всю ночь, до самого рассвета, друзья провели у костра, не смыкая глаз. Кто-то даже вспомнил Робинзона Крузо на необитаемом острове. Ближе к утру откуда-то выплыл молочный туман и плотно укрыл всю пойму Урала. Костёр понемногу прогорал. Месяц ушёл куда-то за горизонт, а звёзды на небе, словно свечки, стали поочередно гаснуть. Отчего оно становилось каким-то тёмно-серым, непроницаемым и уже не таким сказочным, как ночью.

И вот уже осторожно раздались первые утренние птичьи голоса. Земля и песок за ночь остыли, а вода в реке напоминала парное молоко. Ночь медленно таяла в первых слабых лучах восходящего солнца. Вскоре звёзд совсем не осталось на небе. Утро окрасило небо нежным светло-голубым цветом. Все с нетерпением ждали результатов ночной рыбалки. Колька и Сашка прошли по воде к сети, стоящей в реке у переката. Они освободили её от закреплённых грузил и приподняли. В ней билась три сазана с выпученными от испуга глазами и две щуки, не очень крупные, с хищно раскрытыми челюстями, сплошь утыканными огромным количеством зубов, тонких и острых, словно иголки. Вытащив сетку на берег, подальше от воды, все пошли проверять свои донки-закидушки. Самый большой улов был опять у Валерки. Лягушки действительно оказались очень привлекательной наживкой для сомов. Так, на двух донках были не очень крупные сомы, на

одной – довольно крупная щука, на четвёртой донке лягушку утащили. Все были в восторге, рыбалка удалась! Бессонной ночи как и не было. Крупный улов упаковали в садок и опустили в воду, хорошо закрепив на берегу. В бездонном нежно-голубом небе не было ни единого облачка. Солнце поднималось всё выше и выше. Его лучи становились всё теплее и теплее. Воздух понемногу прогрелся, и вскоре туман полностью исчез. Витька предложил всем позавтракать, тем более что в ведре ещё были остатки вечерней ухи. Есть не хотелось, но без особого аппетита ребята всё же немного поели. Результат бессонной ночи не заставил себя долго ждать. Колька и Валерка, натянув рубашки над воткнутыми в песок ветками, спрятались в тени и через несколько секунд уснули. Сашка и Витька сели у воды с удочками, надев на головы кепки, которые сделали из привезённых с собой газет. Воздух становился теплее, и пространство вокруг наполнили слепни. Рыба не клевала, тоже спрятавшись на глубине от палящего солнца среди корней прибрежных камышей. Солнце разгоралось всё сильнее и сильнее, и его лучи пронзали всё насквозь. Раскалённый воздух невозможно было вдыхать, во рту и в горле всё моментально пересыхало! Дождавшись, пока Колька с Валеркой проснутся, Сашка и Витька передали им вахту дежурства и, укрывшись в тени небольшого кустарника, сразу же уснули. Весь день прошёл в томительном ожидании вечера. Рыба не клевала, слепни не давали никому покоя.

Во второй половине дня солнце, видимо устав от жары, начало потихоньку опускаться и, двигаясь к горизонту, понемногу остывать. Вскоре проснулись Витька и Сашка. Чтобы всем хоть как-то прийти в себя, было решено искупаться. С криками «Один за всех и все за одного!» «мушкетёры» с разбега бросились в воду. Её верхний слой был очень тёплым, поэтому они стали нырять поглубже, поочередно мелькая пятками над водой. Вдоволь накупавшись и немного придя в себя, они выскочили из воды и, пробежав по горячему песку, укрылись

в тени на окраине леса. А когда обсохли, то вернулись к своим сумкам. Достав часть съестных запасов, перекусили всухомятку, так как разводить костёр никто не хотел. Вместо чая дружно допили скромные остатки рыбного бульона от ухи. Когда жара спала совсем, все взяли рыбацкие принадлежности и снова пошли на свои места к воде. Рыбины в реке, видимо, тоже дожидавшиеся прохлады, теперь просыпались и, лениво шевеля плавниками и хвостами, нехотя начинали двигаться и искать своими ещё сонными глазами, что бы съесть. А увидев большого жирного червяка, какая-нибудь из них резкими движениями мгновенно оказывалась рядом и заглатывала его вместе с крючком широко раскрытым ртом, ещё не представляя, что последует за этим. Ребята на берегу только и ждали этого момента. Так начинался послеобеденный, а точнее, вечерний клёв. Вечером на костре опять варились душистая уха. Поужинав вкусным и сытным блюдом, все четверо вновь расставили на ночь свои снасти и стали готовиться к ночлегу в соответствии с графиком, который утвердили ещё накануне. К тому же за ужином решили, что завтра утром после завтрака пора отправляться домой, ведь родители наверняка начали волноваться. Поэтому надо было до утра всем отдохнуть,

ночью порыбачить, чтобы вернуться домой не с пустыми руками.

Утром, с первыми лучами солнца, когда молочный туман лежал на реке, вся команда «мушкетёров» была уже на ногах. Первым делом проверили ночные снасти. Улов оказался ещё более солидным, чем вчера. В одну только сеть попало шесть крупных щук и пять жирных линей. А Валерке на лягушек попались три сома и одна щука. И всё это не считая ночного улова в перерывах между сном. Удача была с «мушкетёрами». Обсыпав рыбу солью и переложив осокой, ребята перекусили остатками еды и стали укладывать вещи в дорогу. Убрав мусор после себя и засыпав место бывшего кострища песком, ребята несколько минут молча простояли на месте привала, так гостеприимно их принявшего и подарившего множество приятных минут и, конечно же, удачную рыбалку. Затем все взяли свои сумки с вещами и уловом, удочки и пошли известной им тропой к дороге. Попутные машины не заставили долго их ждать. И вот друзья уже на обочине дороги, проходящей по окраине их родного городка. «Мушкетёры» крепко пожали друг другу руки и пошли по домам в разные стороны. Только Сашка и Колька, как всегда, пошли одной дорогой. Тоже домой. А дома их всех ждали родные...

23 декабря 2017 г.

Татьяна Никифорова

Зеркало судьбы

Купить книгу
knigi-market.ru/zerkalo-sudby-tatyana-nikiforova

ААУ
 Союз писателей
 Группы «Новые имена»
 Издательство

Николай Погребняк

г. Новокузнецк

Смерть, смерть...

(Отрывок из повести
«Смерть Иерусалима»)

Пятые сутки, как Ханна, истощённая от болезни и многомесячного недоедания, которое в последние два месяца уже переступило ту условную черту, что разделяет недоедание и голодание, не могла даже глотать: не было сил на такое, вроде совсем естественное, рефлекторное сокращение мышц. Тело её исхудало так, что, казалось, почти не осталось уже ни одной мышцы, не то что жиринки. Кожа умирающей была хотя и сухой, но нежно-светлой, лишь лицо и кисти рук были воспалены, обожжены злым для голодного человека солнцем.

Её родные, сын Йосеф и его жена Олдама, тоже измождённые от голода и лишь великим усилием воли заставляющие себя по утрам вставать и спускаться к южным городским стенам, ибо там ещё давали горсть, – да, всего лишь горсточку ячменя в день тем, кто ломал близстоящие дома и воздвигал баррикады и завалы у ворот и на внутренних улицах Верхнего города. Так вот, родные её в последние два дня даже не переворачивали её с бока на бок: не было смысла беспокоиться о пролежнях и связанных с ними страданиях почти бесчувственного тела. Они молчаливо ждали, ког-

да умрёт их мать, – что они могли для неё сделать? Когда были дома, намочив в воде тряпочку, прикрывали рот умирающей: теперь уже не закрывавшийся рот с тонкими шкурками губ. Они пробовали вливать немножко воды, но это приводило лишь к хрипению захлёбывавшегося человека. И язык... язык почернел, стал страшным, как иссохшаяся пропавшая морковка.

Говорят, что без воды человек живёт не более трёх-пяти суток; шли уже пятые: пожилая женщина умирала и никак не могла умереть. Она уже не приходила в себя; лишь изредка приподнимала веки затуманенных, ничего не видящих больших глаз. Эти глаза с впавшими глазницами, кажущимися полупрозрачными из-за своей голубизны на фоне почерневшего лба и щёк, – их никогда не забудешь.

«Скорее бы! – такая мысль поселилась, нет, даже не в умах, а в сердцах её родных. – Господи! Доколе мучиться нашей матери? Яви Свою милость и сострадание!»

Под утро она умерла. Умерла тихо, не издав ни звука, ни даже тяжкого вздоха: просто перестала дышать, и остановилось сердце. Сердце... в последние дни оно очень явно чувствовалось под рукой через каркас из рёбер и кожи, – и вот оно остановилось. Умерла, и никто не читал над ней «Живущий под покровом Всевышнего...», никто не зажигал свеч, никто не рвал на себе одежду, даже плакать никто не плакал. Была не печаль, не давящая сердце скорбь, а лишь тихая грусть по ушедшей. Так бывает, когда, восходя в беззвучную темноту смерти, человек уносит с собой бесплотный эфир прощения и любви, а не жажду отмщения, не ненависть к врагам своим. Лишь прощение, и любовь, и... мир. Воистину, умерщвляемые мечом счастливее умерщвляемых голодом, потому что последние истаивают от недостатка пищи.

Йосеф и Олдама обмотали тело покойной куском холста из грубоотканого хлопка и обвязали верёвкой.

Пока они, обессиленные, час за часом по очереди долбят крепкую почву с пластинами песчаника, роя небольшую могилу в

глубине двора своего дома, я немного расскажу вам о героях повествования.

Йосеф был плотником, поэтому и жили они на улице строителей у Ворот Долины, на окраине, далеко от источника питьевой воды – пруда Силоам. Йосеф был среднего роста, худощавый, суетный в движениях и сумбурный в речи. Привлекли же моё внимание к нему и выделили среди многих страдальцев Святого города его глаза. Помните, как был описан Псалмопевец Давид: «Он был белокур, с красивыми глазами и приятным лицом». Хотя Йосеф был совсем не белокур, а, наоборот, черноволос и даже с пролысиной на макушке, но мудрые глаза его с добрым прищуром сразу же вызывали уважение и доверие.

Жена его, Олдама, была среднего роста, стройна и рыжеволоса. Типично еврейские черты совсем не исказили красоты лица, а подчёркивали её самобытность. При кажущейся хрупкости она была довольно сильной и выносливой женщиной: раньше, в мирное время, она легко приносила тяжёлый кувшин с водой от Гихона.

Война и голод наложили глубокий след не только на манеры поведения, но и на их внешность. Йосеф исхудал, даже стал казаться меньше ростом, весь ссутулился, сгорбился. Обтянутый загоревшей дочерна кожей череп с сильно поредевшими волосёнками. Взгляд его болезненно помутнел; и только когда заговоришь с ним, когда вступишь, то у самых кончиков глаз увидишь знакомые морщинки, и в глубине проступает прежняя теплота взгляда. Олдама от голода и испытаний внешне кажется меньше пострадавшей, только сильно похудела, обгорели лицо и руки, да кожа стала сухой, в трещинках и коросточках. Движения её стали медленными, экономными, но, несмотря на это, каким-то чудом сохранилась в ней прежняя стройность.

К полудню выдолбили могилу и похоронили мать, обложив камнями и присыпав землёй. А вечером, собравшись с силами, втащили на могилу небольшой камень и побелили его известью, а затем растопленным асфальтом написали имя: «Ханна».

Не имея возможности похоронить мать в семейном склепе по иудейским обычаям, они сделали максимально возможное для неё в той обстановке, что царил в осаждённом городе Иерусалиме. В Великом Городе Иерусалиме, который некогда был князем над областями, а сейчас источал к небесам неимоверный смрад от трупов, стремительно разлагавшихся в летнюю жару под руинами разрушенных и сгоревших домов. Смрад от трупов, валявшихся на улицах, пока не наступит ночь, когда можно будет подтащить их и выбросить за крепостные стены, не боясь самому быть убитым стрелой. Такая очистка улиц производилась иудеями еженощно, кроме суббот.

Ни в день похорон своей матери, ни на следующий день Йосеф и Олдама не пошли на строительство баррикад: не было ни сил, ни желания, ни смысла, так как сосед сказал, что на работе им уже не дают даже прежней скудной горсти ячменя – ничего не дают.

Надеясь купить хоть какую еду, Олдама вышла на базарную площадь у Ворот Долины. Раньше там был далеко не главный и не самый большой рынок в Иерусалиме, но был настоящий Восточный базар.

Был!

Сейчас распласталась пыльным одеялом захламлённая, почти безлюдная площадь. С одной стороны возвышались глиняные кучи – всё, что осталось от некогда красавившихся каменных домов. В глубине полукругом охватила башни городских ворот новая стена, подпираемая баррикадой: её построили уже во время осады.

Был торговый день, но рыночная площадь молчала. Восточный базар молчал...

Даже глухонемые не молчат, они мычат, смеются, стонут, гневаются, наконец.

...То, что было некогда Восточным базаром, погрузилось в кому.

С одного края два человека сидели, как наседки на яйцах, на своём драгоценном товаре. Они продавали куски голубинового помета. Да-да, на базаре продавали голубиный помет в пищу людям. И цена его в умирающем от голода городе доходила до пяти

сиклей¹ серебра за четверть каба². Напротив «наседок» несколько личностей явно бандитского вида предлагали ослиную голову за восемьдесят сиклей серебра. Хотя я очень сомневаюсь, что, покажи какой покупатель такую большую сумму, он благополучно донесёт до дома не то что ослиную, но и свою голову.

Олдама нерешительно приблизилась к одному из продавцов помёта, в руке потела финикийская серебряная монета – та самая, которую Йосеф подарил ей на свадьбе, как залог своей любви. Последняя ценная вещь, что у них осталась. Но священник, обойдя её, стал шёпотом торговаться с продавцом и вскоре купил четвертушку каба за свою священническую одежду из белого тонкого льна. Он уже выходил на прилегающую улочку, прижимая к груди грязный пакет с помётом, как из-за дома выскочили четыре подростка лет двенадцати и сбоку, с вывертом ударив его сучковатой палкой по лицу, подхватили покупку и тут же исчезли.

В последние месяцы, помимо обстрелов и голода, Иерусалим постигла ещё одна беда: он безмерно страдал от бандитов. Взрослые банды действовали в основном по ночам и грабили дома знатных горожан. Грабители, как правило, убивали своих жертв, убивали безжалостно и цинично. Подразделения царской охраны патрулировали эти кварталы и довольно успешно боролись с бандитами, поймав которых тут же беспощадно карали на месте. Но истинной напастью города стали банды беспризорных подростков. Они днём и ночью везде шныряли и воровали всё, что могли украсть. Внаглую отбирали всё, что могли отобрать. Никакие мольбы, никакие угрозы о каре Господней не действовали на них – только сила. Только силу они уважали, больше того – боготворили её.

Если до определённой меры страдания сплачивают людей, пробуждают в них

лучшее, то, переступив некую грань мук, люди немеют сердцами: их уже не трогает вид близкой смерти, не волнует страдание ближнего («сам так же страдаю»). Но горе тому человеку, который во время испытаний в страдании своём переступит черту жестокости. В мирный час ещё есть время и возможность вернуться назад, к человеческому образу. В тяжкую же военную пору ни времени, ни возможности уже нет. Преступивший черту жестокости стремительно падает от зла к ещё большему злу, от убийства к ещё более изуверскому убийству – помешательство от жестокости: кровь пьянит.

Иерусалим пребывал уже в последней стадии страданий.

И жара!

Воистину, скорее бы конец. Хоть какой, но конец!

Олдаму пошатнуло, как будто в одно мгновение перед ней пролетело и увиденное преступление, и вся глубина понимания того, что сейчас происходит в её городе. Сначала за трудами о хлебе насущном, потом в период безвольной прострации её разум был зашоренным, глаза видели, но ничего не замечали, а тут прозрение! Оглушённая, ослеплённая откровением пережитого и познанного ужаса, её психика не выдержала. Это было как возвращение чувствительности раненому телу – чувствительности, а с ней вместе и боли... вплоть до болевого шока.

Она схватилась руками за голову и осела на землю. Сами по себе текли слёзы, а голова болела... бо-ле-ла! Боль перешла в охватившее обручем онемение головы, потом всего лица, и... чёрная пустота.

Только на другой день Йосеф смог найти свою жену. Взял её за руку, и Олдама покорно посеменила за ним. Дома он отмыл её и уложил на ложе из старого халата, постеленного на высоком деревянном полу, вернее, на настиле шириной метра два, перекрывавшем заднюю часть комнаты. Под полом хранился плотницкий инструмент, глиняные горшки да кувшин с водой.

¹ Пять сиклей равняются 70 г. (Здесь и далее – прим. автора.)

² Четверть каба – примерно половина литра.

В том году необычайно рано, на месяц раньше срока, стали плодоносить смоковницы. И у них во дворе полусломанное, обглоданное дерево даровало четыре прекрасных, почти спелых плода. На другой день ещё, потом ещё. Каждое утро Йосеф осматривал невысокое деревце и, к своему удивлению, всегда что-то находил, хотя вчера, кажется, собрал всё, что было пригодным в пищу. Забота о жене и это чудо-дерево вывели его из безвольного оцепенения, дали волю к жизни, а с ней и силы.

Олдама «вернулась», но только глазами своими, только ушами своими. Она узнавала мужа и радовалась, видя его, но стоило взгляду уйти в сторону, тут же забывала о его существовании. Ни своего дома, ни покойную Ханну она не помнила. Имени своего тоже не помнила, но радостно отзывалась, услышав мужа, позвавшего её: «Олдама!»

Иногда она уходила из дома и бродила по улицам Иерусалима. Юродивая утешала плачущих, изредка пророчествовала вопрошавшим её. Пророчества сбывались, и люди не обижали женщину.

Йосеф находил свою жену и, взяв за руку, уводил домой. Но в один день, когда он хотел, как обычно, забрать её, она выдернула руку и, упёршись, ответила, что ей нужно стоять здесь. Ни уговоры, ни сила не действовали, юродивая вырывалась и бежала на свой перекрёсток.

Неожиданно из ворот царского дворца выступила группа всадников в дорогом боевом облачении. Олдама тенью бросилась к одному из них (стражники даже мечи не успели выхватить) и, ухватившись за ногу, стала громко пророчествовать скороговоркой: «Именем Всевышнего! За то, что ты закрыл глаза на страдания и смерть народа своего, ты увидишь страдания и смерть сыновей своих и будешь слепым до скончания дней своих!»

Охранник хотел убить дерзкую женщину, но царь – а это был царь Седекия – вспомнив слова Господни от пророка Иереми: «Из-за тебя город этот будет сожжён огнём!» – мертвенно побледнел, выдернул

ногу и с криком «Она сумасшедшая, оставь её!» рванул вперёд.

В тот день царь Иудейский осмотрел Навозные Ворота и велел сделать в завале проход для выхода конников наружу. Но так, чтобы жители Иерусалима ничего не узнали.

Неистово жарил месяц сиван¹. Иудеи прекратили свои ночные вылазки, даже лучники вяло, изредка постреливали в копошащихся у таранов или с боевыми кликами и гиканьем скакавших вдоль городских стен халдеев. Запершись, завалив свои ворота, Могучий Город Иерусалим взирал, как враги в поте лица пробивают его крепкую стену. Неодолимо стоял Иерусалим, несмотря на то, что жители его, утратив надежду, уже проиграли эту войну – в сердцах своих проиграли.

Иудеи проиграли, но халдеи ещё не выиграли: Могучий Иерусалим своими стенами встал на их пути к победе.

Мерно били два тарана, от их мощных ударов гул стоял над городом. То тут, то там горели развалины домов. Пристрелявшись на местности, вавилонские инженеры изменили тактику: теперь они били тяжёлыми снарядами (округлыми камнями) из нескольких катапулт по одной намеченной цели – как правило, близко стоящим большим каменным домам в определённом квартале города, пока существенно не повреждали их, а затем забрасывали сотнями, тысячами горшков с горячей зажигательной смесью. Обломки деревянной обшивки, полов, перекрытий мгновенно превращались в мощнейшие костры, быстро переходящие в огромный единый пожар целого квартала. Воздух, извне втягивающийся в этот пожар, закручивался в огромный вихрь огня: в пламени горело всё, даже металл плавился. Через несколько часов от квартала не оставалось ничего, только обгорелая груда обломков. Тушить такие вихри огня под обстрелом катапулт (а они теперь

¹ Май – июнь.

вели обстрел россыпью камней для поражения людей) не было никакой возможности. Оставалось только плакать от бессилия и отчаяния.

Особенно эффективной такая тактика показала себя на горе Сион, в Верхнем городе, который был наиболее густо заселён. Большая же прочность строений храма и царского дворца пока что сохраняла их от разрушения в халдейском адском пламени. Пока сохраняла.

Осаждавшие особо не торопились. Они знали о своём мощном союзнике – голоде, который «пожирал» уже не только мирных жителей, но и воинов иудейских. Поэтому халдеи спокойно, деловито били пролом в северной стене, которая хотя и была высокой, но ещё не была соединена в единый монолит с внутренней стеной, храмовой. А наскоро возведённую баррикаду, пробив кладку, недолго было и растащить.

Луна завершила свой цикл, наступил месяц таммуз¹. Вскоре под ударами большой стенобитной машины, которую сами евреи окрестили «Победителем», стена поддалась. Камни, утратив монолитность, расселись и стали входить внутрь, теперь уже сами круша всё позади себя. Расшатав и расширив пролом, вавилонские воины напряжённо ожидали приказа к штурму города.

Царь Седекия, как мог, организовал отпор. На внутренней храмовой стене он поставил лучников и пращников. Тяжеловооружённых копьеносцев из царской охраны во главе с их командирами он выстроил в боевые порядки справа и слева от пролома. Ополченцы поднимали на стену горшки со смолой, камни – всё, что можно будет потом бросать в халдеев. Вместе с ополченцами трудился и плотник Йосеф. Он делал поворотную машину, чтобы сбрасывать камни на врагов, когда они подступят к стене, благо, снарядов, намётанных вавилонскими катапультами, было предостаточно.

В тяжёлых трудах, в напряжённом ожидании закончился день восьмого таммуза. Штурма не последовало. Прошла бессонная ночь. Штурма всё не было. Девятого числа вавилонская армия построилась в боевые порядки, затрубили трубы, и... на приготовившихся к отражению атаки иудеев обрушился ураган камней из десятков катапульта. Камни в мгновение смели тех, кто был на стенах, убивали и калечили тысячи столпившихся на небольшом участке людей. Но ещё больше погибло, когда еврейские солдаты бросились обезумевшей толпой по узкому проходу между стен прочь от пролома. Люди бежали по телам упавших, спотыкались и сами падали, и уже их растаптывали напивавшие сзади. А сверху били и били камни...

Ай да Нергал-шар-уцур! Великий полководец! Ещё не начав боя, он уже выиграл его. По заслугам в Вавилоне его будут торжественно величать Покорителем Иерусалима.

Ночью девятого таммуза (18 июля 586 года до н. э.), на одиннадцатом году царствования Седекии, в Иерусалим ворвались халдеи. Отряд за отрядом воины, каждый с мечом, палицей, секирой или коротким копьём в одной руке и горящим факелом в другой, устремились по улицам города, неистово убивая всех на пути и сжигая дома вместе с запрятавшимися там людьми. Лишь с наступлением утра немного спал угар убийства. Халдеи занялись грабежом: они методично обыскивали уцелевшие дома и развалины, обшаривали трупы в поисках золота и серебра. Но даже привычные ко всему кочевники зачастую не выдерживали и выскакивали прочь, когда, вторгшись в дом за добычей, находили там целые семейства умерших от голода.

Умершие от голода... Халдеи даже представить не могли, насколько страшен в реальности их «союзник» по осаде – голодомор.

С наступлением дня в войска поступил приказ всех оставшихся в живых жителей Иерусалима согнать на внешний двор храмовой площади.

¹ Июнь – июль.

В ту страшную ночь Олдама сладко спала. Спасаясь от духоты, она вышла из дома и легла под смоковницей. Под мирный шелест листьев, окружённая ароматом цветов и плодов, она свернулась калачиком и крепко-крепко уснула. И не слышала, как ночью входили в дом захватчики, как, подняв доски, искали под полом поживу и, выругавшись, ушли восвояси, второпях бросив открытой входную дверь и даже забыв поджечь дом. Другие, видя двери настежь, понимали, что здесь уже всё обшарено.

Утром, проснувшись и увидев над собой смокву, Олдама засмеялась, съела её и стала ходить по двору, по дому как ни в чём не бывало. Смутно она чего-то или кого-то ждала, но так и не вспомнила Йосефа, мужа своего.

Когда, ища пленников, во двор вошёл халдей, она весело засмеялась, подбежала и поклонилась ему. Видя, что женщина сумасшедшая, воин, было, задумался: тащить ли такую в храм? Но раз приказ был: «всех», сгрёб её за шиворот и поволок.

А Седекия, царь Иудейский! Где он был в ту страшную ночь? Почему его нигде не видно?

Как только халдеи с севера ворвались в город, он вместе с сыновьями своими, князьями своими и телохранителями сел на коней и удрал с противоположной стороны через заранее подготовленный пролом в Навозных Воротах. Легко сбив малочисленный Вавилонский пост, они всю ночь скакали в сторону Иерихона. Только на следующий день их настигли кочевники-ахламеи – опытные следопыты и неутомимые всадники.

Увидев, что преследующие уже близко, царские охранники, оставив своего царя,

бросились врассыпную: спасайся, кто как может!

И взяли Седекию, и скрутили его, и привели к Навуходоносору, царю Вавилонскому, в город Ривлу в земле Емаф, где он произнёс суд над ним. И заколол царь Вавилонский сыновей Седекии перед его глазами, и всех вельмож заколол перед его глазами, и первосвященника Садока, сына Сареи, заколол перед его глазами. Потом царь Вавилонский повелел выколоть Седекии глаза и заковать в оковы, чтобы отвести его в Вавилон.

Так сбылись все слова Божии о царе Иудейском.

Иерусалимских пленников Навузардан, начальник телохранителей царя Навуходоносора, отправил в Вавилон, но некоторых бедняков-евреев оставил на родине ухаживать за виноградниками и полями. Вместе с ними осталась и Олдама. Со временем разум её просветлел, она вспомнила про мужа своего и про свекровь свою, но не могла вспомнить, почему их теперь нет, ибо период осады Иерусалима навсегда остался для неё под покровом забвения. Если же кто заговаривал о бывшей войне, внимание её уходило и рассеивалось.

Спустя месяц, по приказу царя Вавилонского, Навузардан начал планомерное разрушение и сожжение храма, и царского дворца, и крепостных стен, и всего Иерусалима. Вскоре от города – гордости иудеев – остались лишь кучи сгоревшего мусора, глины и камней.

Город умер, нечестивый город Иерусалим умер.

Умер, чтобы возродиться вновь, но уже городом Спасителя, Мессии Израиля – святым городом Иерусалимом.

Страницы автора
lit.lib.ru/p/pogrebnyak_n_i
www.proza.ru/avtor/pogrebnyakn
soyuz-pisatelei.ru/index/8-9769

Нина Романова г. Калгари, Канада

Снежный ангел

Марише Ч.

Маринка разбежалась с горки и, резко затормозив, покатила вниз по накатанному склону. В конце спуска подошвы зацепились за ледяные коросты, и девчонка, засмеявшись, рухнула на бок в сугроб. Над головой деревья тянули вверх голые ветки, небо было такое синее, что девочка зажмурилась со всей силы, а потом распахнула глаза ещё шире, проверяя, не показалось ли. Но синева не пропала, а оказалась ещё глубже из-за белоснежного облака, простыней для просушки растянувшегося между торчащими ветками.

Марина стянула варежку, протянула руку к сугробу, зачерпнула пригоршню и лизнула, словно мороженку. Безвкусным холодом щипнуло язык, и девочка затолкала остатки быстро таящего снега в рот. Зубы заломило, но она, наморщив нос, улыбнулась.

Жорик сидел на скамейке и, глядя на без причины веселящуюся девчонку, хмурился.

«Больная», – раздражённо думал он.

День не задался. Мать с утра начала вымещать на нём своё недовольство, зацепившись за тройку по физике. Отец, которому по большому счёту было всё равно,

вдруг подключился, словно накрытый этой несущейся под гору сорванной матерью лавиной. Но она, только раздосадованная неожиданной поддержкой, уже не могла остановиться и разгонялась до тех пор, пока Жорка не вылетел из квартиры, хлопнув от обиды дверью. Жорик чувствовал, что дело не в нём, что дома давно уже никто не шутил и не смеялся, что каждый день начинался и заканчивался скандалами, но не понимал почему. Мать выскочила за ним и, словно бросив вслед холодным снегом за воротник, прокричала: «Похлопай мне ещё! Можешь домой не появляться!» Выйдя из подъезда на улицу, Жора остановился и, глянув на окна, увидел прячущуюся за шторой сестру. Он знал, что оставшееся раздражение выльется на Ириску, но хотелось просто уйти и не думать ни о ком...

Маринка лежала в сугробе, раскинув руки, и не шевелилась. Сначала Жора косо поглядывал в её сторону, уверенный, что вот сейчас она усядется и опять глупо засмеётся, но та продолжала лежать.

– Эй, ты живая? – крикнул ей мальчик, но вопрос, прозвенев в холодном воздухе, остался без ответа.

Подождав ещё немного, Жора поднялся и подошёл к девочке поближе. Она лежала неподвижно, и было непонятно, дышит ли. Мальчик попытался разглядеть лицо, но оно отчего-то показалось странным, словно в нём чего-то не доставало.

– Эй, ты чего разлеглась? – снова спросил Жорка, не заметив, как рука её незаметно шевельнулась и проказница, зачерпнув пригоршню, бросила снежок в его сторону.

Жора отпрянул, но снежные колючки, ужалив, уже потекли по лицу.

– Да у тебя с головой вообще нормально? – крикнул он, но странная девочка лишь рассмеялась в ответ, села и снова потянулась за снегом.

Жорик отскочил подальше и пригрозил:

– Я тебе покажу, как кидаться!

Маринка поднялась на ноги и побежала от него в сторону, хохоча. Шапка зацепилась за ветку дерева и осталась висеть, обнажив совершенно лысую голову. Жорик

растерялся, но девочка, ничуть не смутившись, шагнула назад, ухватилась за бамбошку и дёрнула её так, что с верхних веток посыпался снег. С макушки заструились талые капли, но Маринке, похоже, всё было нипочём.

– Ты чего, неформалка, что ли? – неуверенно спросил Жора, сам толком не зная, как называются эти, с бритыми головами.

– Ага, – кивнула она в ответ и, прищурившись, посмотрела на мальчика. – Я сегодня химию закончила, – добавила она и варежкой поправила напозающую на глаза шапку.

– А остальные что? Завалила? – спросил с сочувствием Жорик.

Маринка внимательно посмотрела на него и, улыбаясь, оглянулась, высматривая, где был нетронутый ещё снег. Осторожно, боясь нарушить эту хрупкую белизну наста, девочка села. Аккуратно откинувшись на спину, она раскинула руки и ноги в стороны и начала перемещать их, оставляя чёткие отпечатки.

Закончив задуманное, Маринка села и, не касаясь снега руками, поднялась. Жорик бросил взгляд на оставленные на снегу следы.

– Бабочка, что ли? – спросил он с насмешкой.

– Снежный ангел, – серьёзно ответила Марина.

Что-то особенное прозвучало в её голосе и заставило Жорку не рассмеяться, а внимательно взглянуть на девочку. Он, сам не понимая отчего, отметил, что лицо её было каким-то удивительно чистым. Глаза сначала показались подслеповатыми, вероятно, оттого, что она опять щурилась в лучах яркого зимнего солнца. Но вот Маринка снова поправила шапку, и он понял, чего не хватало на её лице и отчего оно поражало чистотой: у девчонки не было ни бровей, ни ресниц! Глаза блестели, внимательно глядя на Жорку, словно изучая и его лицо тоже.

Он вдруг страшно испугался чего-то необъяснимого и, шагнув назад, оступился и упал в снег. Маринка подскочила, толкнула его и крикнула:

– Осторожно руками, чтоб не сломать крылья!

Жорка замер, прислушиваясь к обступившему со всех сторон снегу, и неожиданно для себя, раскинув руки, начал прижимать их, перемещая сверху вниз. Через минуту они стояли рядом, рассматривая его ангела.

– Для начала ничего, – говорила Маринка, – в следующий раз нужно сесть аккуратно, тогда получится ровней.

Мальчику вдруг стало жарко, он стянул перчатку и зачерпнул снег. Девочка, глядя на него, тоже сняла варежку и сунула руку в сугроб.

– У тебя что? – неожиданно для себя спросил Жора.

– Рак крови, – ответила Маринка и, вытащив из снега покрасневшую от холода руку, протянула её вверх.

Жора с удивлением рассматривал тонкие, просвечивающие на солнце пальцы. Вдруг он испугался, что вот сейчас увидит, как по сосудам её течёт это страшное слово «рак», и отвёл взгляд. Но девочка казалась совершенно спокойной. Она надела варежку и потянула Жорика за рукав.

– Пошли.

Он послушно последовал за ней. Молча они прошли через парк, вдоль и поперёк расчерченный тропинками, миновали ледяную горку, с которой весело каталась малышня, обогнули пустые качели и остановились перед старыми воротами с облупившейся штукатуркой. Золотыми, горящими на солнце буквами на табличке было написано «Детский онкологический центр».

Они постояли молча.

– Я – Жора, – сказал мальчик.

– А я – Марина, – ответила девочка.

– Ты поправишься? – спросил он, потому что в этот момент ничего не было важнее её ответа.

– Мама надеется, что да, – ответила Марина.

– А ты? – спросил Жорик.

Девочка не ответила.

– Тебе страшно? – немного погодя, снова спросил он.

– Нет, – ответила она, – умирать не страшно. Страшно, если умрёт счастье.

Жорик посмотрел на неё, не понимая. Девочка глядела ему в глаза.

– У тебя какое счастье? – спросила она.

– Не знаю, – ответил, подумав, он.

– Это очень просто, – Марина снова потянула его за рукав, – подумай, чего ты хочешь сейчас больше всего на свете.

Они шли обратно по направлению к скамейке, у которой встретились.

– Хочу уехать от всех и никого не видеть, – вспомнив про утреннюю ссору, ответил Жора.

– А теперь, – продолжала девочка, – представь, что это случилось, и прислушайся к себе очень-очень внимательно. – Она остановилась и посмотрела на него. – Слышишь?

– Чего? – не понял он.

– Слышишь, как от счастья бьётся сердце? Чувствуешь его?

– Не-а, – признался Жорик.

Она снова потянула его за собой.

– Значит, это не твоё счастье. Нужно как следует подумать, чего ты хочешь, и если это действительно твоё, ты обязательно почувствуешь.

Они подошли к скамейке, Маринка забралась на сиденье и примостилась на спинке, как на жёрдочке. Жорик сел рядом.

– А у тебя какое счастье? – спросил он.

– У меня счастье мамино, – ответила девочка.

– То есть как? – не понял Жорик.

– Больше всего я хочу, чтоб мама была счастлива. Поэтому страшно, если счастье умрёт вместе со мной.

– Как же она будет счастлива, если ты умрёшь? – удивился мальчик.

– Ты знаешь, у нас в отделении уже многие умерли. Но там, куда все уходят, тоже можно быть счастливым.

– Это как это? – Жора с сомнением посмотрел на девочку.

– Пока мама будет счастлива, моё счастье будет жить, а значит, и я буду счастлива, не важно где. Мне нужно, чтоб мама это обязательно поняла!

– Странная ты, – помолчав, сказал Жора, но спорить не стал, а подумал, что она, наверное, лучше об этом знает.

Они ещё посидели, и Марина, соскочив со скамейки, сказала:

– Ну, мне пора.

– Ты часто сюда приходишь? – спросил Жора.

– Я сегодня выписываюсь. Следующая химия через три месяца.

– Я буду тебя здесь ждать... – Жорик подсчитал в уме... – в конце марта, как раз в каникулы.

Не ответив, Маринка побежала назад к воротам. Остановившись на полпути, она обернулась и, поправив наголозающую на глаза шапку, помахала Жорику рукой.

Закрыв глаза, мальчик посидел, чувствуя, как пригревает солнце. Спустившись со скамейки, он пошёл вдоль тропинки, высматривая, где остался ещё нетронутый снег. Гладкий наст переливался блёстками около дерева, и Жорик, перебравшись через сугроб, осторожно, как велела Маринка, сел в снег, аккуратно откинувшись на спину и вытянул в стороны руки. Солнце слепило, и он закрыл глаза.

Прислушиваясь к тишине вокруг, он вдруг почувствовал, что больше всего на свете хочет, как пару лет назад, оказаться на даче с родителями и Ириской, чтоб все они вместе смеялись, папа учил Жорика колоть дрова, мама целовала папу в ухо, отчего он, смеясь, кричал: «Ты меня оглушила!», а Ириска выдувала мыльные пузыри...

Жора отчётливо услышал, как громко стукнуло сердце, в животе что-то больно, но сладко сжалось и растеклось теплом по всему телу.

Осторожно поднявшись, он оглянулся на снег. Рядом остановился проходящий мимо старик.

– Бабочка? – улыбнулся он.

– Снежный ангел, – поправил его Жора.

Страница автора

soyuz-pisatelei.ru/ninaromanova

Сергей Тулупов

г. Череповец,
Вологодская обл.

Важнее рыбалки

Эта маленькая история случилась ближе к середине шестидесятых годов прошлого века, когда нашего народного премьера ещё не сняли, но количество анекдотов о нём достигло критической массы, а у большинства советских граждан были и более важные дела...

В конце июля наша семья в составе родителей, меня и младшей сестрёнки отправилась на недельный отдых в деревню Ямы, недалеко от Чудского озера. Около часа тряски на маленьком автобусе, и на остановке нас встретил друг семьи и крёстный, то ли мой, то ли сестры, а может, и общий, Владимир Кузьмич с дородной супругой. С неподдельной радостью крёстный поздоровался с каждым по отдельности. Отпускная шуточки и комплименты дамам и детям, крёстный наскоро успел переговорить с отцом о чём-то сокровенном.

– Сегодня можно... завтра рыбалка... иначе клёва не будет... и встречу надо отметить, – доносились только обрывки фраз.

Затем мужчины, преодолевая показное сопротивление женщин, получили деньги и ценные указания о покупке нужных

продуктов и отправились в сельский магазинчик. Через час все были в сборе и расположились за большим круглым столом, уставленным бутылками и деревенскими закусками. Отец с крёстным уже получили выговор от жён за то, что спиртного взяли лишку, а необходимых продуктов в сумке не оказалось. Однако Владимир Кузьмич, потирая руки в предвкушении праздника, быстро уладил мелкое недоразумение, осыпав женщин очередной порцией комплиментов и убедительно пообещав в следующий раз водку вообще не брать.

Кроме нас за столом разместились пожилая пара – владельцы дома, и семья постояльцев, мужчина и женщина возраста наших родителей с парнишкой постарше меня на пару лет, уже не мальчиком, но ещё не юношей. Ритуальное застолье, предшествующее рыбалке, с разговорами о ней началось...

Наскоро перекусив и запив пряники лимонадом, от которого подросток, как старший, отказался, мы с сестрёнкой выбрались на улицу. Парнишка вышел следом – присмотреть за нами. Оказалось, он уже опытный рыбовод, а в деревне отдыхал второй сезон подряд. На его рыбацком счету с десяток щук, есть лещи и подлещики, полсотни окуней, а выловленную плотву и ершей он вообще не считал.

Для меня с Наташкой прямо сказочный герой. Ответить было нечем: на моём скромном счету была совместная с отцом ночная ловля раков в четыре года, красно-синий палец от клешней улова и оглушительный рёв на всю округу. В придачу пара мелких карасей, пойманных в семь лет в поселковой речке, больше похожей на канаву, когда-то вырытую мелиораторами. Правда, удовольствие от поедания зажаренных на сковородке карасей с красно-коричневой корочкой получил неслыханное, но о таких достижениях решил промолчать.

За рассказами опытного рыбака время пролетело незаметно, детей позвали в дом. Застолье завершилось, вечерний моцион состоял в изучении деревенского туалета на улице и ополаскивании лица из умываль-

ника. Места хватило всем – нам на семью была выделена отдельная комнатка-пенал. На бытовые неудобства при размещении на сон никто не обращал внимания, ведь завтра на рыбалку.

Не успел провалиться в сон на продавленной раскладушке, как пора было вставать: дядя Володя разбудил затемно и попросил поторопиться, скоро отправляться. Родители, как всегда, подарили несколько минут детского сна, но ждать опаздывающих никто не собирался. Утренний клёв можно прошляпить, но мне первый и последний раз сделали исключение. Черви были накопаны с вечера хозяином дома, от которого я получил личную удочку с пробковым поплавком, деревянным удилищем и свинцовым самодельным грузилом, – зато леска и крючок оказались магазинными. Десять минут добирались до реки, встретившей утренней свежестью и едва уловимым рыбным запахом. Отправились на двух лодках вверх по течению.

В большой лодке, взятой у соседа-рыболова, кроме меня, расположились отец на вёслах и крёстный на корме, подозрительно весёлый с утра. Следовали за хозяйской лодкой, в которой находились парнишка с отцом. Прибыли на заранее прикормленное место, медленно вплывая в камыши и не работая вёслами. Остановились в десяти метрах от ведущей лодки. Тишина – все разговоры были прекращены заранее, – лишь едва был слышен комариный писк. Внимание сосредоточилось на действии старших и их повторении – *«постыжение таинства рыбалки»*...

В общем, ничего особенного. Всё, как и у других, – это стало понятно позднее из многочисленных рассказов любителей рыбалки, устных и претендующих на литературные и телевизионные шедевры. Мой результат – несколько ершей, пара окушков и одна плотвичка – оказался средним, а лучшим стал подросток-рыбачок. Он поймал два подлещика и большого окуня, не считая мелочи для кошки, а общего улова хватило на приличную кастрюлю ухи и сковородку жареной рыбы в обед.

– Плохой клёв из-за смены погоды, завтра вообще на реке делать нечего, у меня других дел по горло, а вы как хотите. И лодку берите любую, – подвёл итог хозяин.

– За лодку спасибо, возьмём большую, я к ней привык, а завтра отправимся в устье реки. Можно и попозже, а не с самого ранья, – парировал отец вполне ожидаемым решением.

На следующий день отправились около семи часов утра вчетвером, к нам присоединился парнишка, а его отец остался на берегу, решил сходить по грибы. Медленно спустились вниз по течению реки Ямы, иногда останавливались недалеко от берега – клёва действительно не было. До озера оставалось менее полукилометра, и тогда отец предложил попробовать ловить на блесну, привязанную к тонкому капроновому шпагату, в свою очередь намотанному на вращающийся деревянный прямоугольник с ручками, в просторечье – «на дорожку», аналог спиннинга.

Выяснилось, он, как бывший житель этих краёв, а точнее, деревни Скарятина Гора на берегу реки Наровы, хорошо был знаком с таким способом ловли хищной рыбы, потому прихватил на всякий случай старинное приспособление. Попробовали. На вёсла сел дядя Володя, папаша устроился на корме, дети – ближе к носу лодки. Разогнались.

– Есть! – услышал отцовский возглас, как только шпагат размотался до половины.

Владимир Кузьмич перестал грести, отец стал медленно сматывать шнур на деревянный прямоугольник, и, наконец, показался долгожданный улов – шучка средних размеров. До устья реки успели повторить процедуру – попался шурёнок, снова развернулись вверх по течению. Отец поменялся с крёстным местами, через пять минут попалась довольно крупная шука. Неплохой результат получился за полчаса.

Продолжили, стараясь не вспугнуть удачу. Теперь взрослые попеременно менялись на вёслах, а мы с парнишкой стали соревноваться в везении по очереди. У каждого было по две попытки за один заход, одна –

вверх по течению, другая – вниз. До обеда успели по шесть попыток, результат рыбачка: шурёнок и щучка средних размеров, у меня из шести пять результативных, в том числе две крупных, одна средняя щучка, один шурёнок, а последняя – почти полуметровый гигант, более пяти килограммов, пришлось взрослым помогать вытаскивать.

– Таких размеров щука мне ни разу не попадалась, – посетовал Владимир Кузьмич, с завистью глядя на добычу.

– Примерно такую рыбину лет пятнадцать тому назад поймали вдвоём с приятелем, – признался папаша.

Закончили – пора было возвращаться. Мне, как триумфатору, предоставили почетное место на корме рядом с уловом.

– Как улов? – звучал традиционный вопрос с проплывающих мимо лодок.

– Сегодня с десятков щук, молодёжь отличилась! – приятно было слышать ответ отца или крёстного.

– Мой сын! – гордо добавлял отец.

– Мой крестник и мой племянник! – вторил ему дядя Володя.

Насчёт племянника мне было не совсем понятно, о ком это он?

С разрешения взрослых за четыреста метров до места причаливания я распустил «дорожку», и, вопреки негативным прогнозам, попался окунь приличных размеров. Достойное завершение рыбацкого счастья за один день.

Причалили, Владимир Кузьмич нанизал каждую рыбину на ивовую ветку с сучком снизу, получились две связки: одна, с моим уловом, выглядела внушительно, другая, с общим, смотрелась невзрачно. Большая связка по праву была передана мне, еле удержал двумя руками, да и испачкаться не хотелось, а то от матери могло достаться на орехи. Малая была отдана пареньку, который ушёл вперёд.

Я с трудом стал подниматься от берега по склону на деревенскую дорогу. От пристани до дома по главной улице мимо храма, закрытого на вечный ремонт или реставрацию было недалеко. Предположил, что доберусь без проблем, не уронив улов

на глазах у малознакомых прохожих, которых после полудня оказалось предостаточно на главной улице села, что не удивляло – всё-таки было воскресенье.

– Слушай, а ты бы мог поменяться со мной рыбой? Мне завтра уезжать, а ты ещё наловишь, новичкам всегда везёт. Хочется пройтись с богатым уловом по улице, – обратился ко мне с необычной просьбой внезапно повернувшийся паренёк и, заметив недоумение пополам с непониманием на моём лице, добавил: – Взамен я тебе ножик с разными лезвиями отдам или китайский фонарик на трёх батарейках. Соглашайся...

Просящий взгляд с мольбой в голосе старшего по возрасту – такое трудно выдерживать в двенадцать лет. Посмотрел на мужчин – те молчали и ждали самостоятельного решения, которое ими будет воспринято с пониманием от сегодняшнего триумфатора.

– Держи! Ножик и фонарик у меня есть, а рыбу боюсь не донести, вдруг уроню в песок или сам испачкаюсь, а ты справишься, – высказал опасения с пожеланием и передал весомый улов просильщику.

Рыбачок удивился бескорыстному решению с необъяснимым отказом от даров и отдал мне свою связку рыбы (а то вдруг малый передумает). Затем, соблюдая сложившийся ритуал, важно проследовал по главной улице с чужим уловом, отвечая на ожидаемые вопросы встречных сельчан. За ним гордо двигался с меньшей связкой щук, полученной от меня, дядя Володя, подтверждая «главное авторство» племянника в сегодняшнем улове. Далее налегке, с удочками и снастями следовали мы с отцом.

– Я тебе раньше не говорил – это племянник его жены, пусть вместе порадуются, от нас не убудет, – вкратце разъяснил ситуацию папаша.

Вечером состоялся банкет в честь удачной рыбалки и отъезжающих назавтра. Настроение у крёстного было отличное, обе родственницы паренька-«триумфатора» не поскупились на отвальную – пара бутылок «Столичной» водрузились на праздничном столе, а одна была припрятана. Разносолов и закусок расположилось на новой скатер-

ти немерено, а нам с сестрёнкой выдали по персональной бутылке лимонада.

Наконец, на стол был подан главный шедевр кулинарного творчества: «Щука, запечённая в русской печи с цельными лукавицами» под горячую варёную картошку. По размерам – та самая, которую мне удалось поймать... праздник души и чревоугодия для взрослых и детей, а всего-то нужно было принять правильное решение. К концу вечера Владимир Кузьмич совсем расчувствовался и отозвал меня в сторонку.

– Ну, крестник, порадовал ты меня сегодня – век не забуду... – слёзно высказался и полез спяну обниматься, пришлось мягко увернуться.

Сестрёнка Наташка так и не поняла, с чего крёстный так расчувствовался. Я вынужден был втихаря рассказать.

А ведь действительно не забыл и частенько выручал по жизни ставший трезвенником в неотдалённом будущем бездетный приятель отца. В конце восьмидесятых годов Владимир Кузьмич, уже вдовец, повторно женился и перебрался в столицу, но никогда не отказывал в ночлеге крестнику, командированному по делам в Москву. Но это совсем другая история...

На следующий день перед отъездом паренёк подарил мне перочинный ножик, пусть и не обещанный, а похуже, но искренне вручил на память. Обменялись адресами, но больше не свиделись, а когда собрался написать ему письмо, записанный на клочке бумаги адрес потерялся. Значит, не судьба.

После обеда опять выбрались на речные просторы, на этот раз пришлось взять с собой сестрёнку. Тем более, по моим рассказам, такие чудеса на рыбалке происходили. Отец высадил нас на правом берегу, при впадении реки Ямы в озеро, обеспечив удочками и червями, а сам отправился с крёстным по знакомым рыбацким заводям. Место оказалось очень удачным – Наташка выловила больше десятка окуней, не глядя

на поплавок, а примечая сквозь прозрачную воду момент поклёвки. Мне же просто надоело ловить самому, глядя на прибывающую горку рыбы, только успевал отыскивать в траве пойманных окуней, складывать в кучу и насаживать на крючок очередного червя.

Казалось, радостный визг сестрёнки был слышен на другом берегу Чудского озера, однако окуни на посторонние звуки внимания не обращали и крутились вокруг крючка с наживкой, ожидая очереди быть выловленными. Новичкам, пусть и маленьким девочкам, действительно везёт. Очередной рыбацкий день закончился удачно.

Оставшиеся дни пролетели незаметно, рыбалка из праздника превратилась в обыденность. Наловили чересчур много, особенно щук, отдав хозяину на вяление. Он рассчитался с нами уже проявленной рыбой в соотношении две свежих за одну готовую. Гостеприимные хозяева проводили до остановки, помогая нести мешок с рыбой, и на прощание предложили приезжать в любое время года.

Подъехал маленький автобус – через час оказались в городке Йыхви, а большой автобус домчал за двадцать минут до родного посёлка Сомпа. После недельного отдыха было о чём рассказать дворовым и школьным приятелем, а главное, предстояло похвастаться о рыбацких успехах старшему двоюродному брату Валерию, заядлому рыбачку.

Ни профессионалом, ни любителем рыбалки я так и не стал. Но тогда, двенадцатилетним подростком на берегу реки Ямы без сожаления уступив право пронести по главной улице села большую связку пойманной рыбы, я словно вернул страсть к рыбной ловле, которая во мне только зарождалась, пареньку, племяннику искренне уважаемого крёстного дяди. В тот день для Владимира Кузьмича и его племянника маленький триумфальный ритуал рыбаков оказался значительно важнее и нужнее...

Наталья Мосина

г. Москва

Танец бабочек

Сказка

Наступила осень. Небо заволокло тучами. Подул сильный ветер, сорвал кленовый листок с ветки, и тот полетел. Рядом в причудливом хороводе кружились другие его собратья. Зрелище было очень красивым, но листку с грустью подумалось, что все они рано или поздно упадут на землю, покрыв её чудесным разноцветным ковром, а потом просто исчезнут под действием ветра, дождей и холодов.

– Ребята! – вдруг крикнул он остальным. – Пока мы ещё не упали на землю, давайте летаем не просто так!

– Как это? – не поняли остальные.

– А вот так! Давайте соединимся черенками по четверо: два листка вверху, два – внизу, и из нас получатся замечательные бабочки. Мы будем кружиться в виде бабочек!

Все сделали так, как предложил кленовый листок. По полянке закружили рыже-красно-жёлто-зелёные бабочки. Это было так красиво, что случилось Чудо. Вся полянка озарилась солнечным светом, и послышалась тихая мелодия вальса. Вальса Бабочек из разноцветных листиков.

На краю полянки стояли мама и маленькая Оля и с восхищением наблюдали за происходящим. Они и верили, и не верили своим глазам, ведь увидеть такое до сих пор не приходилось даже маме.

Через какое-то время музыка прекратилась – так же внезапно, как и началась. Всё на свете имеет обыкновение заканчиваться... Маме не хотелось, чтобы удивительные бабочки исчезли вместе с музыкой, поэтому она поймала нескольких, а затем, уже дома, приклеила их на большой лист бумаги. Дочке понравилась получившаяся аппликация, и она отнесла её в детский сад. Там эта работа попала на конкурс «Осенние фантазии». Листочки были очень рады, что теперь они не исчезнут бесследно, а дети и взрослые смогут увидеть, какие из них получились замечательные бабочки! Только жаль, что самого танца нельзя было увидеть на аппликации...

Однако с тех пор каждую осень обязательно наступает счастливый день, когда разноцветные листочки, собравшись на полянке, начинают свой прекрасный танец. При этом всегда звучит мелодия Вальса Бабочек.

Некоторым добрым людям, любящим Природу, Красоту, Музыку и верящим в Чудо, иногда удаётся увидеть этот необычный танец и услышать чудесную музыку.

Страницы автора
soyuz-pisatelei.ru/mosina
vk.com/mosinanatalia

Международный детский литературный клуб «Озарёнок»

Страницу ведёт Н. П. Гаврикова, руководитель МДЛК «Озарёнок»

Лучшие работы / Всероссийского литературного конкурса «Теремок юных сказочников»

Каждый человек в той или иной мере сталкивается в своей жизни со сказкой. Будучи маленькими, мы слышали много разных историй от родителей, а повзрослев, пересказываем понравившиеся сюжеты своим детям, которые совсем по-другому воспринимают наши сказки. Многие авторы пробуют писать сказки сами, первым из них стал Шарль Перро, после него были Ганс Христиан Андерсен, братья Гримм и другие.

И в нашем детском литературном клубе «Озарёнок» прошёл конкурс сказок. И пусть на конкурс было представлено всего пятнадцать работ, но каких замечательных! Ребята творчески подошли к делу, пофантазировали, оживили любимые игрушки. В сказках наши юные авторы наполнили жизнью снежинки, сосульки, подснежники, деревья и даже мебель. А ещё попробовали попасть в потаённый мир Интернета, сколько там всего интересного! Есть и поучительные истории о правилах поведения на дорогах, о красотах родины, о проведении праздников. Огромная благодарность членам жюри Вере Владимировне Сытник и Наталье Сергеевне Меркушиевой за профессионально выполненную работу. Марии Вячеславовне Соседко хочется сказать большое спасибо за помощь в оформлении документации конкурса. В качестве поощрения участников клуба было принято решение все работы опубликовать в литературном журнале «Союз писателей»! Поздравляем победителей!

1-й класс

1-е место

Амир Иплаев

1-й класс, ЧОУ СОШ
Альфа, г. Уфа; руко-
водитель Н. С. Несте-
рова

Волшебная кухня

Жил-был табурет на одной кухне. Это был волшебный табурет с трубой. Он любил трубить.

Однажды он играл со столом. Табурет схватил стол за хвост, потому что стол был тоже волшебный и с хвостом. А кот схватил за усы и стал их тянуть. С тех пор у табурета остались кошачьи усы, длинные и красивые, да ещё труба. Вот такая волшебная кухня. Стол с хвостом и табурет с усами и трубой...

2-е место

Михаил Абрамов

1 «А» класс, СМР БОУ
«ООШ № 10», г. Сокол;
руководитель М. Г. Оку-
личева

Моя любимая игрушка

У меня есть плюшевый медведь. Зовут его Мишутка.

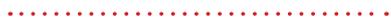
Мне его подарила сестра, когда я ещё ходил в детский садик. Он золотистого цвета, глазки чёрные, как бусинки, чёрный носик, на шейке красный бантик.

Я с ним играю, он меня ждёт, когда я приду из школы. Мне Мишутка очень нравится, я его никому не отдам.

У Мишутки появился друг – собачка по кличке Цветашка. Я её сделал в школе

на мастер-классе. Цветашка ярко-жёлтая, глазки синенькие, ушки оранжевые, чёрный хвостик.

Цветашка с Мишуткой сдружились и всегда вместе. Я с ними играю, иногда им рассказываю свои секреты, они никому их не расскажут. Я думаю, они самые лучшие друзья.

3-е место

Анфиса Кряквина

1 «Г» класс, БОУ СМР «СОШ № 1», г. Сокол; руководитель Л. Н. Афанасьева

Слоник

У меня есть моя любимая игрушка – розовый Слоник. Я с ним люблю спать. Когда мне снятся страшные сны, я его обнимаю, и мне это помогает. Слоник прогоняет все страхи! Я его люблю!

3-е место

Настя Лобанова

7 лет, МАДОУ Детский сад № 324, г. Уфа; руководитель Н. С. Нестерова

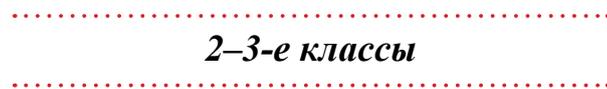
Удивительная экскурсия

У одной девочки жил щенок. Его звали Слостёна. Он был шоколадного окраса и очень сильно любил сладости, особенно шоколад.

Как-то раз девочка ушла в школу и забыла на столе плитку шоколада. Слостёна решил полакомиться.

Когда девочка пришла домой, она очень удивилась. По всей квартире были следы шоколадных лап: на полу, на стенах, даже на потолке. Шоколад был настолько липкий, что Слостёна смог забраться на потолок.

Девочка не поругала щенка, а, наоборот, поощрила его шоколадом. Долго к ней ещё ходили друзья на удивительную экскурсию.

2–3-е классы

1-е место

Елизавета Кряквина

3 «Г» класс, БОУ СМР «СОШ № 1», г. Сокол; руководитель Л. Н. Афанасьева

Подснежники в лесу

Однажды на лесной полянке ранней весной распустился первый молоденький подснежник. Он воскликнул:

– Ура! Весна! Тёплые дни! Как хорошо!

Рядом проснулся ещё подснежник. И ещё, и ещё, и ещё...

Они стали весело переговариваться. Такой был шум! Этот шум мешал деревьям. Они ещё не проснулись от зимней стужи. Деревья тогда сказали подснежникам:

– Хватит! Хватит шуметь!

Подснежники замолчали. Стало так тихо, что было слышно журчание молодого ручейка, щебетание птиц, которые тоже радовались весне. Цветы поняли, что если будут говорить и говорить, то будет слишком шумно и они не услышат пения природы. И они часто замолкали, слушали, как звучит музыка ветра в ветвях деревьев, как весело журчит ручейк и как птицы радуются приходу весны!

2-е место

**Елена
Вологжанина**

2 «Б» класс, БОУ СМР
«СОШ № 3», г. Сокол;
руководитель М. Г. Оку-
личева

День рождения Весны

Жили-были Сосулька и Воробей. И дума-
ли они, что же подарить на день рождения
Весне. Вот и говорит Воробей Сосулке:

– Я подарю Весне красивую песенку. А
ты что можешь подарить?

А Сосулька говорит:

– Не знаю, что подарить, – и расстрои-
лась.

Когда стало припекать солнышко, из-под
земли пробилась Мать-и-мачеха, но от жар-
кого солнца начала засыхать. Сосулька за-
плакала: ей было жалко цветочек, который
рос прямо под ней. Капли попали на цве-
ток, и Мать-и-мачеха ожила.

Так Сосулька напоила цветок, который
порадовал красавицу Весну и нас своими
жёлтыми маленькими солнышками.

.....
4-й класс
.....

2-е место

Ольга Сохрина

4 «А» класс, БОУ СМР
«СОШ № 5», г. Сокол;
руководитель Л. Н. Афа-
насьева

Любимый Мишка

Жила-была девочка Маша, и была у неё
любимая игрушка – плюшевый Мишка. Од-
нажды настал большой праздник – Машин
день рождения. К ней пришло много дево-
чек и мальчиков. Ей подарили множество
подарков, но особо выделялись три игруш-
ки: Соловей, красивая Кукла и Кошечка. Че-
рез некоторое время новые игрушки стали
спорить, кого из них Маша больше любит.

– Меня Маша больше любит, – раздал-
ся голос красивой Куклы. – Мы с ней и чай
пьём, и наряды примеряем, и вот недавно
Маше купили красивую заколку. Кто бы
оценил её красоту? Неужто ты, Соловей?

– Я хоть в украшениях не разбираюсь, –
ответил важным голосом Соловей, – но
могу Машу развеселить. Заведёт меня
Маша, запрыгаю я, запою красивую песен-
ку, только и слышен Машин смех.

– А я, – замыкала плюшевая Киска, –
Маше настоящую кошку заменяю. Она

меня и гладит, и молочко даёт, и гулять вы-
водит.

Вдруг забежала Маша в комнату, посади-
ла все игрушки рядом: и Мишку, и Котёнка,
и Соловья, и Куклу. И сказала:

– Я пошла в садик, ведите себя хорошо!

Когда Маша ушла, Соловей произнёс:

– Вот кто из нас самая худшая игрушка?

Все засмеялись. А Мишка сказал:

– Главное – не красота, а то, как ты лю-
бишь свою хозяйку.

.....
3-е место

Искандер Хафизов

4-й класс, МБОУ
СОШ № 119, г. Уфа;
руководитель Н. С. Не-
стерова

Добывайки на мельнице

Как только Добывайки прибыли на ста-
рую мельницу, Спиллер сразу же показал
им старого мельника, который оказался вы-
соким и худым стариком, да к тому же ещё
и близоруким. Что было большим плюсом.
Это значило, что Под мог спокойно ходить
добывать с Аиреттой. Следующим пунктом
был поиск жилья.

– Только не на чердаке, – сказала Хомилия. – Я не хочу больше летать на воздушном шаре.

Как только она это произнесла, глаза у Спиллера загорелись...

«Видимо, он опять захотел воздушный шар», – подумала Аиретта и укорительно посмотрела на маму.

– Я с этим тоже согласен, – сказал Под. – Люди легко могут нас там увидеть!

После этого диалога затянулась долгая пауза. Все размышляли, где бы им можно было укрыться. Вдруг глаза у Пода оживлённо загорелись, он спросил у Спиллера:

– Ты хорошо знаешь местность?

– Да.

– Сколько ты видел деревьев с дуплами поблизости к речке?

– Два.

– Да... – протянул Под, – выбор невелик. Идём, покажешь.

После чего шли они минут двадцать. Вдруг Спиллер резко остановился и, кинув

небрежный взгляд на старое, покрытое плесенью дерево, сказал:

– Вот.

– М-да... – разочарованно сказал Под, – нам такое не подходит.

Вдруг из-за кустов раздался весёлый голос Аиретты:

– А я нашла второе дерево.

Под и Хомилия быстро побежали к ней.

– Что это было? – запыхавшись, спросила она Аиретту. И, оглядевшись, так и застыла на месте.

На этой полянке было всё: спелые ягоды земляники и ежевики, грибы, пристань, скрытая от чужих глаз огромными камышами, – здесь можно было прятать барку, и, наконец, само дерево. Оно было большим, а дупло было так высоко, что десять Спиллеров не могли с ним поравняться.

Добывайки нарвали себе мягкой травы, пока Спиллер пригонял барку. Затем они забрались наверх, разложили траву и заснули крепким сном.

.....
5–10-е классы
.....

3-е место

Альбина Рабаева

5-й класс, МБОУ СОШ № 119; руководитель Н. С. Нестерова

Снежинка

Жила-была Снежинка, она была такой лёгкой, что представляла себя самой красивой. Она ждала, когда придёт зима и можно будет полететь на землю. И вот пошёл снег, Снежинка полетела вместе с ним и упала прямо в сугроб. Ей стало так щекотно, что Снежинка засмеялась так громко, как будто она самая главная здесь. Когда она пошла погулять, увидела сосульку и решила с ней познакомиться.

– Привет, – сказала Снежинка.

Но Сосулька даже не посмотрела в её сторону. Тогда Снежинка захныкала, а Сосулька её услышала и спросила:

– Что ты расхныкалась, мелкая?

Все остальные Сосульки рассмеялись. В ту минуту с неба прилетела ещё одна снежинка, её звали Лулу. Лулу спросила Снежинку:

– Почему ты плачешь?

Снежинка ответила, что над ней смеялись Сосульки. И тогда Лулу подошла к ним и попросила Сосулек извиниться. Сосульки рассмеялись ещё громче. Лулу сказала Снежинке:

– Пусть смеются.

Через три месяца, когда обида уже прошла, пришла весна. Солнышко грело, а снег и Сосульки начали таять. Тогда Лулу и Снежинка пришли к Сосулькам. Снежинка увидела, как тают Сосульки, и сказала:

– Вот! Будете знать, как обижать маленьких!

И Сосульки растаяли, не успев ничего сказать. А Снежинка и Лулу улетели на небо до следующей зимы.

Редакция «СП»
поздравляет Анну Гурову
с победой в конкурсе рецензий
ко дню рождения журнала!

**Друзья,
прекрасен ваш Союз!**

Порой так бывает, что впечатление складывается само собой по воле случая. И знакомство с журналом «Союз писателей» оказалось именно случайным и в то же время абсолютно своевременным. А началось всё с того, что в нашу библиотеку пришла посылка с книгами от издательства «Союз писателей». Ещё в феврале, когда по всей стране проходили Дни книгодарения, поступило заманчивое предложение из Новокузнецка: а не хотите ли вы принять участие и в нашей акции «Подарок библиотеке»? «Конечно хотим!» – радостно подтвердили мы... и как-то в череде ежедневных забот и мероприятий совершенно об этом забыли. И тут вдруг посылка! Увесистая! Кем-то заботливо упакованная и отправленная в далёкий сибирский городок.

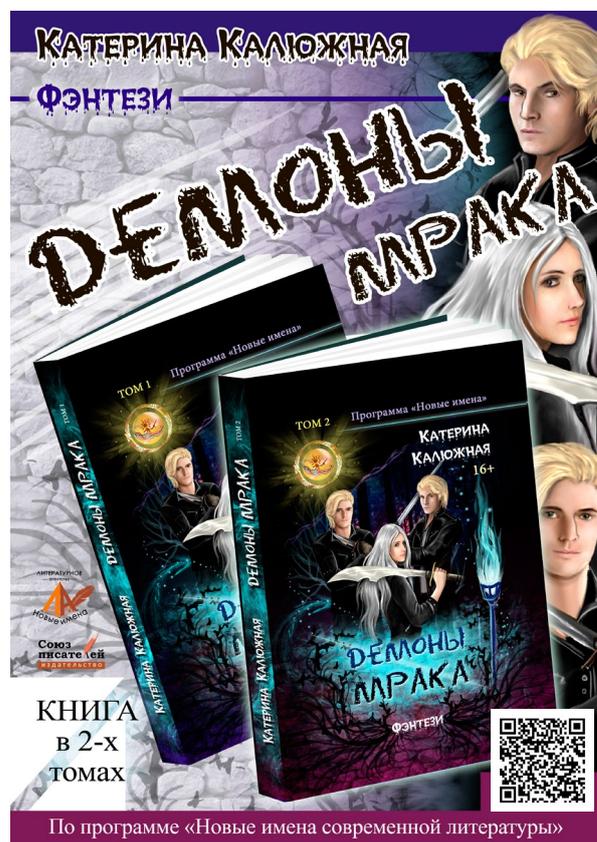
Содержимое посылки привело в полный восторг – внутри оказалось больше десятка новеньких изданий, включая аудиокниги для детей, подростков и молодёжи. А вот авторы даже для нас, библиотекарей, оказались сплошь таинственными незнакомцами – Елена Толстенко, Наталья Ведищева, Галина Захватова и Наталия Ярославцева, Адриан Фараван, Катерина Калюжная, Игорь Языков, Ольга Митькина, Светлана Вазир... Столько имён, и о каждом писателе хотелось бы узнать – кто прячется за всеми этими обложками? Не успела озадачиться этим вопросом, как на глаза чуть ли не в тот же день попался первый номер журнала «Союз писателей». И каково было моё удивление, когда буквально на первых же страницах вижу интервью с Игорем Языковым про его «Запретные порталы» и тайны, которые они скрывают. Тут же фото самого автора – приятный молодой человек, чёрная шляпа, прямой, открытый взгляд. Искренние ответы, без всякого бахвальства и растекания мыслей. Оказалось, у нас с автором много общего – я тоже храню подшивки журнала «Галилео», люблю Гарри Поттера, «Властелина колец» и «Хроники Нарнии», а ещё искренне верю в существование других миров и внеземных цивилизаций (ну не можем мы быть единственными отроками во Вселенной!). И вот так за 10 минут прочтения статьи в журна-

ле Игорь Языков перестал быть незнакомцем! Теперь это понятный мне человек, в чём-то близкий по духу, и я знаю, о чём с ним можно поговорить. И это здорово! Именно для этого и существуют книги и журналы – чтобы стирать границы между читателями и писателями. И редакции журнала «Союз писателей» это удаётся. Удаётся рассказывать об авторах-современниках так, что возникает желание тут же перечитать все детские книжки Елены Костоусовой и без промедления добавить в список для будущего прочтения романтическую прозу Ирины Ежовой. А какой замечательный на страницах журнала получился «Книжный обзор»! Все рецензии написаны простым языком, без банального пересказа сюжетов. Обязательно возьму за наглядный пример на занятия в творческой студии нашего детского литературно-творческого объединения «Алые паруса», где мы тренируемся писать содержательные отзывы на прочитанные книги. Но журнал не ограничивается материалами для читателей, в рубрике «Психология творчества» можно найти полезные советы и для самих писателей. Например, как победить прокрастинацию и заниматься творчеством даже тогда, когда нет ни времени, ни сил. В качестве мотивации журнал ненавязчиво предлагает поэтическую подборку других авторов, которые в стихах делятся своими наблюдениями, мыслями, воспоминаниями, навеянными зимними пейзажами. Равнодушны к рифме? Пожалуйста, отрывок из романа Ларисы Агафоновой. В общем, зима «от и до» в интерпретации российских авторов, которые, к слову, живут в самых разных городах и сёлах нашей необъятной страны, но всех их собрал под одной обложкой журнал «Союз писателей». Продолжают знакомить с творчеством современных поэтов и прозаиков жанровые разделы журнала «Поэзия» и «Проза и публицистика». Есть рубрика и для юных читателей – «Цветные зонтики», в которой публикуются стихи для детей. Продолжает тему детского творчества рубрика детского клуба «Озарёнок» – здесь делится опытом руководитель клуба, подводятся итоги литературного конкурса «Летнее вдохновение», публикуются лучшие детские работы. Есть здесь и «Страна Озарение», где правят балом кузбасские литераторы.

В общем, каждому нашлось место на страницах журнала – и уже заслуженным авторам, и дебютантам, и взрослым, и детям, и читающим, и пишущим, и тем, кто ещё только задумывается об издании своей первой книги – издательство «Союз писателей» на конкурсной основе даёт грант по программе «Новые имена современной литературы». Вот такой он, прекрасный союз единомышленников и творцов! И отличный полиграфический продукт с приятной вёрсткой и хорошим качеством иллюстраций.

**Анна Гурова, заведующая отделом методической и массовой работы
МБУ «Централизованная библиотечная система г. Югорска»**

Популярные книжные новинки

Заявка на участие в журнале «Союз писателей»

Наши услуги

Проект ведётся по принципу самофинансирования, участие подразумевает оплату за занимаемый объём из расчёта 300 руб. / страница прозы; 500 руб. / страница поэзии.

Максимальный возможный объём публикации в одном выпуске – 10 страниц. Возможна публикация больших произведений с продолжением в следующих номерах.

Биографии авторов в журнале не публикуются.

Оплата заказанных экземпляров только предварительная. Стоимость 1 экз. – 300 рублей + почтовые расходы. Приём работ – по графику.

Заполните анкету, вырежьте страницу и отправьте по почте: 654079, г. Новокузнецк, Кемеровская область, а/я 170. Издательство «Союз писателей».

Ф. И. О. (и псевдоним автора):

Полный почтовый адрес:

Номер телефона:

Кол-во экземпляров журнала:

Кол-во предполагаемых страниц для участия:

Удобный способ оплаты (подчеркнуть нужное):

Почтовый перевод / На расчётный счёт / VISA / Электронные деньги (Robokassa)

Ваш координатор:

подавая заявку в журнал, я соглашаюсь с условиями публикации.

Дата _____

Подпись _____

Полный цикл издательских работ:

- профессиональная вёрстка;
- корректорская и редакторская правка текстов;
- индивидуальное художественное оформление;
- присвоение ISBN и библиотечных кодов;
- изготовление книг на собственном оборудовании;
- издание электронных книг в различных форматах.

Продвижение и помощь в реализации:

- написание рецензий, отзывов, статей;
- информационная поддержка в периодических изданиях;
- возможность размещения на интернет-ресурсах издательства и партнёров;
- реализация в розничных книжных магазинах.

Программы Литературного агентства «Новые имена»:

- «Новые имена современной литературы»
- «Персональный литагент для поэтов»

Кроме того:

- сезонные и индивидуальные скидки;
- VIP-клуб литераторов;
- создание мультфильмов по вашим произведениям;
- конкурсы.

И ещё...

Издательство «Союз писателей» с радостью примет и опубликует на своих площадках ваши:

- отзывы о журнале и книгах;
- рецензии на книги или материалы журнала;
- фото с книжной продукцией издательства;
- новости о мероприятиях и достижениях.

Если у вас есть чем с нами поделиться – присылайте письма на электронный или почтовый адрес редакции.

На полках наших магазинов
«Планета книг» и «#Книга»
более 1000 изданий.

planeta-knig.ru | knigi-market.ru

#КНИГА

Интернет-магазин
современной литературы

knigi-market.ru

Журнал в социальных сетях

